

ЖУЗУНЬ
БУДУУ

“НАУКА”
СИБИРСКАЯ
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
РАН

ЖУЗНЫ БУДДЫ

"Наука"
Новосибирск
1994

УДК 934
ББК 86.39
Ж71

Жизнь Будды. Новосибирск: "Наука". Сибирская
Ж71 издательская фирма РАН, 1994. — 256 с.
ISBN 5—02—030706—8.

Внимание читателей предлагается первый русский перевод широко известной в мире книги А.Ф. Герольда, обобщившего громадное количество дошедших до нас преданий, легенд и притч о Будде. Кроме того, в книгу включены лекция С.Ф. Ольденбурга "Жизнь Будды, индийского Учителя Жизни" и "Ваджраччхедика Праджня-парамита Сутра", известная в Европе как "Алмазная Сутра", которая принадлежит к наиболее почитаемым буддийским текстам, а также очерк о Будде К.М. Карякина.

Ж $\frac{0403000000-076}{042(02)-94}$ 59—93 II полугодие

ББК 86.39

ISBN 5—02—030706—8

© Перевод на русский язык, составление.
С.А. Комиссаров, 1994
© Оформление. "Наука",
Сибирская издательская фирма РАН,
1994

СВЕТ ВЕЛИКОЙ ЖИЗНИ

После многих десятилетий отчаянного безбожия страна наша вновь обратилась к религии. Очевидно, в этом проявилась общая закономерность, поскольку и в других странах, где атеизм не декретировался сверху, а сознательно избирался в качестве основы мировосприятия многими мыслящими людьми, вдруг выяснилось его бессилие в объяснении важнейших вопросов, касающихся как жизни отдельного человека, так и общества в целом. Наша же, российская специфика обнаруживается в той страстности, истовости, с какой воспринимают у нас различные религиозные и около-религиозные системы.

Мы наблюдаем сейчас активное распространение и усвоение главных положений христианского вероучения (в первую очередь, православного толка) и, в несколько меньшей степени, ислама. Причины этого вполне понятны. Однако трудно смириться с тем, что в нашей стране очень мало знают о других религиях Востока (за исключением, пожалуй, экзотического учения кришнаитов)* Между тем буд-

*Справедливости ради надо отметить, что на рубеже веков в России наблюдался взлет интереса к буддизму. Издавались десятки художественных, популярных и научных книг, как переводных, так и оригинальных, посвященных различным аспектам великого учения. Но эта линия развития, как и многие другие, вскоре была прервана. Сейчас началось возрождение русской буддистской литературы. Можно отметить, например, переиздание поэмы Ашвагхоши "Буддачарита" в переводе К.Д. Бальмонта. Вышли в свет сборники трудов Ф.И. Щербатского и С.Ф. Ольденбурга.

В данное издание мы сочли возможным включить два произведения, представляющих отечественную традицию популяризации буддизма. Лекция академика С.Ф. Ольденбурга, написанная им в 1919 г., — это классическая работа выдающегося востоковеда, в которой ясность слога опирается на прочные научные знания. Очерк К.М. Карягина, изданный в конце прошлого века в одной из самых популярных серий "Жизнь замечательных людей", дает представление об уровне знакомства с идеями буддизма самых широких кругов российских читателей.

дизм является неотъемлемой составляющей жизни многих государств — от израненной Камбоджи до процветающей Японии. На Востоке его различные толки, школы и секты охватывают сотни миллионов человек. В последнее время буддистские идеи приобрели немалую популярность на Западе. Многие исследователи считают буддизм наиболее открытой и потому наиболее перспективной религией, которая дает место и ревностному приверженцу внешних обрядов, и любителю глубоких раздумий.

Буддизм древнее и христианства, и ислама, он восходит к V в. до н. э. На протяжении почти 2500 лет он непрерывно развивался, обогащаясь новыми идеями и отбрасывая отжившие. Собственно говоря, каждая религия есть лишь адаптация некоторых основных концепций применительно к меняющемуся миру. Поэтому для истинного понимания того или иного учения необходимо отстранить на время все внешние украшения (при всей их важности и ценности) и обратиться к истокам.

А здесь, в свою очередь, самого пристального внимания заслуживают личность и поступки основателя и его ближайших сподвижников. Помимо высказываний и проповедей, огромное значение приобретает их земная жизнь, которая воспринимается в качестве ориентира нравственного поведения, хотя большая часть деяний, совершенных Учителями, принципиально недостижима для простых людей. Главное — не в прямом копировании, а в постоянной оценке себя самого. К тому же многие эпизоды, описываемые в священных книгах, это не прямое описание каких-либо событий, а часто — символ, намек, поясняющая картинка.

Земная жизнь Сиддхартхи Гаутамы не изобиловала внешним драматизмом. Располагая царской властью и изведав самых изысканных чувственных наслаждений, он сознательно отказался и от того, и от другого. Затем, пройдя курс подвижничества, он столь же осмысленно отверг чрезмерную скудость монашеской жизни. Погрузившись в глубокую медитацию под деревом бодхи, Благословенный познал “истинный закон” и отразил нашествие сил зла. После этого вплоть до конца своих дней он учил Закону других. Таким образом, основные жизненные принципы для последователей Будды можно сформулировать так: разумное ограничение, медитация, учительство. Как видим, здесь нет христианской идеи мученичества, в чем и состоит одно из основных различий этих двух учений, хотя многие нравственные запо-

веди Будды и Христа совпадают почти дословно. Буддизм не требует от последователей полного самоотречения, планка совершенства не поднята на недостижимую высоту. В самой жизни его Основателя заложены великие идеи махаяны.

В заключение — несколько слов о книге, представляемой вниманию читателя. Жизнь Просветленного не была запечатлена в канонических евангелиях. До наших дней дошло громадное количество довольно разнородных проповедей, легенд, притч и т. п., в которых пересказывается тот или иной эпизод Его жизни. В этих текстах есть разночтения и несоответствия. Поэтому все многочисленные обобщения, начиная с упомянутой поэмы “Буддачарита“, согласуясь в основном, неизбежно различаются в деталях. Надеемся, это не смутит дотошного читателя, поскольку священную историю нельзя воспринимать буквально.

Основой данного сборника является книга “Жизнь Будды“, написанная на французском языке А. Фердинандом Герольдом, который использовал все доступные ему источники и научные публикации. Достаточно сказать, что в качестве консультанта Герольда выступил Сильвэн Леви, известнейший буддолог, директор Института индийской цивилизации в Париже. Но подлинный успех книга получила будучи переведена на английский язык Полом Блумом. Опубликованная впервые в Токио в 1954 г., она неоднократно переиздавалась, что свидетельствует о ее большом успехе у западного читателя, отнюдь не страдающего, между прочим, от недостатка буддистской литературы. Перевод на русский язык выполнен по тринадцатому стереотипному изданию. Данный экземпляр был приобретен в Индии известным специалистом по мифологии В.В. Евсюковым и любезно предоставлен им в наше распоряжение.

Некоторые имена героев “Жизни Будды“ имеют написание, отличное от принятого в нашей литературе. Относясь к тексту книги как к авторскому произведению, переводчик счел себя не в праве вносить здесь какие-либо изменения или исправления, тем более, что различия невелики и легко узнаваемы.

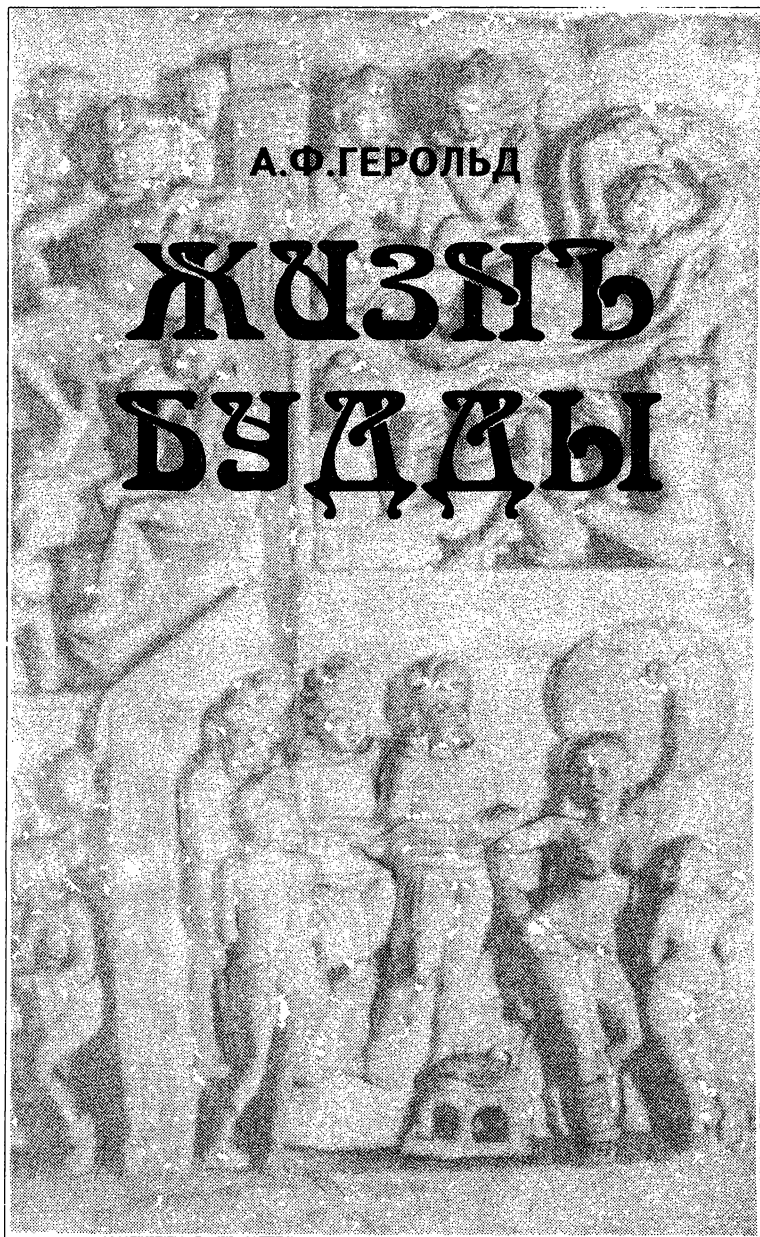
Быть может, непривычными для читателя окажутся подчеркнута пышные описания и некоторая велеречивость героев книги. На наш взгляд, такой стиль задает необходимую дистанцию между плавным изложением событий прошлого и бешеной скороговоркой дней нынешних. Пусть каждый най-

дет время несуетно проследить жизненный путь Учителя учителей, не обольщаясь внешней простотой его откровений. Ведь все вечные истины звучат очень просто. Сложность в другом: понять их надо не головой, а сердцем.

С.А. Комиссаров

А.Ф.ГЕРОЛЬД

ЖИЗНЬ БУДДЫ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Царь Суддходана и царица Майя	12
2. Сон Майи	14
3. Рождение Сиддхартхи	15
4. Пророчество Аситы	17
5. Сиддхартха в храме	18
6. Первая медитация Сиддхартхи	20
7. Женидьба Сиддхартхи	22
8. Сиддхартха ведет жизнь, полную удовольствий	27
9. Три встречи	29
10. Сон Гопы	32
11. Сиддхартха стремится познать великую истину	35
12. Сиддхартха покидает дворец своего отца	38
13. Сиддхартха-отшельник	39
14. Печаль Гопы и Суддходаны	41
15. Доктрина Араты Каламы	43
16. Сиддхартха и царь Вимбасара	44
17. Сиддхартху покидают его первые ученики	46
18. Сиддхартха под деревом познания	48
19. Поражение Мары	51
20. Сиддхартха становится Буддой	54

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. Трапуша и Бхалика	56
2. Будда готовится к проповеди учения	59
3. Будда идет в Бенарес	61
4. Будда обретает своих прежних учеников	62
5. История отшельника и зайца	65
6. История Падмаки	68
7. Будда в бамбуковой роще	71
8. Сарипутра и Маудгальяна	74
9. Будда умиротворяет недовольных в Раджагрихе	75
10. Суддходана отправляет послание сыну	76
11. История о журавле и рыбах	78
12. История Висванатры	82
13. История Дхармапалы	90
14. Великая добродетель Гопы	92
15. Нанда отвергает царский сан	93
16. Будда покидает Капилавасту	95
17. Пожертвование Анатхапиндики	97
18. Новые ученики	100

19. Гордыня Нанды	102
20. Кончина Суддходаны	104

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1. Махапраджапати получает разрешение вступить в общину	106
2. Будда разоблачает мошенников	109
3. Супрабаха	111
4. Вирупа . . .	113
5. Хитрость Синги . . .	115
6. Будда укрощает дикого буйвола	118
7. Разлад среди монахов	119
8. Танцовщица Кувалая . . .	121
9. Бог Алавака повержен Буддой	123
10. Деведатту изгоняют из общины	126
11. Сокровищница Аджатасатру	127
12. Смерть Девадатты	130
13. Прасенаджит и Аджатасатру	132
14. Будда обучает закону	134
15. Будда и пастухи . . .	135
16. Будда наставляет монахов Ваисали	137
17. Трапеза у Гунды	139
18. Будда входит в нирвану	140

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

В безмятежном великолепии, в небесном сиянии пребывал Капилавасту — город, где некогда жил великий отшельник Капила. Стены его были подобны облакам, а дома и сады испускали волшебный свет. Драгоценные камни изгоняли мрак и бедность. Ночью, когда лунные лучи своими серебряными пальцами касались башен, город был подобен пруду с кувшинками; днем, когда террасы дворцов заливало золотом солнце, он напоминал реку, заросшую лотосами.

Главным украшением Капилавасту был его царь Суддходана, добрый и щедрый, скромный и справедливый. Выступив против своих храбрейших врагов, он поверг их в сражении, подобно тому, как Индра низринул на землю могучих слонов. И так же, как темнота рассеивается, пронзенная лучами солнца, так и люди порочные побеждались его сияющей славой. Он нес свет миру и указывал верный путь ближним своим. Его великая мудрость снискала ему немало отважных и проникательных друзей, блеск которых еще больше усиливал славу царя, подобно тому, как свет звезд сливается с лунным сиянием.

Среди многих жен Суддходаны, царя народа сакья, любимейшей была прекрасная Майя. Подобно богине Лакшми, спустившейся в дольний мир, пленяла она красотой. Сладкоприятные речи ее звучали, как пение птиц весной. Волосы цвета черной пчелы обрамляли чело бриллиантовой чистоты, прохлада очей напоминала свежий листок голубого лотоса. И никогда хмурый взгляд не осквернял изящный изгиб ее бровей.

Добродетельная Майя делала счастья всем своим подданным и следовала благочестивым поучениям наставников. Исполненная правды, она являла пример к подражанию.

Спокойно и счастливо жили царь и царица в городе Капилавасту.

В один из дней царица омыла тело, умастилась благовониями и надела изысканное многоцветное платье. Руки

унизала она драгоценностями, золотые браслеты зазвенели на щиколотках. Лицо ее лучилось счастьем, когда предстала она перед царем.

Суддходана восседал в большой зале. Сладкая музыка баюкала его спокойную дремоту. Майя села справа от него и так сказала:

— Выслушай меня, мой господин. Обещай, о защитник земли, оказать мне милость!

— Говори, моя царица, — отвечал Суддходана. — Какая нужна тебе милость?

— Повелитель, сочувственный взор мой видит в мире безмерное страдание. Я могла бы помочь несчастным созданиям, я закрыла бы разум для грешных мыслей. И пока я буду воздерживаться от греха в делах и помыслах, желая блага себе, я смогу быть полезной и нести благо другим. Я оставлю гордыню, о царь, и не стану внимать голосу грешного желания. Ни разу не произнесу я пустого или бесчестного слова. С этих пор, мой господин, я стану жить в строгости и затворничестве. Никогда не проявлю я злую волю или порочность, ненасытность или ненависть, не узнаю гнева и зависти. Я буду довольна своей судьбой, буду сторониться лжи — и стану чиста. Мой путь будет только путь добродетели! Вот почему губы мои улыбаются ныне, вот почему я исполнена радости.

Майя остановилась на мгновение. Царь смотрел на нее с нежностью и восхищением. Она же продолжала:

— Господин мой, я прошу уважения к моей строгой жизни. Не входи в темный лес желаний, дозвожь мне соблюдать священный закон воздержания. Я приготовлю себе покои в дальних пределах дворца. Там, где лебеди свили гнезда, уже готово для меня ложе, усталное цветами, — мягкое благоуханное ложе. Только мои девушки останутся прислуживать мне. Ты можешь распустить всех евнухов, стражников и слуг. Я буду избавлена от безобразных зрелищ, непристойных звуков и неприятных запахов.

Она замолчала. Тогда сказал царь:

— Быть по сему! Я исполню твои просьбы.

И он приказал:

— В дальних пределах дворца, там, где воздух наполнен лебедиными кликами, на ложе из редчайших цветов пусть обретет отдых царица, одетая в золото и драгоценные камни. Пусть будет там музыка, а для прислужниц да станет она подобной дочери Богов в небесном саду!

— Благодарю тебя, господин мой, — сказала царица, вставая. — Но послушай еще. Освободи всех узников. Раздай милостыню бедным. Подари счастье мужчинам, и

женщинам, и детям! Будь милосерд, о царь, тогда и мир сможет возрадоваться. Будь отцом всем живым созданиям.

Она покинула залу и поднялась на крышу дворца.

На землю пришла весна. Птицы порхали над террасами, пели в деревьях, сады цвели, пруды украсились распустившимися лотосами. И пока, царица шла к своему жилищу, нежные звуки флейт и струн сливались в единой гармонии. Ослепительное сияние разлилось над дворцом и затмило солнечный свет.

2

В тот самый день, когда в мир пришла весна, Майя увидела сон. Ей приснилось, что с небес спустился молодой слон с шестью бивнями, белыми, как снег на вершинах гор. Слон вошел в ее чрево, и сразу вокруг нее собрались тысячи Богов, воспевающих хвалебные гимны. Майя поняла, что никогда больше не узнает она тревогу, ненависть или гнев.

Она проснулась безмерно счастливой. Поднявшись с постели, она облачилась в светлые одежды и в сопровождении самых красивых девушек вышла из дворцовых ворот. Так шли они садами, а достигнув небольшой рощи, уселись в тени. Затем Майя послала двух девушек к Суддходане с такой вестью:

“Пусть придет царь в рощу; его царица желает увидеться с ним“.

Царь немедленно покинул залу, где с помощью советников вершил справедливый суд для жителей города, и отправился в рощу. Но когда он хотел войти в тенистые кущи, странное чувство охватило его. Члены его ослабли, руки задрожали, слезы хлынули из глаз. Он подумал:

— Никогда раньше, даже в пылу битвы против моих храбрейших врагов, не был я потрясен так сильно. Почему же не могу я вступить под эту сень, где ожидает меня царица? Кто объяснит мое волнение?

В ответ словно гром прозвучал с небес мощный глас:

— Ликуй, царь Суддходана, достойнейший из сакьев! Скоро явится в мир тот, кто обретет совершенное знание. Он избрал твою семью за ее славу, удачу и добродетель. А матерью он избрал благороднейшую из женщин — твою жену, царицу Майю. Ликуй же, царь Суддходана, — тот, кто взysкует совершенного знания, готовится стать твоим сыном.

Царь понял, что это Боги вещают ему, и возрадовался. Восстановив спокойствие, он вошел в рощу, где ожидала его Майя.

Просто, совсем без надменности, он спросил:

— Для чего ты посылала за мной? Каковы твои желания?

Царица рассказала ему свой сон, а затем добавила:

— Господин мой, пошли за брахманами, искусными в толковании снов. Они узнают, посетил наш дворец Бог или злой демон, и должны ли мы радоваться или печалиться.

Царь тотчас призвал во дворец брахманов, знакомых с тайнами снов. Услышав рассказ Майи, они сказали так:

— Великая радость пришла к вам, о царь и царица! У вас родится сын, любимый Богами. И если однажды он отвергнет царский сан, покинет дворец, откажется от любви, когда, охваченный состраданием ко всем мирам, он станет вести жизнь странствующего монаха, именно тогда обретет он множество волшебных даров. Все сущие в мире станут хвалить его, поскольку насытит он их голод. О господин наш, о госпожа, ваш сын станет Буддой!

С этими словами брахманы удалились. Царь и царица смотрели друг на друга умиротворенно и счастливо. Затем Суддходана приказал раздать милостыню всем беднякам Капилавасту. Голодные получили еду, жаждущие — питье, женщинам же дали цветы и благовония. Все они перевозносили Майю. Немошные собирались вдоль ее пути, и кого она касалась правой рукой, тот сразу выздоравливал. Слепые начинали видеть, глухие — слышать, немые — говорить. Даже умирающие вновь становились здоровыми и сильными, когда Она касалась их кончиком былинки. Ветер струил над городом нескончаемую мелодию, изящные цветы дождем падали с небес. И благодарственные гимны взмывали над стенами дворца.

3

Прошли месяцы. В один из дней царица поняла, что наступает время ее сыну обрести рождение. Она отправилась к Суддходане и сказала:

— Господин мой, я желала бы погулять по счастливым садам, там, где птицы поют в деревьях и воздух светится от цветочной пыльцы. Да, я желала бы погулять по счастливым садам.

— Ты не боишься устать, моя царица? — спросил Суддходана.

— Невинное создание, которое я ношу под сердцем, должно появиться на свет среди невинности распускающихся цветов. Поэтому я отправлюсь, о господин мой, я отправлюсь в цветущие сады.

Царь согласился и сказал слугам:

— Идите в сады и уберите их золотом-серебром. Покройте деревья драгоценными завесами. Пусть станут сады волшебными, когда пройдет по ним царица.

Затем он обратился к жене:

— Предстань сегодня в лучах своей великой славы, о Майя! Твой сверкающий паланкин понесут самые красивые девушки; а служанки твои, умащенные благовониями, украшенные нитками жемчуга и браслетами из драгоценных камней, возьмут барабаны, флейты, лютни, и пусть их сладостное пение порадует даже Богов.

Все повеления Суддходаны были исполнены. Когда царица выходила из дворцовых ворот, стража приветствовала ее радостными криками. Весело зазвонили колокола, павлины распустили многоцветные хвосты, песня лебедей пронзила воздух.

Так пришли они в рощу, где стояли деревья в цвету. Здесь Майя приказала опустить паланкин, вышла из него и стала бродить по округе. Она была счастлива. И вот она нашла удивительное дерево, ветви которого согнулись от обилия цветов. Она подошла ближе, легко простерла руку, притянула к себе одну из ветвей и внезапно застыла. Лицо ее озарилось улыбкой. В ту же секунду сопровождавшие ее девушки приняли прекрасного ребенка.

Радость охватила все живое в мире. Песни и танцы всколыхнули землю, эхом отозвались в небесах. Все деревья покрылись цветами и спелыми фруктами. С вышины пролился мягкий чистый свет. Больные избавились от страданий, голодные насытились, пьяницы протрезвели. К безумным вернулся разум, к больным — здоровье, к бедным — богатство. В тюрьмах распахнулись ворота, порочные люди очистились от всех грехов.

Одна из девушек Майи отправилась в царский дворец с радостной вестью:

— О господин мой, мой господин, сын у тебя родился, — так восклицала она, — сын, который принесет великую славу всему твоему дому!

От неожиданного счастья Суддходана лишился речи. Но лицо его просияло огромной радостью. Он созвал всех сакьев и вместе с ними отправился в рощу рождения Божественного дитя. Все сакья и сотни брахманов последовали за ним, повинувшись своему царю.

Приблизившись к ребенку, Суддходана выразил ему великое почтение и воззвал к своей свите:

— Поклонитесь и вы вместе со мной сыну моему, которого нарекаю именем Сиддхартха.

Люди склонились в поклоне, а брахманы запели, вдохновляемые своими Богами:

— Счастливы все создания, не трудны пути для идущих, поскольку родился Он — тот, кто дает счастье, тот, кто даст счастье миру. В темноте забрезжил великий свет, в лучах которого померкли солнце и луна. И все потому, что родился дающий свет, родился дающий свет всему миру. Слепые видят, глухие слышат, безумным возвращается разум — потому что родился тот, кто вернет страждущим видимое, слышимое и мыслимое. Благовонный зефир возвещает конец страданий, поскольку рожден исцелитель, несущий здоровье миру. Отныне пожары будут не так безжалостны, разливы не столь губительны, и даже земля будет содрогаться не столь ожесточенно — потому что родился тот, кто узрит истину.

4

Великий отшельник Асита, любимый Богами за свое подвижничество, услышал о рождении героя, которому суждено спасти человечество от пытки перерождений. Возжаждав истинного закона, он пришел в царский дворец и решительно направился на женскую половину. Все склонились с уважением перед его возрастом и знаниями.

Царь приветствовал его, как требовал обычай, и так обратился к гостю:

— Воистину, я счастливый человек! Верю, что сын мой действительно обладает великой благодатью, ибо сам преподобный Асита пришел ко мне. Приказывай, что я должен исполнить. Я — твой ученик, твой слуга.

Отшельник, глаза которого сияли светом радости, с важностью произнес такие слова:

— Чудо случилось с тобой, о благородный, добросердный и щедрый государь, потому что ты уважаешь долг, мудрость и старость. Чудо случилось с тобой, потому что предки твои, владея золотом и землями, превыше всего ценили добродетель. Узнай причину моего прихода, о царь, и возрадуйся! Услышал я божественный голос, который возвестил: “У царя сакьев родился сын, которому суждено обрести истинное знание“. Услышав это, я пришел во дворец, и скоро мои глаза узрят славу сакьев.

Преисполнившись радостью, отец отправился за ребенком. Взяв его от груди кормилицы, он показал мальчика старому Асите.

На теле юного царевича отшельник узнал знаки всемогущества. С ресницами, влажными от слез, он внимательно осмотрел мальчика, затем со вздохом поднял глаза к небу.

Царь заметил слезы Аситы и испугался за сына. Он спросил старика:

— Ты говоришь, преподобный, что телом сын мой почти не отличается от Бога. Ты говоришь, что его рождение явило чудо, что в будущем он достигнет наивысшей славы — так почему же ты смотришь на него глазами, полными слез? Значит ли это, что жизнь его будет недолговечной? Быть может, его рождение принесет мне лишь печаль? Должна ли сия новая ветвь засохнуть от того, что она покроется цветами? Скажи мне, святой человек, скажи быстрее, ты ведь знаешь, как велика любовь отца к сыну.

— Не тревожься, государь, — отвечал отшельник. — Я сказал тебе правду: сын твой узнает великую славу. И если я плачу сейчас, то только о себе самом. Миру явился тот, кто разрушит порочный круг перерождений, а моя жизнь уже клонится к концу. Явился тот, кто обретет высшую власть, обуздает страсти, поймет истину. Все заблуждения исчезнут в свете его знания, подобно тому, как ночь бежит пред лучами солнца. Он спасет страдающий мир из моря греха, из смердящего запаха немощи, из мертвой зыби старости, из яростных волн смерти, и люди поплывут вместе с ним на величественном корабле знаний. Он узнает, где берет начало быстрая и благостная река долга; он проследит ее течение, и все жаждущие придут испить этих вод. Тем, кто истерзан печалью, поработен чувствами, кто скитается по лесам существования подобно путникам, потерявшим дорогу, — всем укажет он путь спасения. Для тех, кто сжигаем пламенем страсти, он станет облаком, несущим освежающий дождь. Вооруженный истинным законом, он войдет в темницу желаний, где томятся все смертные, и сломает ворота греха. Ему, обладающему совершенным пониманием, суждено освободить мир. Поэтому не печалься, о царь! Достоин жалости лишь тот, кто не услышит голос твоего сына. И вот почему я плачу. Несмотря на мое подвижничество, несмотря на занятия медитацией, мне не суждено услышать его проповедь и его закон. И поэтому сейчас достоин жалости даже тот, кому суждено подняться в горние сады небес.

5

Эти слова Аситы поначалу обрадовали Суддходану.

— Значит, моему сыну уготована блестящая жизнь, — подумал царь. Затем он снова встревожился. Ведь было предсказано, что царевич отвергнет свой сан и станет вести жизнь странствующего отшельника. А это значит, что с его смертью род Суддходаны прекратится.

Но тревога вскоре исчезла, поскольку после рождения Сиддхартхи царю во всех делах сопутствовала удача. Подобно тому, как множество притоков соединяются в большую реку, так и новые богатства каждый день вливались в его казну. Ясли не вмещали всех подаренных слонов и лошадей. Множество преданных друзей постоянно окружали его. В стране обрабатывались обширные плодородные земли, на лугах пасся лоснящийся тучный скот. Женщины рожали детей без страданий, мужчины жили в мире с соседями. Спокойствие и счастье царили в Капилавасту.

Но чрезмерной оказалась радость для царицы Майи. Через семь дней материнства она умерла и заняла место на небесах среди сонма Богов.

У Майи была сестра Махапраджапати, почти равная ей красотой и добродетелью. Царевича передали заботам тетки, и она лелеяла его, как собственного сына. Слово огонь, раздуваемый благоприятным ветром, словно луна, царица звезд, заливающая сиянием небо, словно утреннее солнце, встающее над горами на востоке, набирал Сиддхартха силу и стать.

Каждый стремился одарить его драгоценными подарками. Ему дарили игрушки, вызывающие восхищение у детей. Это были крошечные животные: слоны и олени, быки, птицы и рыбы, а также маленькие колесницы. Их делали не из дерева или глины, но только из золота и драгоценных камней. Ему приносили дорогие материи и редкие камеи, жемчужные ожерелья и изящные браслеты.

Однажды, когда ребенок играл в загородном саду, Махапраджапати подумала:

— Настало время научить его носить драгоценности и браслеты.

Она приказала принести все подаренные украшения и надела их на руки и шею мальчика. Но блеск золота и камней казался тусклым в лучах ауры самого Сиддхартхи. Тогда к Махапраджапати подошла Богиня, жившая среди цветов этого сада, и так сказала:

— Даже если бы вся земля была сделана из золота, то и тогда единого луча света, испускаемого этим ребенком — будущим наставником мира — хватило бы, чтобы затмить ее блеск. Свет звезд и луны, и даже свет солнца меркнут в сравнении с его сиянием. А ты хочешь заставить его носить украшения — эти грубые безделушки, сделанные ювелирами и златокузнецами. Женщина, убери ожерелья, сними браслеты. Они годятся лишь для рабов, так и отдай их рабам! Для этого ребенка бриллиантами чистой воды станут его мысли.

Махапраджапати прислушалась к словам Богини и тут же расстегнула браслеты и ожерелья. Никогда не уставала она восхищаться царевичем.

Пришло время взять Сиддхартху в храм Богов. По приказу царя были изукрашены улицы и площади города; везде звучали барабаны и радостно звенели колокола. Когда Махапраджапати стала наряжать царевича в богатейшие одежды, он спросил:

— Мама, куда мы направляемся?

— В храм Богов, сын мой, — отвечала женщина.

Ребенок улыбнулся и спокойно пошел вместе с ней, чтобы встретить отца.

Процессия, в которой участвовали брахманы, воины и богатые купцы, являла собой волшебное зрелище. Когда прошла охрана, все сакьи окружили колесницу царя и наследника. Воздух на улицах был насыщен фимиамом, дорогу устилали цветы. Когда колесница проезжала мимо, люди размахивали флагами и вымпелами.

Они прибыли в храм. Царь взял Сиддхартху за руку и ввел его в зал, где стояли статуи Богов. Как только мальчик переступил порог, статуи ожили, и все Боги: Шива, Сканда, Вишну, Кувера, Индра, Брахма, — сошли с пьедесталов и опустились у его ног. И они запели:

— Меру, царь всех гор, не склонится перед пшеничным зерном; океан не поклонится дождевой луже; солнце не поклонится светляку; тот, кто обладает истинным знанием, не должен поклоняться Богам. Подобен пшеничному зерну, подобен дождевой луже, подобен ничтожному светляку любой человек или Бог, не сумевший смирить гордыню; подобен Меру, подобен океану, подобен солнцу тот, кто несет истинное знание. Пусть встретит его мир с почтением — пришел его избавитель.

6

Царевич становился старше, и настало время приступить к занятиям с учителем Висвамитрой, который наставлял юных сакьев в искусстве письма.

Сиддхартху поручили его заботам. Для упражнений ему выдали полированную сандаловую доску, усыпанную по краям драгоценными камнями. Взяв ее в руки, мальчик спросил:

— Какому виду письма вы хотели бы учить меня?

Затем он перечислил 64 вида письма и вновь повторил вопрос: Какому из 64 видов вы хотели бы меня научить?

Пораженный Висваматра хранил молчание. Наконец он ответил:

— Я вижу, господин, что мне нечему учить Вас. Из тех видов письма, что Вы перечислили, некоторые известны мне только по названию, о других я даже и не слышал. Это мне следует учиться у Вас, сидя у Ваших ног. Нет, господин, мне нечему учить Вас.

Сказав так, учитель улыбнулся в ответ на ласковый взор царевича.

Оставив Висвамитру, царевич направился к ближайшей деревне. По пути он остановился посмотреть на крестьян, работавших в поле, а затем прошел через луг к роще, привлеченный ее тенью, поскольку уже наступил полдень и стояла страшная жара. Он вошел в рощу, сел под дерево и предался размышлениям. Вскоре Сиддхартха вошел в состояние медитации.

В это время по лугу проходили пятеро отшельников. Увидев царевича в медитации, они удивились:

— Наверное, это Бог сидит и отдыхает здесь, в роще. Быть может, это Бог богатства или Бог любви? А может, это Индра-громовержец или пастух Кришна?

Но тут прозвучал голос:

— Блеск Богов бледнеет перед блеском этого сакьи, который сидит сейчас под деревом, размышляя о всепобеждающих истинах.

Тогда все враз воскликнули:

— Воистину, тот, кто сидит сейчас в медитации под деревом, отмечен знаками всемогущества. Без сомнений, он станет Буддой!

Они запели хвалу, и один из них сказал:

— В мир, охваченный пожаром греха, он придет подобно озеру. Его закон принесет свежесть миру.

Другой сказал:

— В мир, погруженный во тьму невежества, он придет словно факел. Его закон принесет свет миру.

Сказал третий:

— Через моря страдания, по которым так трудно плыть, он придет подобно кораблю. Его закон приведет мир в безопасную гавань.

Четвертый сказал:

— К закованным в цепи греха он придет как избавитель. Его закон освободит мир.

Пятый сказал:

— К тем, кто измучен старостью и болезнями, он придет как врач. Его закон даст исцеление миру.

Трижды поклонившись, пятеро продолжили свой путь.

Через некоторое время Суддходана обеспокоился, что же могло случиться с сыном, и разослал слуг на поиски. Один из посланцев обнаружил царевича в глубокой медитации. Слуга приблизился, но внезапно остановился, охваченный восхищением. Он заметил, что тени всех деревьев удлинились, за исключением тени от дерева, под которым нашел убежище Сиддхартха.

Слуга бросился со всех ног обратно во дворец.

— Господин мой, — закричал он, обращаясь к царю. — Я видел Вашего сына, сидящего в медитации под деревом, и тень этого дерева не движется, хотя тени всех других деревьев заметно удлиняются.

Суддходана оставил дворец и последовал за слугой в то место, где сидел его сын. Со слезами радости он сказал себе:

— Мой сын прекрасен — словно огонь на вершине горы, ослепляющий своим великолепием. Он принесет свет миру, и члены мои дрожат, когда я вижу его в такой глубокой медитации.

Царь и слуга не осмелились ни говорить, ни двигаться. Однако мимо проходили дети, с шумом тащившие за собой маленькую повозку. Слуга прошептал им:

— Не надо шуметь.

— Почему? — спросили дети.

— Видите ли вы того, кто медитирует под деревом? Это — царевич Сиддхартха, которого не покидает тень дерева. Не тревожьте его, дети; разве не видите вы, что он — ярче солнца.

Но в этот момент царевич вышел из медитации. Он поднялся и произнес, обращаясь к отцу:

— Мы должны прекратить работать на полях; мы должны искать великие истины.

После чего они вернулись в Капилавасту.

7

Суддходана все время помнил о пророчестве Аситы. Он не хотел, чтобы род его прекратился, и решил так:

— Я вызову в моем сыне жажду удовольствий. Тогда, быть может, мои внуки преуспеют в этом мире.

Потому он послал за царевичем и обратился к нему с такими словами:

— Дитя мое, в твоем возрасте уже пора подумать о женитьбе. Если какая-нибудь девушка тебе по нраву, то назови ее имя.

Сиддхартха ответил:

— Дайте мне семь дней на размышление, отец, после чего я отвечу на Ваш вопрос.

Он впал в раздумья:

— От желанья — я знаю — происходит бесконечный грех. Дерево, растущее в лесу желанья, восходит корнями к страданиям и раздорам, листья его ядовиты. Желание горит, как огонь и ранит, как меч. Я не ищущ общества женщин, мой удел — жить в молчании лесов. Там в объятьях медитации мой разум обретет мир, и я познаю счастье. Но ведь лотос растет и цветет сквозь сплетенье болотных цветов. Разве не было людей, обретших мудрость, хотя и имеющих жен и детей? Те, кто до меня взыскали высшее знание, много лет жили вместе с женщинами. Но гораздо большую радость испытывали они, когда приходило время оставить семью ради восторгов медитации. Я последую их примеру.

Он обдумал также, что для него важнее всего в женщине. На седьмой день он вернулся в отцовский дворец и сказал:

— Отец, моя избранница должна быть женщиной редких достоинств. Если Вы найдете женщину, обладающую всеми качествами, которые я назову, то можете смело взять ее для меня в жены.

И он стал перечислять:

— Моя невеста должна быть бутоном юности и цветком красоты. Однако юность не должна оборачиваться глупостью, а красота — гордыней. Та, на которой я женюсь, должна обладать участием сестры и нежностью матери ко всем смертным. Она должна быть столь не приятной, сколь и правдивой, и не знать зависти. И никогда, даже во сне, не должна она думать о других мужчинах — только о своем муже. Никогда не произнесет она высокомерных слов, манеры ее будут скромны, а кротостью она сравняется с растениями. Она не позарится на то, что принадлежит другому, не станет требовать невозможного, будет довольна своей судьбой. Моя избранница будет равнодушна к вину и сладостям. Она будет невосприимчива к музыке и благовониям, безразлична к играм и празднествам. Она будет добра к моим помощникам и своим служанкам. Я хочу, чтобы она просыпалась первой, а ложилась последней. Та, кого я выберу в жены, будет чиста телом, речью и помыслами.

И еще он добавил:

— Отец, если Вам известна девушка, обладающая такими качествами, можно отдать мне ее в жены.

Царь призвал к себе домашнего жреца, перечислил ему качества, названные сыном, и повелел:

— Иди, брахман, по всем домам Капилавасту, повстречайся со всеми юными девушками и задай им вопросы. И когда ты найдешь ту, что обладает всеми необходимыми

качествами, то приведи ее во дворец, даже если она будет самой низшей касты. Поскольку не знатность, не богатство, но только добродетель ищет мой сын.

Жрец обыскал весь город. Он входил в дома, встречал молодых девушек и задавал им вопросы. Но ни одна из них не была достойна царевича Сиддхартхи. Наконец он прибыл в дом Дандапани, который также был из рода сакьев и имел дочь по имени Гопа. Уже при первом взгляде на нее сердце старого жреца возрадовалось, так как девушка была красива и исполнена грации. Он перемолвился с ней несколькими словами и больше уже не сомневался.

Жрец вернулся во дворец.

— Господин мой, — обратился он к Суддходане. — Я нашел девушку, достойную Вашего сына.

— Где же ты нашел ее? — спросил царь.

— Она дочь Дандапани, одного из сакьев, — ответил брахман.

Суддходана полностью доверял своему домашнему жрецу, однако тут он заколебался, посылать ли ему за Дандапани и Гопой.

— Даже мудрейший из людей может ошибиться, — думал он. — Возможно, брахман преувеличивает достоинства девушки. Я должен подвергнуть ее испытанию, тогда мой сын сам составит о ней мнение.

Он собрал множество золотых и серебряных украшений и послал царского вестника обойти улицы Капилавасту, выкрикивая такой указ:

— Через семь дней Сиддхартха, сын царя Суддходаны, будет одаривать юных девушек города. Поэтому пусть все они придут во дворец на седьмой день!

Когда подошел объявленный срок, царевич занял трон в большой зале дворца. Туда же пришли все девушки города, встав рядами перед Сиддхартхой. Каждой он подарил по украшению. А девушки, приближаясь к трону, настолько проникались несравненной красотой царевича, что смотрели на него, не в силах отвести взор. Они едва могли собраться, чтобы получить свои подарки; некоторые из них так смешались, что лишь едва касались украшений кончиками пальцев и, не в силах удержать, роняли их на землю.

Гопа появилась последней. Без страха, даже не дрогнув ресницами, она подошла к трону. Но у царевича уже не осталось не единого украшения. Гопа спросила с улыбкой:

— Государь, чем же я обидела Вас?

— Ты никак не обидела меня, — отвечал Сиддхартха.

— Почему же Вы пренебрегаете мной?

— Я отнюдь не пренебрегаю тобой. Просто ты пришла последней, и у меня не осталось украшений.

Но вдруг он вспомнил о драгоценном кольце, которое носил на пальце. Сняв кольцо, он протянул его девушке.

Она не желала принять подарка и спросила:

— Должна ли я принять Ваше кольцо, о царевич?

— Оно было моим, — отвечал Сиддхартха, — теперь ты должна взять его себе.

— Нет, — сказала девушка, — я не хотела бы лишать Вас украшений. Скорее, это я должна подарить Вам драгоценность.

И с тем удалилась.

Услышав об этом происшествии, царь пришел в восторг:

— Только Гопа смогла смело посмотреть в лицо моему сыну, только она одна достойна его. Да, сын мой, именно Гопа, которая не приняла кольца с твоего пальца, станет твоим прекраснейшим украшением.

Он призвал во дворец отца девушки.

— Друг мой, — произнес царь, — пришло время для моего сына обзавестись семьей. Я уверен, что ему приглянулась твоя дочь Гопа. Отдашь ли ты ее замуж за моего сына?

Дандапани заколебался, поэтому царь спросил его еще раз:

— Отдашь ли ты свою дочь за моего сына?

Тогда сказал Дандапани:

— Господин мой, Ваш сын вырос в роскоши. Он никогда не покидал дворца, его сила и ум никогда не подвергались испытаниям. Вы знаете, что в обычаях рода сакьев отдавать своих дочерей только за тех мужей, которые проявили себя искусными и могучими, смелыми и мудрыми. Как же я могу отдать свою дочь за Вашего сына, который до сих пор проявлял вкус лишь к праздной жизни?

Эти слова встревожили Суддходану. Он позвал сына и тот сразу явился.

— Отец, почему Вы выглядите печальным, — спросил он. — Что случилось?

Царь не знал, как передать ему резкие слова Дандапани и потому хранил молчание.

Царевич повторил:

Отец, у Вас очень печальный вид. Что же случилось?

— Не спрашивай меня, — вздохнул Суддходана.

— Отец, расскажите причину Вашей печали, — настаивал юноша.

— Я бы не хотел говорить об этом слишком больном вопросе.

— Объяснитесь скорее, отец. Самое главное всегда — это полная ясность.

В конце концов царь решился передать свой разговор с Дандапани. Этот рассказ рассмешил царевича.

— Господин мой, — сказал он. — Вам нет нужды беспокоиться. Разве Вы поверите, что кто-то из жителей Капила-васту сможет превзойти меня в силе и смекалке? Соберите же всех людей, известных своими достижениями в любой области, и прикажите им помериться силами со мной. Тогда увидите, чего я стою.

Эти слова вернули царю уверенность. Он повелел объявить в городе:

— На седьмой день, начиная с этого, царевич Сиддхартха будет готов вступить в состязание с любым из мужчин и в той области, где особенно преуспел соперник.

В назначенный день все те, кого называли сведущими в науках и искусствах, прибыли во дворец. К ним обратился Дандапани, который пообещал собравшимся отдать свою дочь замуж за того, кто одержит победу в начинающемся состязании — неважно, будет ли он знатного или низкого рода.

Сначала один юноша, искусный в законах письма, собирался бросить вызов царевичу, но тут перед собранием выступил Висвамитра.

— Такое соревнование было бы пустой тратой времени, — заявил он. — Когда царевич был еще ребенком, его вверили моим заботам: мне надлежало учить его искусству письма. Но уже тогда он знал о 64 видах различных письмен, причем некоторые из них я не знал даже по имени!

Свидетельство Висвамитры сочли достойным, чтобы присудить царевичу победу в этом виде состязаний.

Затем попытались проверить его в названии цифр. Решено было назначить судьей одного из сакьев именем Арджуна, который постоянно решал запутанные задачи.

Один из юношей считался прекрасным математиком. Сиддхартха обратился к нему с вопросом, но тот не смог дать ответа.

— Это довольно легкий вопрос, — сказал царевич. — Но вот другой, еще легче. Кто ответит на него?

Ни один из собравшихся не смог ответить на второй вопрос.

— Теперь ваша очередь спрашивать меня, — пригласил царевич.

Ему задавали вопросы, считавшиеся очень сложными, но он отвечал на них даже быстрее, чем спрашивающий успевал закончить формулировку проблемы.

— Пусть сам Арджуна проверит царевича, — раздались крики со всех сторон.

Арджуна предлагал самые изощренные задачи, но каждый раз Сиддхартха давал правильные решения.

Все были очарованы его математическими способностями и сочли, что достаточно проверили его познания — до самого основания всех наук. Потом было решено испытать его атлетические способности. В прыжках и беге царевич выиграл без малейших усилий, а во время борьбы достаточно было ему коснуться противника мизинцем, как тот валился на землю.

Тогда принесли луки, и искусные лучники пронзили своими стрелами едва заметные вдалеке мишени. Но когда подошла очередь царевича, то из-за своей огромной силы он ломал каждый лук, который пытался натянуть. В конце концов царь послал стражников за очень старым и ценным луком, хранившемся в храме. Сколько помнили люди, еще никому не удавалось натянуть и даже поднять его. Сиддхартха взял лук в левую руку и натянул тетиву, зацепив ее одним пальцем правой руки. В качестве мишени он выбрал дерево, которое лишь его острый взор мог различить вдалеке. Стрела пронзила дерево и, пробуравив землю, исчезла. На том месте возник глубокий колодец, который так и называли: Колодец Стрелы.

Состязания закончились. Победителю подвели громадного белого слона, на котором он должен был с триумфом проехать по Капилавасту. Но молодой сакья по имени Девадатта, гордый своей силой, схватил слона за хобот и для забавы ударил его кулаком. Слон повалился на землю.

Царевич с укором взглянул на молодого человека и промолвил:

— Ты поступил несправедливо, Девадатта.

Он слегка коснулся слона стопой ноги, тот поднялся и воздал хвалу господину.

Тогда и все присутствовавшие провозгласили славу царевичу, так что воздух зазвенел от их кликов. Суддходана был счастлив, а Дандапани, плача от радости, произнес:

— Гопа, дочь моя Гопа, тебе выпала честь стать женой славного мужа!

8

Брак царевича оказался счастливым. И царь, любовь которого к сыну переросла в обожание, особо заботился о том, чтобы царевич не видел ничего тревожащего или ужасного. Он построил для него три дворца: один для зимы, другой — для лета и третий — для дождливого сезона, — и запретил ему даже на минуту выходить из ворот этих дворцов, а тем более бродить по широким просторам земли.

В этих дворцах, белых, как осенние облака, и светлых, как колесница Богов, царевич полной мерой пил из чаши удовольствий. Жизнь его была исполнена сладостной легкости. Он проводил многие часы, томно слушая музыку, которую для него играли царевна и ее служанки. Когда же пред ним под звуки золотых литавр возникали прекрасные улыбающиеся танцовщицы, то за ними он следил с особым восторгом, поскольку грация и чувственность их движений напоминали танцы небесных Апсар.

Женщины тайком бросали на него взоры, полные смелых предложений или лукавой мольбы, сулившие несказанный восторг. Его услаждали их игры, пленяли их чары. Так он жил во дворцах среди музыки и смеха. Он не знал ничего о болезнях и старости, ничего не ведал о смерти.

Суддходана был доволен тем, какую жизнь вел его сын. Себя же он ограничивал строго. Чтобы сохранить душу в чистоте, он избегал пороков и награждал тех, кто следовал добродетели. Никогда не предавался он праздности и удовольствиям, никогда не сжигал его яд скупости. Он обуздал свои страсти, взяв их в ярмо, словно диких лошадей. Доброта его распространялась на родственников и друзей. Полученные знания он направлял на службу ближним и изучал лишь предметы, полезные для всех. Он не только искал благосостояния для своего народа, но и желал счастья всему миру. Он очистил свое тело водой из священных озер, он очистил душу божественной водой добродетели. Никогда не произносил он слова приятного, но лживого; истины, изрекаемые им, никогда не причиняли боль людям. Он следовал справедливости, и только честностью, а не силой, поверг своих гордых врагов. Он никогда не наказывал и даже не смотрел гневным взором на тех, кто заслуживал смертной казни; напротив, он давал им полезные советы, а затем отпускал с миром.

Царь был примером для всех подданных, поэтому Капила-васту стал самым добродетельным и счастливым городом из всех государств.

Вскоре прекрасная Гопа родила сына, которого назвали Рахула. Царь был счастлив видеть процветание своей семьи. Он гордился рождением внука не меньше, чем рождением сына.

Продолжая следовать путем добродетели, он жил почти отшельником; действия его были полны святости. Но своего любимого сына он побуждал ко все новым удовольствиям — так велик был его страх перед тем, что Сиддхартха покинет дворец и город, чтобы стать одиноким подвижником в священных лесах.

В один из дней некто сказал в присутствии царевича, что трава в рощах нежно зазеленела, птицы на деревьях поют о весне, а на прудах раскрываются белые лотосы. Природа сбросила зимние цепи, и сады вокруг города, столь любезные сердцу молодых девушек, вновь покрылись цветами. Тогда царевич, подобно слону, застоявшемуся в яслях, стал проявлять непреодолимое желание покинуть дворец. Царь узнал о стремлении сына и не мог придумать, как остановить его. Он решил про себя:

— Сиддхартха не должен видеть ничего, что могло бы нарушить безмятежность его души. Он не должен даже подозревать, что в мире существует порок. Я прикажу очистить дорогу от нищих, от всех, кто немощен и слаб, от всех, кто испытывает страдание.

Город украсили гирлянды цветов и разноцветные вымпелы. Для царевича снарядили великолепную колесницу, а всем калекам, старикам и нищим приказали покинуть улицы, по которым он должен был проехать.

Когда настало время, царь послал за сыном. Он поцеловал его в лоб, не удержавшись от слез, окинул юношу долгим взором и только потом произнес:

— Иди!

Этим словом он разрешил царевичу покинуть дворец, хотя сердце его говорило о другом.

Царевич выехал на золотой колеснице. Упряжь четверки лошадей и даже вожжи в руках у возницы — все было из золота. Только молодым, красивым и богатым людям разрешено было встретить его колесницу. Они приветствовали Сиддхартху, восхваляя его за добрый взгляд и благородные манеры. Одни отмечали его красоту, другие прославляли за могучую силу, и все они склонились перед Сиддхартхой, как опускаются знамена перед статуей Бога.

Женщины в домах слышали шум на улицах. Оторвавшись от повседневных забот, они бросились к окнам или на террасы. С восхищением глядя на царевича, они все, как одна, шептали:

— Сколь счастлива жена такого мужа!

А он, видя перед собой блеск города, видя достаток мужчин и красоту женщин, чувствовал, как новая радость вливается в душу.

Но небесная радость, которую устроил себе земной город, вызвала ревность Богов. Они создали старика и послали его навстречу колеснице, чтобы смутить разум Сиддхартхи.

Старик опирался на палку, вид имел изможденный и дряхлый. На теле его выступали вены, челюсти постоянно

дрожали, кожа была покрыта сетью черных морщин. Редкие и грязные седые волосы свисали с черепа, покрасневшие глаза не имели ресниц; голова и члены подергивались.

Царевич заметил это существо, столь отличное от окружающих. Не сводя с него грустного взора, он обратился к вознице:

— Что это за человек — с седыми волосами и согбенным телом? Скрюченными пальцами он вцепился в палку, глаза его пусты, а члены дрожат. Не чудовище ли это? Природа ли создала его или это игра случая?

Колесничий не должен был отвечать, но Боги расстроили его разум, и, не сознавая своей ошибки, он сказал:

— То, что покоряет красоту, разрушает силу, что приносит печаль и убивает удовольствие, что ослабляет память и уничтожает чувства — все это старость. Она схватила этого человека и сломала его. И он когда-то был ребенком, которого лелеяли у материнской груди; он тоже ползал по полу родного дома; он вырос и стал юношей, обрел красоту и силу; затем достиг сумеречных годов — и вот мы можем видеть на нем, сколь разрушительна старость.

Царевич был глубоко поражен. Он спросил:

— Будет ли и моя судьба такой же?

Колесничий ответил:

— Господин мой, Вас также покинет юность в один из дней. К Вам также придет мучительная старость. Время истощает всякую силу, крадет всякую красоту.

Царевич содрогнулся, как буйвол при звуках грома. Он испустил глубокий вздох и потряс головой. Его взгляд переходил со счастливых толп на сломленного человека, и он произнес такие горькие слова:

— Значит, старость уничтожает память, красоту и силу в человеке, но мир не обезумел от ужаса! Поверни лошадей, о колесничий, вернемся домой. Как стану я наслаждаться садами и цветами, когда глаза мои могут видеть только старость, когда мой разум может думать только о старости?

Царевич вернулся во дворец, но нигде не находил себе места. Он скитался по залам, шепча:

— Старость, о старость!

В сердце его не осталось радости.

Тем не менее, он решил сделать еще одну попытку проехать по городу.

Но Боги в этот раз сотворили человека, пораженного отвратительными недугами, и послали его к той дороге, по которой должен был ехать Сиддхартха.

Царевич увидел больного. Он воззрился на него, а затем спросил возницу:

— Что это за человек с раздувшимся животом? Его тощие руки безвольно повисли, щеки заливают мертвая бледность, а с губ срываются жалобные крики. Ему не хватает дыхания; он шатается и хватается за прохожих; смотри, он падает... Колесничий, колесничий, кто этот человек?

Колесничий ответил:

— Господин мой, этот человек познал пытку недугом, но порок этот присущ и царям. Сейчас он сама слабость, но когда-то он был здоров и силен!

Царевич глянул на больного с жалостью и вновь задал вопрос:

— Так отмечен только этот человек или же недуг угрожает всем созданиям?

Колесничий ответил:

— Нас также могут посетить такие несчастья, о царевич. Немошь тяжело нависает над миром.

Услышав горькую правду, царевич задрожал, как лунный свет, отраженный волнами моря, и произнес слова горечи и жалости:

— Люди видят страдания и недуги, но никогда не теряют самоуверенности. О, сколь велико, должно быть, их знание! Им постоянно угрожают болезни, а они еще могут смеяться и веселиться. Поверни лошадей, колесничий, наша прогулка окончена, мы возвращаемся во дворец. Я научился бояться недугов. Душа моя избегает удовольствий и почти уже закрылась, подобно цветку, лишенному солнца.

Охваченный горькими мыслями, он вернулся во дворец.

Суддходана заметил мрачное настроение сына. Он спросил, почему царевич больше не выезжает, и колесничий рассказал ему оба случая. Царь опечалился — он понял, что любимый сын покинет его. Он утратил свою обычную сдержанность и в ярости наказал слугу, который должен был следить за порядком на улицах. Но даже здесь сказались привычка прощать прегрешения — наказание было легким. Сам же служитель был немного озадачен, поскольку не видел на улицах ни старика, ни больного.

Теперь Суддходана еще ревностней, чем раньше, следил за тем, чтобы сын не покидал дворца. Он предлагал ему редчайшие удовольствия, но ничто не могло расшевелить Сиддхартху. Тогда царь решил:

— Я должен позволить ему выехать в третий раз. Быть может, это вернет ему потерянную радость.

Он отдал строгий приказ, чтобы всех калек, всех больных и стариков вывезли из города. Он даже заменил колесничего, после чего уверился, что теперь ничто не сможет встревожить душу Сиддхартхи.

Но завистливые Боги сотворили мертвеца, которого несли четыре человека, тогда как другие с рыданиями шли следом. Вся процессия была видна только царевичу и колесничему, но скрыта от остальных.

Царский сын спросил:

— Что это за человек, которого несут четверо и за которым следуют другие в черных одеждах, плача и стеная?

Колесничий должен был хранить покой царевича, но по воле Богов он ответил так:

— Господин мой, у того человека нет ни разума, ни чувства, ни движения; сознание его уснуло; он спит подобно траве или куску дерева. Удовольствия или страдания ничего не значат для него теперь, друзья и недруги оставили его.

Встревоженный царевич спросил:

— Свойственно ли такое состояние только этому человеку, или же такой конец ожидает все создания?

Колесничий ответил:

— Такой конец приходит ко всем. Будь он низкого или знатного происхождения, к каждому человеку, живущему в мире, неизбежно приходит смерть.

Так Сиддхартха узнал, что такое смерть, и несмотря на свою стойкость, содрогнулся. Он прислонился к колеснице и произнес слова, полные смятения:

— Так вот каков удел всех созданий! Но, не имея в сердце страха, человек услаждает себя тысячами разных путей. Смерть всегда рядом, но человек идет по жизни, беспечно распевая. О, я начинаю думать, что человеческое сердце ожесточилось! Поверни лошадей, возница, нынче не время гулять по цветущим садам. Как может человек чувствующий, человек, знающий о неизбежности смерти, искать удовольствий в этот мучительный час!

Но колесничий продолжал править к воротам сада, так как получил приказ доставить царевича туда. По указанию царя Удаин — сын домашнего жреца и близкий друг Сиддхартхи — собрал там много красивых девушек, в совершенстве владеющих как искусством танца и пения, так и искусством любви.

10

Колесница въехала в рощу. Молодые деревья стояли в цвету; птицы радостно щебетали, опьяненные воздухом и светом; лотосы на прудах раскрыли бутоны, чтобы испить прохлады.

Сиддхартха медленно сошел с колесницы. Он был подобен юному отшельнику, который еще не привык к своим

обетам и боится искушения, и вдруг оказался в небесном дворце, где пленяют танцами прекрасные Апсары. Восхищенные девушки поднялись и вышли навстречу, как если бы приветствовали жениха. Глаза их сияли, руки струились в воздухе, словно цветы. Они думали:

— Это Бог Кама спустился на землю.

Но ни одна из них не сказала ни слова, даже не улыбнулась — так скованы они были его присутствием.

Удаин подозвал к себе самых смелых и красивых девушек и сказал им:

— Вы подводите меня сегодня — вы, которых я выбрал среди многих, чтобы с вашей помощью пленить царевича, моего друга! Что заставило вас вести себя подобно застенчивым молчаливым детям? Своими очарованием, красотой и смелостью вы можете завоевать даже сердце женщины, а дрожите перед мужчиной. Вы просто убиваете меня! Проснитесь же! Пустите в ход свои чары. Заставьте его уступить любви!

Одна из девушек сказала:

— Мы боимся его, господин; его величественный блеск пугает нас.

— Вас не должно пугать величие, — возразил Удаин. — Вы, женщины, обладаете высшей властью. Пусть же Сиддхартха вспомнит всех тех, кто вынужден был просить пощады у нежных взглядов. Когда-то великий отшельник Вьяса, тронуть которого боялись даже Боги, был повержен куртизанкой по имени Красотка из Бенареса. Монах Мантхалаготама, известный своим долгим служением, стал помощником гробовщика, чтобы заслужить благосклонность блудницы Джангхи, женщины одной из самых низших каст. Санта ухитрилась подчинить себе Ришьястрингу — ученого мужа, никогда не знавшего женщин. И что достойно наибольшего сожаления, сам славный Висвамित्रа однажды уступил в лесу домогательствам Апсары Гхритаки. Я могу назвать множество других мужей, которые покорились женщинам, подобным вам, о красавицы! Идите же и не бойтесь царского сына. Улыбайтесь ему, и он обязательно полюбит вас.

Слова Удаина придали девушкам храбрости. Улыбаясь и двигаясь с утонченной грацией, они постепенно собрались в кружок вокруг царевича.

Они использовали свои самые завлекательные уловки, чтобы приблизиться к Сиддхартхе, чтобы погладить его, обнять и похитить немного ласки. Одна из них притворно споткнулась и, чтобы удержаться на ногах, ухватилась за его пояс. Другая подошла вплотную и шепнула на ухо:

— Снизойди к моей тайне, о царевич!

Третья притворилась, что ей дурно; она медленно распустила голубой платок, стягивающий ее грудь, и припала к плечу царевича. Еще одна девушка спрыгнула с ветки мангового дерева, когда он проходил мимо, и со смехом пыталась удержать его. Нашлась и такая, что преподнесла ему цветок лотоса. А еще одна запела:

— Взгляни, любовь наша, это дерево покрылось цветами, и воздух насыщен их благовониями. Редкостные птицы расппевают в ветвях песни о счастье — так не пели бы они и в золотой клетке. Прислушайся к пчелам, жужжащим над цветами, — их привлек и наполняет предвкушением пряный запах. Посмотри на эти лианы, крепко обнявшие деревья — ветер треплет их ревнивой рукой. А дальше, на той прекрасной поляне, видишь ли ты дремлющий серебряный пруд? Он улыбается во сне, подобный деве, которую смело ласкают лунные лучи.

Однако не улыбался царевич. Он был несчастен, поскольку размышлял о смерти. Он думал:

— Они не знают, эти девушки, что юность быстротечна, что старость скоро похитит их красоту! Они не видят угрозы недуга, который властвует над миром. Они не ведают о смерти, о царственной смерти, которая разрушает все! Вот почему могут они смеяться, вот почему они предаются играм.

Удаин попытался вмешаться в раздумья друга. Он сказал:

— Почему Вы так невежливы с этими девушками? Быть может, они не представляют для Вас интереса? Что за дело! Будьте добры к ним, пусть даже ценой небольшой лжи. Избавьте их от стыда быть отвергнутыми. Что пользы в красоте, если поведение Ваше столь неизящно? Вы подобны лесу, лишенному цветов.

— Какое добро может принести ложь, какое добро сможет снискать лесть, — возразил царевич. — Я не стану обманывать этих женщин. Старость и смерть уже поджидают всех нас. Не пытайся искушать меня, Удаин, не проси меня участвовать в грубых развлечениях. Я увидел старость, я увидел немощь, я понял смерть. Ничто уже не сможет успокоить мой разум. А ты еще хочешь, чтобы я предался любви?! Из какого же металла сделан человек, который знает о смерти, но продолжает искать любви? Жестокий, неумолимый страж стоит у его двери — а он даже не рыдает!

Солнце клонилось к закату. Девушки перестали смеяться: ведь царевич даже не взглянул на их гирлянды и украшения. Поняв, что их чары бессильны, они побрели обратно в город.

Сиддхартха вернулся во дворец. Царь узнал от Удаина, что сын его отверг все удовольствия, и потому эту ночь он провел без сна.

Гопа ждала мужа, но он избегал ее. Это вызвало у нее тревогу. И когда она наконец заснула, то увидела такой сон.

Земля содрогалась, раскачивая высочайшие вершины. Порывы дикого ветра ломали и с корнем выдирали деревья. Солнце, луна и звезды упали с неба на землю. Сама она, Гопа, лишилась всех одежд и украшений; она потеряла свою корону; она осталась нагой. Волосы ее оказались коротко острижены, супружеское ложе разбито; одежды царевича и украшавшие их драгоценные камни были разбросаны вокруг. Метеоры проносились в небе над темным городом, а Меру, царь гор, содрогался.

Охваченная ужасом, Гопа проснулась и бросилась к мужу.

— Господин мой, — вскричала она, — что случилось? Я видела ужасный сон! Глаза мои полны слез, а сердце — страха!

— Расскажи мне твой сон, — попросил царевич.

Гопа пересказала увиденное во сне, а царевич улыбнулся.

— Возрадуйся, Гопа, возрадуйся, — сказал он. — Ты увидела, как дрожит земля? Это значит, что сами Боги склонятся перед тобой. Ты видела, как луна и солнце упали на землю? Это значит, что скоро ты победишь порок и удостоишься безмерного почитания. Ты видела деревья, вырванные с корнем? Значит, ты найдешь путь из леса желания. Твои волосы были коротко острижены? Значит, ты освободишься от сети страстей, которые все еще удерживают тебя. Мои одежды и украшения были разбросаны повсюду? Это значит, что я на пути к освобождению. Метеоры рассекали небо над темным городом? Это значит, что невежественному миру, миру, который слеп, я принесу свет мудрости, и те, кто поверит моим словам, узнают радость и блаженство. Будь счастлива, о Гопа, и не грусти — скоро ты удостоишься исключительной чести. Спи, Гопа, спи: тебе приснился чудесный сон.

11

Сиддхартха не мог больше пребывать в покое. Он метался по дворцу, подобно льву, пораженному отравленным дротиком. Он был несчастен.

Однажды, ощутив тоску по открытым просторам и зеленым лугам, он покинул дворец и, бесцельно бродя по полям, размышлял:

— Воистину, прискорбно, что человек, такой слабый и подверженный немощи, для которого старость — неизбежность и смерть — господин, может в своем невежестве и гордыне презирать слабых, старых и мертвых. Если бы я глядел с отвращением на тех собратьев, которые стары, недужны или даже мертвы, то я был бы несправедлив. Это помешало бы пониманию Высшего Закона.

Так, раздумывая над тщетностью жизни, он утратил иллюзии касательно собственной силы, а также юности и бытия. Он больше не знал радости или печали, сомнений или скуки, желания или любви, ненависти или презрения.

Вдруг он увидел человека, направляющегося прямо к нему. Человек этот выглядел как нищий и видим был только для одного царевича.

— Скажи мне, кто ты? — спросил Сиддхартха.

— Великий герой, — обратился к нему нищий, — преодолев страх рождения и смерти, я стал странствующим монахом. Я ищу избавления. В мире, находящемся во власти тления, я живу не так, как другие люди. Я отверг удовольствия, я не знаю старости, я ищу одиночества. Иногда я ночую у корней деревьев, иногда — в пустынных горах. Я ничего не имею, ничего не жду. Я скитаюсь, живя подавляем, и взыскую лишь самого высокого добра.

Так он сказал, а затем поднялся в небо и исчез. Это Бог принял облик монаха, чтобы разбудить сознание царевича.

Сиддхартха был счастлив: ведь он понял, в чем его долг. Он решил покинуть дворец и стать монахом.

Он направился обратно в город. Около городских ворот ему встретилась молодая женщина, которая сказала с поклоном:

— О благородный царевич, невеста Ваша удостоилась верховного благословения.

Он услышал этот голос, и душа его наполнилась покоем. Он думал о верховном благословении, о блаженстве, о нирване.

Он пришел к царю, поклонился ему и сказал:

— Ваше Величество, отнеситесь со вниманием к моей просьбе. Не препятствуйте мне, потому что я уже все решил. Мне следует покинуть дворец и следовать путем освобождения. Нам придется расстаться, отец.

Царь был глубоко тронут. Со слезами он обратился к Сиддхартхе:

— Сын, оставь эту мысль. Ты слишком молод, чтобы разбираться в вопросах религии. Весной нашей жизни все мысли изменчивы и непостоянны. И было бы величайшей ошибкой принять подвижничество в юности, когда все чувства жаждут новых удовольствий и когда самые твердые

решения забываются, лишь только мы узнаем цену их исполнения. Тело скитается в лесу желая, и лишь мысли наши могут спастись. Юность не располагает опытом. Скорее это мне следует обратиться к религии. Это для меня пришло время покинуть дворец. Я отрекусь от престола, сын мой. Ты будешь править вместо меня. Будь же надежным и отважным во благо своей семьи. Прежде тебе следует познать все радости юности и зрелых лет и лишь затем отправиться в леса, чтобы стать отшельником.

Царевич ответил:

— Пообещайте мне, что выполните четыре условия, отец — и я никогда не покину дом ради жизни в лесах.

— Что это за условия? — спросил царь.

— Пообещайте мне, что жизнь моя не закончится смертью, что недуги не ослабят мое здоровье, что старость не придет на смену юности, что неудача не разрушит мое благоденствие.

— Ты просишь слишком многого, — ответил царь. — Оставь эту мысль. Не годится действовать из безрассудных побуждений.

Одиноким, как гора Меру, царевич обратился к отцу:

— Если Вы не можете выполнить эти четыре просьбы, отец, то не удерживайте меня более. Когда кто-то пытается спастись из горящего дома, не следует мешать ему. Ведь неизбежно наступит день, когда нам придется покинуть мир — но в вынужденном расставании нет нашей заслуги. Куда как почетней уход по собственной воле. Смерть может выхватить меня из мира до того, как я достигну цели, до того, как я смогу воплотить свои замыслы. Мир подобен тюрьме; о, если бы смог я освободить всех узников желая! Мир — как глубокая яма, в темноте которой скитаются создания, пораженные невежеством и слепотой; о, если бы я смог возжечь для них светильник знания, если бы я смог убрать завесу, скрывающую свет мудрости! Над миром реет знамя гордости, но это ложное знамя. О, если бы смог я низвергнуть его, разорвав на куски! Весь мир охвачен суетой и заботой, он — как колесо огня; о, если бы смог я, опираясь на истинный закон, принести покой людям.

Со слезами на глазах он вернулся во дворец. В большой зале смеялись и пели подружки Гопы, но Сиддхартха не уделил им внимания. Спустилась ночь. Женщины смолкли и вскоре уснули. Тогда царевич взглянул на них, как будто увидел впервые.

Сон унес их заученную грацию, их сияющие взоры. Их прически распустились, рты приоткрылись, груди обвисли, а руки и ноги были напряженно вытянуты или неестественно согнуты.

— Мертвы! Они все мертвы! — вскричал царевич. — Я стою посреди кладбища!

И он бросился вон из дворца, направив свой путь к царским конюшням.

12

Он призвал своего конюшего, быстроногого Чандаку, и повелел:

— Приготовь немедленно моего коня Кантхаку, я отправляюсь на поиски вечного блаженства. Глубокая радость, которую я ощущаю, неодолимая сила, которая поддерживает мою волю, уверенность в том, что даже в одиночестве у меня есть защитник, — все это, взятое вместе, свидетельствует о близости к цели. Я нахожусь на пути к освобождению.

Чандака знал о повелении царя не выпускать Сиддхартху из дворца, но какая-то высшая сила заставила его повиноваться. Он отправился седлать скакуна. Кантхака был волшебным конем, сильным и прекрасно выезженным. Сиддхартха слегка похлопал его по холке и сказал проникновенным голосом:

— Много раз, о благородный зверь, отец мой правил тобой в битвах, побеждая могущественных врагов. Сегодня я отправляюсь на поиск высшей благодати, так помоги мне в этом, о Кантхака! Нетрудно найти соратников по оружию и приятелей по удовольствию, нет недостатка в друзьях, когда мы достигли богатства. Но и соратники, и друзья оставляют нас в одиночестве, если мы вступаем на путь святости. Я уверен, что тот, кто помог другому делать добро или творить зло, получит свою долю и в добром, и в злом. О Кантхака, мной движет добродетельный порыв. Вручи мне твою силу и твою скорость, ставкой в этом забеге станет не только мое и твое спасение, но и спасение всего мира.

Так обращался царевич к коню, как к другу. В нетерпении он вскочил в седло — подобно тому, как солнце иногда опускается сверху на осеннее облако.

Ночь была ясной, и осторожное животное старалось не издавать шума. Никто не проснулся ни во дворце, ни во всем городе. Тяжелые железные засовы замыкали городские ворота. Обычно только слон, да и то с большим трудом, открывал эти запоры. Однако на этот раз они тихо открылись сами по себе, давая дорогу всаднику.

Покидая отца, сына и весь свой народ, Сиддхартха устремился прочь из города. В душе у него не было сожалений. Недрогнувшим голосом он воскликнул:

•

— Я не вернусь в город Капилы до тех пор, пока не увижу, чем кончаются жизнь и смерть.

13

Кантхака унес его далеко от дома. Когда наконец зрачок солнца блеснул сквозь вежды ночи, благороднейший из людей достиг опушки леса, где жило много благочестивых отшельников. Беззаботно гомонили птицы, под кронами деревьев спали олени. Сиддхартха ощутил покой и решил, что дальше ему ехать не следует. Он спешился, ласково потрепал гриву коня. Счастье играло в его зоре и его голосе, когда он обратился к своему спутнику Чандаке:

— Воистину, этот конь обладает божественной мощью и быстротой. А ты, дорогой друг, разделивший со мной этот путь, еще раз доказал свою любовь и отвагу. Ты исполнил благородный долг, чем порадовал меня. Сколь редки люди, подобные тебе, которые могут сочетать энергию и преданность. Обычно людей объединяют корыстные интересы, но ты, не ожидая наград, показал себя настоящим другом! Поверь, ты помог моему счастью. Возьми коня и возвращайся в город. Я нашел лес, который искал.

Герой снял с себя украшения и протянул Чандаке.

— Возьми эти браслеты, — сказал он, — отнеси их моему отцу и скажи, пусть он верит в меня. Не надо печалиться, ведь если я принял отшельничество, то причина тому не любовь к друзьям или ненависть к врагам, не стремление занять место среди Богов. Мной движет достойнейшее стремление: уничтожить старость и смерть. Поэтому не печалься, Чандака, и не дай моему отцу почувствовать себя несчастным. Я покинул дом, чтобы избавиться от несчастий всех. Несчастье порождается желанием; достоин жалости тот, кто стал рабом своих страстей. Когда человек умирает, всегда находятся наследники его удачи, но очень редко, скорее никогда — наследники его добродетели. Если отец мой скажет тебе: “Он ушел в леса раньше назначенного срока“, — то ответь ему, что в нашей суетной жизни всегда должно быть время для укрепления добродетели. А лучше скажи ему, что у меня нет никаких достоинств и доблестей, что человека, лишённого достоинств, нельзя любить, а о тех, кого не любят, не стоит скорбеть.

Со слезами на глазах ответил Чандака:

— О, как будут рыдать все, кто любит Вас! Вы молоды, Вы прекрасны, Вы могли бы жить во дворце Богов, но Вы предпочли жить в лесу и спать на грубой траве. Я знал о Вашем твердом намерении, я не должен был седлать для Вас

Кантхаку, но сверхъестественная сила принудила меня, и лишь под ее воздействием я дал Вам коня. Неужто я смог бы поступить так по доброй воле? С этого дня печаль поселится в городе Капилавасту. О царевич, отец Ваш нежно любит Вас, не бросайте же его! А Махапраджапати? Что только она не делала для Вас! Она стала Вам второй матерью, не будьте же столь неблагодарны к ней! Но есть и еще одна женщина, которая любит Вас. Вы не должны забыть о преданной Гопа! Растите вместе с ней Вашего сына, и в один из дней он прославит Ваш род.

Он горько заплакал. Поскольку царевич хранил молчание, то Чандака продолжал:

— Вы собираетесь навсегда покинуть свою семью. О, если Вам так уж необходимо причинить им печаль, то избавьте хотя бы меня от тяжелой участи приносить печальные известия. Что скажет мне царь, когда увидит, что я вернулся без Вас? Что скажет мне Ваша мать? Что скажет Гопа? Вы учили меня отрицать Ваши достоинства и добродетели, когда я предстану перед Вашим отцом. Как я смогу это сделать, мой добрый господин? Я не могу лгать. И даже если бы я решился солгать, то кто бы мне поверил? Кого заставишь поверить в выдумку о том, что луна вдруг обрела огненные лучи?

Он схватил героя за руку.

— Не бросайте нас! Возвращайтесь, о, возвращайтесь домой!

Сиддхартха долго молчал, а затем решительно произнес:

— Мы должны расстаться, Чанда. Настало время для людей, даже связанных самыми тесными узами, искать собственный путь. Если из любви к семье я не уйду сейчас, то рано или поздно нас разлучит смерть. Что я сейчас для моей матери? Что она для меня? Мы словно птицы, что спят на одном дереве ночью, но разлетаются на все четыре стороны при первых проблесках рассвета; словно облака, собранные вместе одним дуновением ветра, чтобы сразу разлететься при следующем порыве. Я не могу жить в мире, который всего лишь сон. Нам надо расстаться, мой друг. Расскажи жителям города, что я не сотворил ничего, достойного славы; уговори их забыть привязанность ко мне. Но также скажи им, что мы вскоре встретимся вновь. Если я раньше не умру в нищете, то явлюсь к ним победителем старости и смерти.

Кантхака лобызал ноги царевича. Герой ласково погладил коня и обратился к нему, как к другу:

— Не плачь, ты показал себя благородным животным. Будь терпелив, уже близко время, когда твой тяжелый труд обретет награду.

Он взял из рук Чандаки меч, золотая рукоять которого была богато инкрустирована драгоценными камнями. Острым лезвием он обрезал свои волосы и подбросил меч вверх. Клинок блеснул в небе, словно новая звезда. Боги поймали его и сохранили с благоговением.

Но герой все еще носил блестящий наряд, ему же нужна была одежда попроще, пригодная для отшельника. Как раз в это время появился охотник, закутанный в грубую ткань красноватого цвета. Сиддхартха обратился к нему:

— Твое мирное платье похоже на то, что носят отшельники, и никак не вяжется с твоим беспощадным луком. Отдай мне свою одежду, а взамен возьми платье, которое больше подойдет твоему облику.

— Моя одежда помогает мне обманывать зверей в лесу, — отвечал охотник. — Они не боятся меня, поэтому я могу убивать их с близкого расстояния. Но если Вам приглянулись мои лохмотья, я охотно отдам их в обмен на Ваш сверкающий наряд.

Сиддхартха с радостью надел одежду охотника из грубой ткани. Тот, в свою очередь, принял платье героя и растаял в воздухе. Сиддхартха понял, что таким образом Боги решили подарить ему одеяние отшельника, и очень обрадовался. Чандака же исполнился удивления.

Закутанный в красноватую ткань, священный герой вступил на путь отшельника. Он был похож на царя гор Мэру, который в сумерках кутается в облака.

Чандака же с тяжелым сердцем направился обратно в Капилавасту.

14

Средь ночи Гопа проснулась, охваченная странным предчувствием. Она позвала своего обожаемого супруга, но никто не отозвался. Она поднялась и бросилась бежать через залы дворца. Сиддхартхи нигде не было, только ее подружки и служанки спали в большой комнате. С бьющимся сердцем она закричала:

— О, презренные, презренные! Вы предали меня! Вы позволили уйти моему любимому!

Девушки вскочили. Они обыскали каждую комнату. Сомнений не осталось: царевич покинул дворец. Гопа каталась по земле, рвала на себе волосы; на лице ее было глубокое отчаяние.

— Однажды он сказал мне, что уйдет далеко отсюда, — так сказал мне он, царь всех людей! Но я никак не думала, что жестокое расставание придет так скоро. О, где же ты,

возлюбленный мой? Где ты? Я не могу забыть тебя, я, покинутая и одинокая! Где ты? Где ты? Ты так прекрасен! Твоей красоте нет равных среди людей. Твои глаза сверкают: Ты добр и ты любим, о мой дорогой! Разве не был ты счастлив? О мой милый, возлюбленный мой, куда ты ушел?

Напрасно пытались подруги упокоить ее.

— С этих пор я буду пить, только чтобы утолить жажду, и буду есть, чтобы только обмануть голод. Я буду спать на голой земле. На голове я завяжу тесьму отшельника и откажусь от благовонных ванн. Я стану умерщвлять свою плоть. Сады для меня лишены цветов и плодов, гирлянды увяли и покрылись пылью. Дворец обезлюдел, в нем уже никогда не зазвонят счастливые песни.

Махапраджапати узнала о бегстве Сиддхартхи от одной из служанок и пришла к Гопе. Обе женщины рыдали на руках друг у друга.

Причитания услышал царь Суддходана. Слуга пошел узнать об их причине и вернулся с известием:

— Повелитель, Вашего сына нигде не могут найти.

— Закройте городские ворота! — вскричал царь. — Ищите моего сына на улицах, в домах и садах!

Так и поступили, но царевича не нашли. Царь впал в отчаяние.

— Мой сын, мое единственное дитя! — сквозь рыдания вымолвил он и потерял сознание. Когда он пришел в себя, то отдал приказ послать всадников по всем направлениям.

— Они вернут моего сына, — подумал царь.

В это время Чандака, ведя под уздцы Кантхаку, медленно, с опущенной головой приближался к городу. Всадники заметили их.

— Это Чандака вместе с царским скакуном! — кричали они, пуская коней в галоп. Они увидели у Чандаки украшения царевича и спросили с тревогой:

— Разве царевич убит?

— Нет, нет, — отвечал конюший. — Он доверил мне эти украшения, чтобы вернуть их семье. Он надел рясу отшельника и вошел в лес, где живут святые люди.

— Как ты думаешь, — спросили тогда всадники, — если мы отправимся к нему, то удастся ли нам уговорить его вернуться?

— Напрасны будут ваши уговоры. Он непреклонен. Он сказал мне, что не вернется в Капилавасту иначе, как победителем старости и смерти. И он поступит так, как сказал.

Чандака последовал за всадниками во дворец. Царь сразу принял его.

— Мой сын! Мой сын! — воскликнул Суддходана. — Куда он ушел, о Чандака?

Конюший поведал ему о всех поступках и словах царевича. Царь впал в тоску, которую не смогло развеять даже восхищение величием сына.

Вошли Гопа и Махапраджапати, прослышавшие о возвращении Чандаки. Они засыпали его вопросами и узнали о высоком решении Сиддхартхи.

— Ты, кто был моей радостью, — начала говорить Гопа сквозь слезы, — обладающий сладчайшим голосом, такой мощью и таким изяществом, такими знаниями и такой добродетелью! Когда ты обращался ко мне, казалось, что я слышу прекрасную песню; когда я припадала к тебе, то, казалось, вдыхала запахи всех цветов. Ныне я так далеко от тебя, и я плачу. Что станет теперь со мной, когда ты ушел, — ведь ты всегда направлял меня в жизни? Я узнаю бедность, я растеряю мои сокровища. Ты был моими глазами — я больше не вижу света, я ослепла. О, когда же вернешься ты, даривший мне радость?

Махапраджапати увидела украшения, которые принес Чандака. Долго она смотрела на них и плакала, а затем забрала их с собой и покинула дворец. Не переставая плакать, она прошла через сад к пруду, и взглянув на украшения в последний раз, бросила их в воду.

Кантхака вернулся на конюшню. Другие лошади были рады возвращению и дружески приветствовали его ржанием. Но тот, казалось, ничего не слышал и не видел, погруженный в печаль. Внезапно он жалобно всхрапнул раз-другой — и упал замертво.

15

Сиддхартха вступил в приют отшельников, где святой Арата Калама преподавал свою доктрину самоотречения множеству учеников. Его появление вызвало всеобщее восхищение. Куда бы он ни пришел, там сразу разливался волшебный свет. Монахи с радостью слушали его сильный и нежный голос исключительной убедительности. Однажды Арата Калама сказал ему:

— Ты понимаешь Закон не хуже моего, ты знаешь все, что знаю я. С этого дня, если захочешь, мы разделим труды и вместе станем проповедовать ученикам.

Герой спросил у себя:

— Учит ли Арата Истинному Закону? Ведет ли его учение к освобождению?

Он думал:

— Арата и его ученики живут в величайшей строгости. Они отвергают пищу, приготовленную человеком, едят только плоды, листья и корни, а пьют лишь воду. Они умеренны больше, чем птицы, клюющие крошечные семена, больше, чем олени, щиплющие траву, больше чем змеи, вдыхающие легкий ветерок. Они спят под защитой одних лишь ветвей, их тела обжигает жар солнца, пронизывает резкий ветер, стопы и колени их сбиты о камни да дорогах. Добродетель приходит к ним через страдание! А они еще считают себя счастливыми, думая, что такое подвижничество позволит им вознестись на небо. Да, они вознесутся на небо. Однако человечество и дальше будет страдать от старости и смерти. Быть подвижником, не обращая внимания на неизбежный порок рождения и смерти, означает лишь добавлять страдание к страданию. Люди дрожат от присутствия смерти, но при этом делают все, чтобы возродиться снова, и все глубже и глубже погружаются в яму, которой так боятся. Умерщвление плоти считается благом, а поощрение чувственности — нечестивым делом. Однако за умерщвлением плоти в этом мире последует ее убажение в последующем рождении, и таким образом наградой за благочестие станет нечестивое деяние. Если простого воздержания достаточно, чтобы достичь святости, то и олень может стать святым. Святыми могут стать и те люди, которые утратили свою касту, поскольку злая судьба сделала для них недостижимыми радости жизни. Но говорят также, что именно стремление к страданию развивает религиозное рвение. Стремление!.. Мы можем стремиться к убажению наших чувств с тем же успехом, с каким стремимся к страданию. Но если первое из стремлений не является достойным, то почему второе должно цениться иначе?

Так рассуждал он об отшельничестве Араты Каламы. Он увидел суетность доктрины, которой учил мастер, и сказал ему прямо:

— Я не буду проповедовать твою доктрину, Арата. Мне кажется, она не несет избавления. Я оставлю ваше обиталище, чтобы обрести Главный Закон, которому люди должны подчиниться прежде, чем подвергать себя испытаниям.

С такими словами герой отправился в страну Магадха и там, на вершине горы около Раджагриха, в полном одиночестве погрузился в медитацию.

16

Как-то утром Сиддхартха взял свою чашу для подаваний и отправился в город. Люди, проходившие мимо, восхищались его красотой и благородными чертами.

— Кто этот человек? — удивлялись они. — Он похож на Бога. Как будто сам Сакра или Брахма явились нам.

Таким образом, стало широко известно, что необычный монах ходит по городу, собирая милостыню. Каждый хотел увидеть героя, толпы шли за ним следом, а женщины припадали к окнам, когда он проходил мимо.

Один из горожан пришел к царю города и сообщил, что некто, обличем похожий на Бога, собирает подаяние на улицах. Царь Вимбасара вышел на террасу дворца и увидел Сиддхартху. Сияние его поразило царя. Он послал ему милостыню, а слугам приказал проследить, откуда приходит необыкновенный нищий. Не составило большого труда узнать, что юноша живет на склоне горы около города.

На другой день Вимбасара выехал из городских ворот и отправился к горе. Он сошел с колесницы и один, без свиты, подошел к дереву, в тени которого сидел Сиддхартха. Остановившись рядом, царь с благоговейным молчанием наблюдал за нищим. Затем, низко поклонившись, произнес:

— Я увидел тебя, и сердце мое возрадовалось! Тебе не следует более оставаться здесь, на заброшенном склоне, не нужно спать на жесткой земле. Ты прекрасен в блеске своей юности. Пойдем же со мной в город, я подарю тебе дворец и исполню все желания.

— Господин мой, — ответил герой мягким голосом, — пусть Боги продлят Вашу жизнь! Желания ничего не значат для меня. Я веду жизнь отшельника, благодаря которой познал покой.

— Ты так молод, — увещевал царь, — так чувствен и прекрасен — так стань же еще и богат! Тебе будут прислуживать прекраснейшие девушки моего царства. Не покидай нас, останься здесь, будь моим другом.

— Я уже отверг огромные богатства, — отвечал герой.

— Я дам тебе половину моего царства.

— Я отказался от самого прекрасного из царств.

— Здесь ты сможешь удовлетворить все свои желания.

— Я понял суетность желаний. Желания подобны яду, мудрый человек презирает их. Я отринул их, подобно тому, как выбрасывают охапку мокрой соломы. Желания гниют так же быстро, как плоды на деревьях; они столь же прихотливы, как облака в небе; они ненадежны, как дождь и изменчивы, как ветер. Они порождают страдание, поскольку никто из людей не может удовлетворить все свои желания. Только те, кто ищет мудрости, кто следует истинной вере, — только они обретают покой. Пьющий соленую воду лишь увеличивает жажду; тот, кто бежит от желаний, избавляется от жажды. Я больше не знаю желаний, я ищу Истинный Закон.

— Велика твоя мудрость, о нищий! — произнес царь. — Из какой же ты страны? Кто твой отец и мать? К какой касте ты принадлежишь? Поведай мне.

— Возможно, вы слышали о городе Капилавасту. Правитель этого цветущего города, Суддходана — мой отец. Я покинул его, чтобы странствовать и просить подаяние.

Вимбасара произнес:

— Удача да будет с тобой! Я счастлив, что увидел тебя. Наши семьи связаны узами долгой дружбы. Будь милостив ко мне, и когда обретешь просветление, то научи закону и меня, о господин!

Трижды поклонившись, царь вернулся в Раджагриху.

Герой знал, что рядом с городом живет отшельник Рудрака, сын Рамы, который наставляет в Законе многих учеников. Сиддхартха отправился послушать его проповедь, но, как и Арата Калама, Рудрака ничего не знал об Истинном Законе, и герой удалился.

Он отправился к берегам реки Найранджана. С ним вместе двинулись в путь и пятеро учеников Рудраки: Каундинья, Асваджит, Вашпа, Маханаман и Бхадрика.

17.

Чистые воды Найранджаны протекали по богатым плодородным землям. Маленькие деревушки дремали в тени прекрасных деревьев, а вдаль, насколько видел взор, простирались бескрайние луга. Герой подумал:

— Как здесь красиво! Кажется, само место располагает к медитации. Возможно, здесь я обрету путь к мудрости. Я останусь здесь.

Он предался глубоким раздумьям, и так увлекся своими мыслями, что перестал дышать и упал без сознания. Боги, наблюдавшие за ним с небес, решили, что он умер, и заплакали:

— Неужели он умер, дитя из рода сакьев? Неужели он умер и оставил мир страдающим?

Майя, мать героя, жила среди Богов. Она услышала крики и причитания и испугалась за сына. В сопровождении множества Апсар она спустилась на берега Найранджаны. Увидев Сиддхартху, застывшего в неподвижности, она зарыдала:

— Когда ты родился в саду, о сын мой, я верила, что тебе откроется истина. Позднее великий Асита предсказал, что ты освободишь мир. Но все предсказания оказались ложными. Ты не снискал славы в царских походах, ты не достиг высшего знания! Ты умер, одинокий и достойный жалости.

Кто поможет тебе, о сын мой? Кто вернет тебя к жизни? Десять месяцев я носила тебя во чреве, о моя драгоценность, но ныне мне не осталось ничего, кроме горя.

Она начала убирать тело сына цветами. В это время он пошевелился и сказал ласковым голосом:

— Не бойся, мама, твой труд не был напрасным. Асита не лгал. Даже если земля рассыплется в пыль, даже если Меру скроется под водой, даже если звезды дождем прольются вниз, то и тогда я не умру. Я, единственный из всех людей, переживу крушение мира. Не плачь, мама! Приближается время, когда я получу высшее знание.

Мая улыбнулась словам сына. Трижды поклонившись, она вновь поднялась на небо внимать музыке божественных струн.

Шесть лет оставался герой на берегу реки, предаваясь медитации. Никогда не искал он убежища от ветра, солнца и дождя. Слепни, москиты и змеи язвили его — он не отгонял их. Его фигуру видели пастухи, дровосеки и малые дети, которые насмехались над ним и нередко бросали в него пылью и грязью. Он почти не ел, всю трапезу его составляли фрукты и редкие зерна риса или проса. Он отощал, кости явно проступали сквозь кожу. Но его прекрасные глаза на изможденном лице продолжали сиять, как звезды.

Истинное знание пока не давалось ему. Он почувствовал, что очень ослабел, и понял, что пренебрегая собой никогда не достигнешь цели. Поэтому он решил подкрепить свои силы.

Около того места, где Сиддхартха проводил долгие часы в медитации, располагалась деревня Урувила. У старосты этой деревни было десять дочерей. Они почитали отшельника и приносили ему зерно и фрукты. Он редко прикасался к их дарам, но в один из дней девушки заметили, что все их подаяние полностью съедено. Назавтра они принесли большое блюдо, полное вареного риса, — Сиддхартха принял и этот дар. В последующие дни каждая из них приносила что-нибудь вкусное и кормила героя, который снова обрел плоть и вскоре самостоятельно смог ходить в деревню за подаянием. Жители наперебой предлагали ему пищу. Вскоре к Сиддхартхе вернулись сила и красота.

Но пять учеников, которые пришли к реке вместе с ним, сказали друг другу:

— Подвижничество не привело его на путь истинного знания, поэтому он отказался от строгой жизни. Нынче он обильно питается, и похоже, ищет мирских благ. Он больше не думает о священном долге. Как же он сможет теперь обрести истинное знание? Мы считали его мудрецом, но ошиблись: он всего лишь безумец.

После чего они покинули Сиддхартху и отправились в Бенарес.

18

За шесть лет одежда героя полностью истлела. Он подумал:

— Было бы хорошо найти новое платье. Иначе мне придется ходить голым, а это неприлично.

У одной из десяти дочерей старосты, Суджаты, наиболее ревностной из всех, был раб, который умер. Она завернула тело в саван из красноватого материала и собиралась отнести его на кладбище. Пока же труп раба лежал в пыли. Сиддхартха проходил мимо, заметил труп и снял с него саван. Ткань очень пропылилась, но рядом не было воды для стирки. Бог Сакра с небес увидел это затруднение. Он спустился вниз, ударил один раз по земле, и перед глазами Сиддхартхи возник бассейн.

— Хорошо, — сказал герой, — вода уже есть, но мне еще нужен мыльный камень.

Сакра сотворил мыльный камень и положил его на край бассейна.

— Добродетельный муж, — обратился Бог к герою, — дай мне этот саван, я выстираю его для тебя.

— Нет, нет, — ответил святой отшельник. — Я знаю обязанности монаха и сам справлюсь со стиркой.

Почистив саван, он решил искупаться. Но за ним уже давно следил Мара, Воплотивший Зло. Внезапно он поднял вверх стенки бассейна, сделав их отвесными. Святой отшельник не мог выбраться из воды. К счастью, на берегу росло высокое дерево, и Сиддхартха обратился с мольбой к Богине, жившей среди ветвей.

— О Богиня, согни для меня одну ветвь твоего дерева, — попросил он.

Ветка немедленно нагнулась к самой воде. Святой отшельник ухватился за нее и выбрался наружу. Усевшись под деревом, он стал перешивать саван, делая себе новую одежду.

Спустилась ночь. Сиддхартха уснул и увидел пять снов.

Сначала он увидел себя лежащим на кровати величиной во всю землю. Голова его опиралась на Гималаи, словно на подушку; правая рука покоилась на Западном море, левая — на Восточном, а ноги касались Южного.

Затем он увидел, как тростник начал расти из его пупка, причем рос так быстро, что вскоре достиг неба.

Затем он увидел, как черви ползут по его ногам, полностью закрыв их.

Затем он увидел, как отовсюду к нему летят птицы, а долетая до его головы становятся как бы золотыми.

В завершение он увидел себя у подножья горы, состоящей из грязи и эскрементов. Он взобрался на самую вершину, а затем снова спустился вниз, но грязь и смрад не пристали к нему.

Он пробудился. Сны сказали ему, что пришел день, когда, получив высшее знание, он станет Буддой. Он поднялся и отправился в деревню за подаванием.

Суджата только что подоила свои восемь коров. Молоко у этих прекрасных животных было особенно жирным и отличалось тонким вкусом. Она добавила в молоко мед и рисовую муку, а затем поставила эту смесь вариться в новом горшке на новой плите. На поверхности в правой части горшка вскоре образовались большие пузыри, но молоко не выкипало и ни единая капля жидкости не пролилась на землю, а печь совсем не дымила. Удивленная Суджата сказала Пурне, своей служанке:

— Пурна, Боги благосклонны к нам сегодня. Выйди и посмотри, не идет ли к дому святой человек?

Выйдя на крыльцо, Пурна увидела идущего прямо к ним героя. Его сияние ослепило девушку. Она бросилась к госпоже.

— Хозяйка, он приближается, — вскричала она. — Он уже близко. Ваши глаза могут ослепнуть от его блеска.

— Пусть он придет! О, пусть он придет! — взмолилась Суджата. — Это для него я готовила чудесное молоко. Она налила молоко, смешанное с медом и мукой, в золотую чашу и приготовилась встретить героя.

Он вошел, озарив дом своим сиянием. Суджата поклонилась семь раз в знак уважения. Он сел. Девушка встала на колени и омыла его ноги благоухающей водой. Затем она предложила гостю чашу молока, смешанного с медом и мукой. Сиддхартха размышлял:

— Говорят, что Будды прежних времен перед тем, как обрести высшее знание, вкушали пищу из золотой чаши. Поскольку Суджата преподнесла мне молоко и мед именно в такой чаше, то это еще один знак приближающегося события.

Затем он спросил девушку:

— Сестра, что я должен сделать с этой чашей?

— Она принадлежит Вам.

— Но я не могу пользоваться золотой посудой.

— Тогда поступайте с ней по своему усмотрению, — ответила Суджата. — Я презирала бы себя, предложив Вам пищу, но не подарив чашу.

Он вышел, держа чашу в руках, и так пришел на берег реки. Он совершил омовение и поел. Когда чаша опустела, он бросил ее в воду со словами:

— Если именно сегодня мне суждено стать Буддой, то пусть эта чаша поплывет вверх по течению, если же нет, то пусть поток унесет ее вниз.

Чаша выплыла на середину реки, а затем быстро стала подниматься вверх. Потом она исчезла в водовороте, и вскоре до слуха героя донесся приглушенный звон. Это его чаша опустилась в подземный мир и ударилась о другие чаши, которые использовали для последней трапезы, а затем выбрасывали Будды прежних времен.

Сиддхартха пошел вдоль берега реки. На мир медленно опускалась ночь. Цветы устало смыкали свои лепестки, сладкий аромат поднимался из садов и полей, птицы начинали робко насвистывать свои вечерние песни. В этот момент герой подошел к Дереву Познания.

Дорога золотилась от солнечной пыли, редкие пальмы по обочинам казались усыпанными драгоценностями. Святой отшельник присел на краю бассейна, чьи благословенные воды испускали пьянящий запах. На водной глади лотосы раскрывали свои бутоны. Воздух наполнился чистой песней лебедей. Над пальмами возле бассейна танцевали Апсары, а Боги с небес с восхищением взирали на героя.

Он подошел к Дереву. В стороне от дороги он заметил Свастику, жнеца, и обратился к нему:

— Сегодня ты срезал нежнейшую траву, о Свастика. Дай мне немного травы, чтобы покрыть то место, сидя на котором я обрету высшее знание. Как зелены эти травы, срезанные тобой сегодня, о Свастика! Дай мне немного травы, и в один из дней ты обретешь свободу. Я научу тебя Закону, а ты понесешь его дальше, другим людям.

Жнец дал Сиддхартхе восемь пучков травы.

Герой семь раз поклонился на восток. Он бросил охапки травы на землю, и внезапно на том месте возникло удобное сиденье, покрытое мягкой травой, словно ковром.

Герой опустил на него, держа прямо голову и плечи, повернув лицо на восток. Затем он произнес торжественным голосом:

— Даже если кожа моя покроется лишаями, даже если руки мои иссохнут, даже если кости мои рассыплются в прах — то и тогда я не сдвинусь с этого места, пока не обрету совершенное знание.

И он скрестил ноги в позе лотоса.

Свет, который исходил из тела героя, достиг даже тех пределов, где правил Мара, Воплотивший Зло. Ослепленный этим светом, Мара услышал голос, вещавший:

— Герой, отринувший царский сан, сын царя Суддходаны, сидит ныне в медитации под Деревом Познания. Он концентрирует разум, он предпринимает исключительные усилия — и вскоре сможет оказать помощь всем, кто в ней нуждается. По дороге, открытой им, пойдут другие. Получив свободу, он освободит остальных. Обретя покой, он принесет мир своим собратьям. Он войдет в нирвану и позовет за собой других. Он овладеет мудростью и счастьем — и поделится со всеми. Благодаря ему город Богов будет полон людьми, а город Воплотившего Зло опустеет. И ты, Мара, станешь генералом без армии, царем без подданных, и не найдешь себе места, чтобы укрыться.

Мара встревожился. Он пытался заснуть, но сон его прерывался кошмарами. Он поднялся и собрал всех своих слуг и солдат. Увидев состояние предводителя, встревожились и они, и один из его сыновей, Сартхаваха, сказал:

— Отец, Вы бледны, у Вас несчастный вид. Сердце Ваше часто бьется, члены дрожат. Что Вы услышали, что увидели? Расскажите нам.

— Сын, — отвечал Мара, — дни моей славы на исходе. Я услышал голос Света, и он сообщил, что сын сакьев сидит в медитации под Деревом Познания. И мне приснился ужасный сон: будто на дворец мой опустилась черная туча пыли, мои сады лишились плодов, цветов и листьев, все пруды высохли, лебеди и павлины оказались с подрезанными крыльями. Я чувствовал себя одиноким среди этого запустения. Вы все покинули меня. Моя царица била себя в грудь и рвала волосы, словно в припадке раскаяния. Мои дочери рыдали от нестерпимых мук, а ты, мой сын, склонился перед этим человеком, что медитирует сейчас под деревом бодхи. Я хотел поразить врага, но не смог вытащить меч из ножен. Все мои подданные в ужасе бежали. Непроницаемая тьма окутала меня, и я услышал, как дворец мой рушится на землю.

Сартхаваха сказал:

— Отец, лишённые мужества, мы проиграем битву. Если Вы видели такие знамения, то лучше дождаться более благоприятного часа, а не гнаться за случаем, чтобы избежать бесславного поражения.

Но когда Мара увидел легионы вокруг себя, то храбрость вернулась к нему. Он ответил сыну:

— Для храбреца сражение может окончиться только победой. Мы отважны, мы обязаны победить. Какая сила может быть у этого человека? Я двину против него огромную армию, которая растопчет его у подножья дерева.

— Простым числом не укрепить мощь армии, — возразил Сартхаваха. — Солнце может затмить мириады светляков. Если действительно мудрость является источником силы, то один герой в состоянии поразить бесчисленное количество солдат.

Но Мара больше не колебался. Он приказал армии выступать немедленно. Сартхаваха лишь заметил про себя:

— Тот, кто поражен гордыней, никогда не излечится.

Армия Мары являла собой ужасное зрелище. Она ощерилась пиками, мечами и стрелами, огромными боевыми топорами и также дубинками. Сами солдаты были черными, синими, желтыми и красными, лица их внушали страх. Глаза их горели жестоким пламенем, изо ртов сочилась кровь. У одних уши были козлиные, у других — как у свиньи или как у слона. Формой тела многие напоминали горшок. Некоторые соединяли в себе лапы тигра, горб верблюда и голову осла; другие имели львиную гриву, рог носорога и обезьяний хвост. Были здесь чудища о двух, четырех и пяти головах, с 12 или 20 руками. Вместо украшений они носили человеческие кости: челюсти, черепа и фаланги пальцев. Вся эта заросшая волосами армада двинулась вперед, оглашая окрестности диким смехом и жестокими криками:

— Я могу выпустить сто стрел одновременно; я раздеру тело этого монаха!

— Мои руки могут заграбастать солнце, луну и звезды; я одним махом сокрушу этого человека вместе с его деревом!

— Мои глаза наполнены ядом, который может осушить моря и океаны; я только взгляну на него — и он обратится в кучу золы!

Сартхаваха шел сам по себе, окруженный новыми друзьями. Они переговаривались между собой:

— Глупцы! Вы считаете его безумцем, поскольку он предается медитации, вы считаете его трусом, потому что он спокоен. На самом деле это вы — безумцы, это вы — трусы. Даже если бы вас было столько, сколько песчинок на берегах Ганга, то и тогда вы не смогли бы потревожить ни единого волоска на его голове. А вы еще похвалялись, что можете убить его! О, повернем назад! Не надо тревожить его, лучше почтительно склонимся перед ним, ибо пришло его царствие. Шакалы воют в чаще, пока поблизости нет льва, но когда закричит лев, шакалы разбегаются в страхе. Глупцы, глупцы! Вы вопите, ослепленные гордыней, тогда как настоящий

мастер хранит молчание. Когда заговорит лев, вы все покажете спины.

Но армия, с презрением отвергнув увещевания Сартхахи и его друзей, продолжала неуклонно двигаться вперед.

Перед атакой Мара решил запугать героя. Он напустил на него штормовые ветры. Они обрушились с горизонта, вырывая деревья с корнями, опустошая села, сотрясая горы, но Сиддхартха сидел неподвижно. Ни единая складка на его одежде не шелохнулась.

Тогда Воплотивший Зло призвал ливни. Они падали на землю с ужасающей жестокостью, смывая города и прорезая глубокие овраги, но герой так и не сдвинулся с места. Ни единая ворсинка на его одежде не намокла.

Воплотивший Зло сотворил горящие скалы и начал метать их в святого отшельника. Они со свистом рассекали воздух, но, долетев до Дерева Познания, падали на землю охапками цветов.

Тогда Мара приказал своей армии засыпать противника стрелами, но стрелы также превратились в цветы. Армия бросилась на героя, но свет, который он испускал, закрывал его надежней любого щита. Об него ломались мечи и крошились топоры, а как только оружие падало на землю, оно тут же превращалось в цветы.

Напуганные всеми этими чудесами солдаты Воплотившего Зло обратились в бегство.

Воздев руки к небу, их предводитель издал вопль боли и гнева:

— За какие грехи я потерпел поражение от этого человека? Ведь я выполнял желания многих. Я всегда был добр и милостив к своим подданным. Жалкие трусы, которые бегут сейчас с поля битвы, могут присягнуть в этом.

Войска, которые слышали эти слова, ответили:

— Да, наш царь, был добр и милостив. Мы подтверждаем это.

— А какие доказательства своей мудрости может представить этот человек? — вопрошал Мара. — Какую жертву он принес? Кто засвидетельствует его доброту?

Внезапно голос из самых глубин произнес:

— Я буду свидетелем его великодушия.

Мара застыл, пораженный. А голос продолжал:

— Да, это я — Земля, мать всего сущего, буду свидетелем его великодушия. Сотни раз, тысячи раз в потоке прежних жизней его руки, его глаза, его голова, все его тело служили другим созданиям. И в этой жизни, которая будет у него последней, он уничтожит старость, немощь и смерть.

Как превзошел он тебя силой, Мара, так же превосходит он тебя великодушием.

Воплотивший Зло увидел прекрасную женщину, по пояс вышедшую из земли. Она поклонилась герою и, сложив руки, сказала:

— О святейший из людей, я свидетельствую о твоём великодушии.

Затем она исчезла.

А Мара, Воплотивший Зло, заплакал, потому что потерпел окончательное поражение.

20

К заходу солнца вся армия Мары исчезла из виду. Ничто не нарушало медитации героя, и к первой ночной страже он познал все, что было в прошлых существованиях. Ко второй страже он узнал все о нынешней жизни всех смертных. К третьей страже он понял цепь причин и следствий.

Теперь он ясно видел постоянную цепь перерождений для всех созданий. Вне зависимости от того, принадлежал ли человек к высшей или низшей касте, следовал ли он путем добродетели или порока, Сиддхартха видел его проходящим через круг существований, определяемый собственными его деяниями. Тогда герой подумал:

— Сколь ничтожен мир, который рождается, стареет и умирает лишь для того, чтобы снова возродиться для старости и смерти! И человек не знает, как выйти из этого круга!

Пребывая в глубокой медитации, он сказал себе:

— В чем причина старости и смерти? Причина старости и смерти в рождении. Старость и смерть существуют благодаря рождению. В чем же причина рождения? Рождение происходит и действует благодаря существованию. В чем причина существования? Существование обусловлено привязанностями, оно реализуется благодаря привязанностям. В чем причина привязанностей? Их причина в желании, они существуют благодаря желанию. Что вызывает желание? Желание вызывается ощущением, оно существует благодаря ощущению. В чем причина ощущения? Оно возникает вследствие соединения и существует благодаря соединению. Где истоки соединения? Истоки соединения в шести чувствах, соединение существует благодаря шести чувствам. В чем причина шести чувств? Они берут начало и существуют благодаря названию и форме. Откуда берутся название и форма? Они происходят из восприятия и существуют благодаря ему. Что порождает восприятие? Восприятие проис-

ходит из впечатления и существует благодаря впечатлению. Что же можно сказать о впечатлении? Впечатление происходит из невежества и существует благодаря невежеству.

Он размышлял:

— Таким образом, невежество лежит в основе смерти, старости, страдания и отчаяния. Преодолеть невежество означает преодолеть впечатление. Преодолеть впечатление означает преодолеть восприятие. Преодолеть восприятие означает преодолеть название и форму. Преодолеть название и форму означает преодолеть шесть чувств. Преодолеть шесть чувств означает преодолеть соединение. Преодолеть соединение означает преодолеть ощущение. Преодолеть ощущение означает преодолеть желание. Преодолеть желание означает преодолеть привязанность. Преодолеть привязанность означает преодолеть существование. Преодолеть существование означает преодолеть рождение. Преодолеть рождение означает преодолеть старость и смерть. Существовать — значит страдать. Желание ведет нас от рождения к перерождению, от страдания — к другому страданию. Смирив желание, мы предупредим рождение, значит, предупредим страдание. Ведя жизнь, исполненную святости, мы можем смирить желание и, таким образом, пресечь поток рождений и страданий.

К восходу солнца благороднейший из людей стал Буддой. Он воскликнул:

— Я прошел неисчислимые рождения. Напрасно я искал в прошлом строителя дома. О, эта попытка вечного перерождения! Но я вижу тебя в последний раз, создатель. Ты больше не построишь свой дом. Стропила сломаны, старые стены пали. Древние скалы содрогаются от предчувствий: разум прикоснулся к нирване; нет больше рождений, потому что нет больше желаний!

Двенадцать раз содрогнулась земля, мир раскрылся, как огромный цветок. Боги запели:

— Наконец пришел тот, кто принесет свет миру, пришел тот, кто защитит мир! Слепые глазницы Вселенной наконец-то прозрели, их заполнил яркий свет. О Победитель, ты насытишь алчбу всех созданий. Ведомые горним светом Закона, смертные достигнут берегов избавления. Ты принял этот светильник, иди же теперь и рассекай тьму вокруг!

Будда не двигался. Он продолжал сидеть под деревом, скрестив ноги. Получив совершенное знание, он преисполнился благодати.

— Я обрел освобождение, — думал он.

Целую неделю он просидел под Деревом Познания, не шелохнувшись.

Во вторую неделю он отправился в долгое путешествие; он прошел через все миры.

В третью неделю он снова оставался под деревом бодхи и за все время даже ни разу не моргнул глазом.

В четвертую неделю он совершил короткое путешествие от Восточного моря к Западному.

Именно тогда Мара, безутешный в своем поражении, пришел к Будде и сказал такие греховные слова:

— Благословенный, зачем медлишь ты, знающий путь к освобождению? Раздуй светильник, добавь огня; войди в нирвану, о Благословенный, час настал.

Но Благословенный ответил:

— Нет, Мара, я не добавлю огня и не войду в нирвану. Прежде я должен обрести многих учеников, а они, в свою очередь, должны привести в мой закон других. Словом и исполненным долгом я должен заставить замолчать моих противников. Нет, Мара, я не войду в нирвану, пока Будда не будет прославлен во всем мире, пока не будет признан его благой закон.

Мара отправился восвояси. Он низко опустил голову, а в ушах у него звучали голоса Богов, которые потешались над ним.

— Ты потерпел поражение, Мара, — говорили они, — ты стоишь, погруженный в раздумье, словно старая цапля. Ты стал бессильным, Мара, подобно старому слону, который быстро увязает в болоте. Ты полагал себя героем, но ты слабее больного, брошенного в лесу. Что толку от твоих дерзких слов? Они столь же бесполезны, как болтовня ворон.

Мара подобрал кусок мертвого дерева и начал чертить фигуры на песке. Три его дочери, Рати, Арати и Тришна, были крайне напуганы этим грустным зрелищем.

— Отец, почему ты такой печальный? — спросила Рати.

— Меня победил человек, похожий на святого, — ответил Мара. — Он оказался неуязвимым и для моей силы, и для моей хитрости.

— Отец, — сказала Тришна, — твои дочери прекрасны; они попытаются обольстить этого человека.

— Мы пойдем к нему, — продолжала Арати, — мы закуем его в цепи любви, мы приведем его к тебе, смиренного и умоляющего о милости.

Они явились к Будде и запели:

— Друг, наступила весна, прекраснейшее из всех времен года. Деревья стоят в цветах; нужно веселиться! Твои глаза прекрасны, они сияют чудесным светом; ты несешь на себе приметы всемогущества. Взгляни на нас: мы сотворены для того, чтобы давать наслаждение и смертным, и Богам. Вставай и будь с нами, друг; полной мерой испей свою сияющую юность; отбрось серьезные мысли. Взгляни, как мягки наши волосы; цветы одолжили свой аромат их шелковистости. Загляни в наши глаза, в которых дремлет вся сладость любви. Посмотри на наши теплые губы, подобные плодам, созревшим на солнце. Взгляни на наши круглые твердые груди. Мы проплываем с грацией лебедей; мы знаем песни, которые чаруют и услаждают; когда мы танцуем, сердца бьются быстрее, пульс учащается. Приди, друг, не отвергай нас; воистину, глуп тот, кто отбросит сокровище. Взгляни на нас, повелитель; мы — твои рабыни.

Но песня их не тронула Благословенного. Он лишь нахмурился в сторону молодых девушек, и они тотчас превратились в отвратительных старух.

В отчаянии они вернулись назад.

— Отец, — рыдала Рати, — посмотри, что он сделал с нашей юностью и красотой.

— Любовь никогда не поразит его, — сказала Тришна, — ведь он сумел противостоять нашим чарам.

— Ох, — вздохнула Арати, — как жестоко он наказал нас.

— Отец, — взмолилась Тришна, — излечи нас от этой безобразной старости.

— Верни нам нашу юность, — кричала Рати.

— Верни нам нашу красоту, — плакала Арати.

— Мои бедные дочери, — ответил Мара, — я скорблю о вас. Да, он одержал победу над любовью, он оказался выше моей силы, и потому я печален. Вы просите меня вернуть вам красоту и юность, но как я могу? То, что сделал Будда, может изменить лишь сам Будда. Возвращайтесь к нему, признайтесь в постыдных замыслах, скажите о своем раскаянии и, возможно, он вернет вам ваше очарование.

Они принялись умолять Будду.

— Благословенный, — говорили они, — прости нам греховные мысли. Наши глаза были слепы к свету, мы были непроходимо глупы. Прости нас!

— Да, вы совершили глупость, — согласился Благословенный, — поскольку пытались ногтями разрушить гору, пытались зубами прогрызть железо. Но вы признали неправоту своего замысла, а это уже знак мудрости, о девы! Я прощаю вас.

И три дочери Воплотившего Зло вернулись назад еще красивее, чем были прежде.

В пятую неделю Благословенный оставался под деревом. Но внезапно подул пронизывающий ветер и пошел холодный дождь. Тогда Мусилинда, царь змей, сказал себе:

— Благословенный не должен страдать от дождя и холода.

Он покинул нору и семь раз свернулся кольцом вокруг Будды, а над головой его расправил свой капюшон. Поэтому Будда не страдал от плохой погоды.

На шестую неделю он отправился к фиговому дереву, куда часто сгоняли стада коз. Там его ожидали некоторые из Богов, склонившиеся в смиренных поклонах при его приближении. Он сказал:

— Кротость сладка для того, кто знает Закон, доброта сладка для того, кто может видеть; кротость сладка для всех созданий; доброта сладка для всех созданий. Благословен тот, кто не имеет желаний в этом мире; благословен тот, кто победил грех; благословен тот, кто избегнул пытки чувств; благословен тот, кто больше не жаждет существования!

В седьмую неделю он остался под Деревом Познания.

Два брата-купца, Трапуша и Бхаллика, возвращались в северные страны. Они вели за собой караван из 500 колесниц. Когда они проходили мимо дерева, колесницы остановились. Напрасно возницы подбадривали животных, напрасно кололи их стрекалом — ни одна из повозок не сдвинулась ни на шаг. Колеса увязли в грязи по самую втулку. Трапуша и Бхаллика начали тревожиться. В это время появился Бог, который успокоил их и сказал:

— Пройдите немного, о купцы, и вы встретите того, кому должно воздать почести.

Братья увидели Благословенного, голову которого окружало сияние.

— Это Бог какой-то реки или горы? — удивились они. — Быть может, это сам Брахма?

Но, взглянув на его одежды, они подумали:

— Это, должно быть, некий монах. Наверное, ему нужна еда.

Они вернулись к колесницам и принесли оттуда продовольствие. Достав медовые пряники, они преподнесли их Будде.

— Возьми их, святой человек, — сказали братья, — возьми и будь милостив к нам.

У Благословенного не было чаши для подаяний. Он не знал, как поступить. Боги, которые наблюдали за четырьмя сторонами земли, увидели его затруднение и быстро принесли ему чашу, сделанную из золота, но Благословенный сказал себе:

— Воистину, было бы странно для монаха собирать подаяния в золотую чашу.

И он отверг золотую чашу. Боги принесли чашу из серебра, которая также была отвергнута. Он отказался и от изумрудной чаши, и принял только чашу из простого камня.

После этого он взял пряники, которые пожертвовали купцы. Закончив трапезу, он сказал:

— Благословение Богов да будет с вами, купцы! Процветайте и будьте счастливы!

Трапуша и Бхаллика низко поклонились; они услышали слова, произнесенные Богом:

— Тот, кто пред вами, достиг совершенного знания. Это его первая трапеза с тех пор, как он обрел путь к освобождению; и вам выпала великая честь преподнести ему пищу. Теперь он отправится в мир, чтобы учить Истинному Закону.

Трапуша и Бхаллика возрадовались. Они стали первыми, кто начал исповедовать веру в Будду и в закон.

2

Будда начал раздумывать, как ему распространить знание. Он сказал себе:

— Я открыл глубокую истину. Ее было трудно воспринять, ее будет трудно понять; только мудрые смогут овладеть ею. В мире, сотканном из беспорядка, люди ведут трудную жизнь, но их удовлетворяет такая жизнь в этом беспорядочном мире. Как же смогут они понять цепь причин и результатов? Как им удастся понять Закон? Они никогда не смогут смирить желания, никогда не оторвутся от земных удовольствий, никогда не войдут в нирвану. Если я начну проповедовать учение, то меня не поймут. Быть может, никто даже и слушать меня не станет. Что пользы людям в истине, за которую я сражался? Истина останется сокрытой от тех, кем правят желание и ненависть. Истину нелегко обрести, обычный ум никогда не уловит ее. Никогда не узнает истины тот, кто, пребывая во тьме, молится о земных желаниях.

Поэтому у Благословенного не было стремления проповедовать учение.

Когда Брахма, благодаря своему верховному разуму, узнал о сомнениях, одолевавших Благословенного, он испугался.

— Мир будет потерян, мир распадется, — сказал он себе, — если Воплотивший Совершенство, Воплотивший Святость останется в стороне, если он не пойдет к людям проповедовать учение и распространять знание.

Брахма покинул небо. Прошло не больше времени, чем понадобилось бы сильному человеку, чтобы согнуть или распрямить руку, как он предстал перед Благословенным. Выказывая свое глубокое уважение, он обнажил одно плечо, опустил на колени, простер руки к Совершенному и произнес:

— Умоляю: учи знанию, о Господин, учи знанию, о Благословенный! В мире есть люди великой чистоты, люди, которых не испортила житейская грязь, но если они не получают руководства в познании, то как смогут они обрести освобождение? Их надо спасти, этих людей; о, дай им спасение! Они станут слушать тебя, они станут твоими учениками.

Так говорил Брахма. Благословенный хранил молчание, поэтому Брахма продолжал:

— До сих пор в мире преобладал закон зла. Он вводил смертных в грех. Тебе суждено разрушить этот закон, о муж мудрости. Открой для нас врата вечности, поведай о том, что ты открыл, о Спаситель! Ты подобен взобравшемуся на высокую гору, ты словно стоишь на скалистой вершине и зриаешь сверху на человечество. Имей жалость, о Спаситель; подумай о несчастных, испытывающих муки рождения и старости. В путь, побеждающий герой, в путь! Обойди весь мир, стань для него светочем и руководителем. Рассказывай, учи, твои слова внятны будучи многим.

Вот что отвечал Благословенный:

— Глубок Закон, установленный мной; он неуловим и труден для понимания; он лежит вне обычного разума. Мир будет насмеяться над ним; лишь немногие мудрые, возможно, поймут его значение и воспримут его. Если я приму решение и буду говорить, но не буду понят, то рискую потерпеть постыдное поражение. Я останусь здесь, Брахма; люди — лишь игра невежества.

Но Брахма сказал:

— Ты получил высшую мудрость. Лучи твоего света проникли даже в космос, а ты остаешься бездеятельным, о Солнце! Нет, тебе не пристало такое поведение; твое молчание предосудительно; ты должен говорить. Поднимайся! Пусть бьют барабаны и звучат гонги. Пусть Закон пылает, словно факел; пусть он, подобно освежающему дождю, упадет на высохшую землю. Освободи тех, кого терзает грех; принеси мир тем, кто горит в огне порока. Ты, подобный звезде среди людей, ты один можешь разорвать круг рож-

деня и смерти. Взгляни, я у твоих ног и умоляю тебя во имя всех Богов!

Тогда Благословенный подумал:

— Среди голубых и белых лотосов, цветущих в пруду, есть такие, что остаются под водой, есть и такие, что поднимаются к поверхности, а некоторые даже вырастают настолько высокими, что их лепестки не намокают. В мире я видел хороших людей, и плохих людей, одни отличаются острым умом, другие — тупостью. Были среди них и благородные, и бесчестные. Кто-то поймет меня, кто-то — нет, но я буду испытывать сострадание ко всем. Я буду думать и о лотосе, который раскрылся под водой, и о лотосе, который гордится своей замечательной красотой.

И он сказал Брахме:

— Врата вечности да будут открыты для всех! Имеющие уши да услышат и уверуют! Я думал о своей усталости и боялся тщетных усилий, но жалость перевесила все соображения. Я встаю, о Брахма, и иду проповедовать Закон всем созданиям.

3

Благословенный размышлял, кому из людей выпадет первым услышать слово спасения.

— Где этот человек, исполненный добродетели, разума и энергии, кому я могу преподать Закон, — спрашивал он себя. — Его сердце должно быть свободно от ненависти, его разум должен быть спокоен; он не станет хранить знание в себе, словно мрачную тайну!

Он подумал о Рудраке, сыне Рамы. Он вспомнил, что тот не знал ненависти и стремился к добродетельной жизни. Такой человек, как Рудрака, никогда не станет держать знание в секрете. Будда решил научить его закону и спросил себя:

— Где сейчас Рудрака?

Когда же он узнал, что сын Рамы умер семь дней назад, то сказал:

— Великая жалость, что Рудрака умер, не услышав Закона. Он понял бы закон и смог бы учить ему дальше.

Будда подумал об Арата Каламе. Он вспомнил его ясный ум и добродетельную жизнь и решил, что Арата Калама будет счастлив нести знание людям. Он вновь спросил себя:

— Где сейчас находится Арата Калама?

Когда он узнал, что Арата Калама умер три дня назад, то сказал:

— Он умер, не услышав Закона; велика его потеря.

Благословенный задумался и вспомнил о пяти учениках Рудраки, которые когда-то сопровождали его. Они были добродетельны, исполнены энергии и, несомненно, смогли бы понять закон. Благодаря своему высокому разуму Благословенный узнал, что пять учеников Рудраки живут в Оленьей роще в Бенаресе. Поэтому он отправился в Бенарес.

У города Гайя он встретил монаха по имени Упака. При виде Благословенного Упака восторженно воскликнул:

— Как ты прекрасен! Твое лицо излучает свет. Даже плоды, напоенные солнцем, исполнены меньшим расцветом. Твоя красота подобна прозрачной осени. Господин мой, позволь спросить тебя, кто был твой учитель?

— У меня нет учителя, — отвечал Благословенный. — Нет никого, кто подобен мне. Я один мудр, спокоен и не подвержен грехам.

— Каким великим Учителем должен ты быть! — воскликнул Упака.

— Да, я единственный Учитель этого мира; равного мне не найти ни на земле, ни на небе.

— Куда ты направляешься? — спросил далее монах.

— Я иду в Бенарес, — ответил Будда. — Там я зажгу светильник, который принесет свет миру. И свет этот узрит даже слепой. Я иду в Бенарес, и там буду бить в барабаны, звуки которых пробудят человечество; их услышат даже глухие. Я иду в Бенарес, где буду учить Закону.

Он продолжал свой путь и достиг берегов Ганга. Была высокая вода, поэтому Благословенный стал искать лодочника, чтобы переправиться через реку. Он нашел одного и попросил:

— Друг, перевези меня через реку.

— Конечно, — ответил лодочник, — но прежде заплати мне.

— У меня нет денег, — ответил Благословенный.

И он по воздуху перенесся на другой берег.

Лодочник был потрясен. Он возопил:

— Я не перевез через реку такого святого человека! О, горе мне!

И он упал и покатился по земле, объятый великим отчаянием.

4

Благословенный вступил в город Бенарес. Он ходил по улицам, спрашивая подаяние; он съел ту пищу, что подали ему, а затем отправился в Оленью рощу, где, как он знал, можно найти бывших учеников Рудраки. Пять учеников увидели его издали. Они узнали его и сказали друг другу:

— Разве мы не знаем человека, что идет к нам? Ведь это тот самый, кто поначалу удивлял нас своей строгостью, но однажды взбунтовался против суровой самодисциплины, которой мы придерживаемся. Если даже умерщвление плоти не указало ему путь к высшему знанию, то какая нам может быть польза от его мыслей сейчас, когда он склонился к алчности и малодушию? Мы не пойдем ему навстречу, мы не встанем, когда он приблизится; мы не примем у него накидку и чашу для подаяния; мы даже не предложим ему сесть. Мы скажем ему: “Здесь все места заняты“. И не дадим ему ни еды, ни питья.

Так они решили. Благословенный тем временем продолжал идти в их сторону, и чем ближе он подходил, тем неуютней они себя чувствовали. Их охватило неудержимое стремление подняться со своих мест. Они ощущали себя птицами, изо всех сил рвущимися из клетки, под которой разложили огонь. Они никак не могли успокоиться, словно пораженные внезапной болезнью. В конце концов они изменили свое решение. Все пятеро поднялись и, как один человек, бросились навстречу Будде и приветствовали его. Один принял у него чашу для подаяний, другой — накидку, третий предложил место. Они принесли ему воду, чтобы омыть ноги. Все восклицали в один голос:

— Приветствуем тебя, друг. Займи свое место среди нас.

Благословенный сел, омыл ноги, а затем обратился к пяти отшельникам:

— Не обращайтесь ко мне, как к другу, о монахи! Я стал святым, Совершенным. Я — высший Будда! Отверзните свой слух, монахи: уже открыт путь, ведущий к освобождению. Я покажу вам этот путь; я стану учить вас Закону. Слушайте внимательно — и вы узнаете священную истину.

Но отшельники возразили:

— Прежде, несмотря на суровое подвижничество, ты не смог достигнуть совершенного знания. Как же удалось тебе достичь его сейчас, когда ты разрешаешь себе многое?

— О монахи, — отвечал Благословенный, — вы заблуждаетесь, я вовсе не позволяю себе многое. Я не отказался от своего предназначения. Я стал Святым, Совершенным, стал Верховным Буддой. Отверзните слух свой, монахи! Уже открыт путь, ведущий к освобождению. Я открыл вам этот путь, я научу вас Закону. Слушайте внимательно, и вы узнаете священную истину.

Еще он спросил:

— Признайте, о монахи, что я никогда раньше не обращался к вам с такими словами.

— Мы признаем это, Господин.

— Я обращаюсь к вам снова и снова: я — Святой и Совершенный, я — Верховный Будда. Раскройте пошире уши, монахи: открыт путь освобождения, внимайте же.

И пятеро монахов внимательно слушали, пока Благословенный говорил:

— Тот, кто решил жить, руководствуясь разумом, должен избегать двух крайностей. Некоторые люди посвящают себя удовольствиям; их жизнь — постоянный круг расточения; они стремятся лишь ублажить свои чувства. Подобные существа достойны презрения, их поведение следует назвать низким и пустым; оно не может привлекать того, кто обладает разумом. Другие посвящают жизнь умерщвлению плоти; они отказывают себе во всем; поведение их уныло и столь же пусто, оно бесполезно для того, кто обладает разумом. Совершенный держится в стороне от обеих крайностей, о монахи! Он открыл средний путь, который открывает глаза и разум, который ведет к отдыху, знанию, нирване. Этот священный путь, монахи, имеет восемь ветвей: праведная вера, праведное решение, праведная речь, праведное действие, праведная жизнь, праведное усилие, праведная мысль, праведное созерцание. Таков, о монахи, средний путь — путь, который открыл я, Совершенный; путь, ведущий к отдыху, знанию и нирване.

Пятеро затаили дыхание, чтобы лучше слышать Будду. Он остановился на мгновение, а затем продолжил:

— О монахи, я расскажу вам правду о страдании. Рождение есть страдание, старость есть страдание, немощь есть страдание, смерть есть страдание. Вы обречены тому, что ненавидите — это страдание; вы разлучены с тем, что любите — страдание; вы не получаете того, чего страстно желаете — страдание. Неразрывно связанное с телами, чувствами, формами, впечатлениями, восприятием — страдание, страдание, страдание.

О монахи, я поведаю вам правду о происхождении страдания. Жажда существования ведет от перерождения к перерождению, похоть и наслаждение идут вослед. Только обладание может удовлетворить похоть. Жажда власти, жажда наслаждения, жажда существования — вот в чем, монахи, истоки страдания.

И я расскажу вам, монахи, всю правду о том, как прекратить страдание. Переборите свою жажду, избавившись от желания. Отбросьте желания. Покиньте желания. Избавьте себя от желания. Презирайте желания.

Я также расскажу вам, о монахи, правду о том пути, что ведет к прекращению страдания. Это священный путь, благой путь, который лежит за восемью вратами: праведная вера, праведное решение, праведная речь, праведное дейст-

вие, праведная жизнь, праведное усилие, праведная мысль, праведное созерцание.

О монахи, вы узнаете священную истину о страдании, которая никому не открывалась до меня: мои глаза раскрылись, и суть страдания открылась мне. Я понял истину о страдании; теперь вам, о монахи, предстоит ее понять.

О монахи, вы узнаете священную истину об истоках страдания, которая никому не открывалась до меня; мои глаза раскрылись, и истоки страдания открылись мне. Я понял истину об истоках страдания; теперь вам, о монахи, предстоит ее понять.

О монахи, вы узнаете священную истину о том, как сдержат страдания; истину, которая никому не открывалась до меня; мои глаза раскрылись, и сдерживание страданий открылось мне. Я понял истину о сдерживании страданий, теперь вам, о монахи, предстоит ее понять.

О монахи, вы узнаете священную истину о пути, ведущем к избавлению от страдания; истину, которая никому не открывалась до меня; мои глаза раскрылись и путь, ведущий к избавлению от страдания, стал понятен мне. Я понял истину о пути, ведущем к избавлению от страдания; теперь вам, о монахи, предстоит ее понять.

Пять учеников с восторгом внимали словам Благословенного. Он заговорил снова:

— О монахи, до тех пор, пока я не понял полностью четыре истины, я знал, что ни в этом мире, ни в мире Богов, ни в мире Мары, ни в мире Брахмы, среди любых существ, людей, Богов, отшельников или брахманов, мне не достичь высшего знания Будды.

Но ныне, монахи, я полностью понял четыре истины, и я знаю, что в этом мире, равно как и в мире Богов, в мире Мары и в мире Брахмы, среди любых существ, людей, Богов, отшельников или брахманов, я достиг высшего звания Будды. Я навсегда стал свободным; для меня уже не будет нового рождения.

Так говорил Благословенный, и пять монахов радостно внимали ему и прославляли его.

5

Первым из пяти к Благословенному устремился Каундинья. Он сказал:

— Я выслушал Вас, о Господин, и если Вы сочтете меня достойным, хотел бы стать Вашим учеником.

— Понял ли ты меня, Каундинья? — спросил Благословенный.

— Я верую в Будду и хотел бы следовать за Буддой, — ответил монах. — Я хотел бы следовать за тем, кто обладает знанием, кто знает миры, за тем, кто стал святым; я хотел бы следовать за тем, кто смирил все существа, подобно тому, как усмиряют диких быков; за тем, чьим словам внимают и Боги, и люди; я хотел бы следовать за тем, кто есть Высший Будда. В Закон я верю и хотел бы следовать Закону. Совершенный раскрыл его нам. Стало ясно, что только Закон ведет к спасению, поэтому мудрый должен признать его благую силу. Я хотел бы жить в соответствии с Высшими заповедями, в соответствии со священными заповедями, которые будут восхвалять мудрецы.

— Ты понял меня, Каундинья, — произнес Благословенный. — Подойди ближе. Ты хорошо проповедовал Закон. Веди жизнь, исполненную святости, и отбрось страдание.

Затем Вашпа приблизился к Будде, чтобы исповедовать свою веру, а за ним последовали Бхадрика, Маханаман и Асваджит. Так в мире стало шестеро святых.

Благословенный все еще находился в Оленьей роще, когда туда явился молодой человек по имени Ясас. Юноша был сыном богатого купца из Бенареса. Он вел мирскую жизнь, однако уже понял ее тщетность и желал обрести священный покой под сенью лесов. Благословенный видел его и говорил с ним, после чего Ясас объявил о своей готовности идти путем святости.

Отец его пришел в Оленью рощу навестить сына. Он желал разубедить его, вернуть с пути святости. Но он услышал, как говорит Будда, и слова его запали в душу купца, он уверовал в Благословенного. Также мать и жена Ясаса приняли веру в Истинный Закон. Однако когда юноша присоединился к монахам, то его отец, мать и жена вернулись домой в Бенарес.

Четырех друзей Ясаса, которых звали Вимала, Субаху, Пурнаджит и Гавампати, позабавил поступок товарища. Они сказали:

— Давайте отправимся в Оленью рощу навестить Ясаса. Мы объясним ему его ошибку, и он вернется вместе с нами.

Углубившись в рощу, они увидели Будду, который наставлял своих учеников. Вот что говорил Благословенный:

— Как-то раз, в ущелье далеко в горах поселился отшельник. Одежда его была сделана из коры деревьев: он пил только воду и не ел ничего, кроме корней и диких плодов. Единственным его товарищем был заяц, который мог говорить человеческим голосом. Ему нравилось беседовать с отшельником, поскольку поучения приносили ему великую пользу. Заяц прилагал все усилия, чтобы обрести мудрость.

Как-то выдался год ужасной засухи; горные источники высохли, а деревья не принесли ни цветка, ни плода. Отшельник больше не мог находить себе пищу и воду; он утомился своим прибежищем в горах и однажды сбросил отшельническую одежду. Это увидел заяц и спросил: “Друг, что ты делаешь?” “То, что ты видишь, — ответил отшельник. — Я не могу больше носить эту рясу”. “Что? — воскликнул заяц. — Ты собираешься покинуть ущелье?” “Да, я отправлюсь к людям, буду просить подаяние, и они дадут мне настоящую пищу, а не только коренья и фрукты”.

Услышав эти слова, заяц испугался. Он почувствовал себя ребенком, которого бросил отец, и заплакал: “Не уходи, друг! Не оставляй меня одного! К тому же, многих, уходивших в города, постигал крах. Лишь одинокая жизнь в лесу достойна славы”. Но отшельник оставался непреклонным: он решил уйти, и он обязательно уйдет.

Тогда заяц сказал: “Если ты твердо решил покинуть горы, то уходи! Но прошу тебя, как о милости: задержись еще на день, только на один день. Сегодня останься здесь, а завтра можешь поступать по-своему!” Отшельник подумал: “Зайцы очень запасливы. Они нередко припрятывают пищу на черный день. Возможно, завтра этот заяц принесет мне что-нибудь поесть”. Поэтому он пообещал не уходить раньше следующего дня, после чего заяц радостно ускорился и ушел.

Отшельник принадлежал к почитателям Бога огня — Агни, поэтому постоянно поддерживал костер в ущелье. “У меня нет еды, — говорил он себе, — но, по крайней мере, я смогу сохранить тепло до тех пор, пока заяц не вернется”.

На рассвете следующего дня заяц появился вновь, но без каких-либо приношений. Лицо отшельника выдало его разочарование. Заяц поклонился ему и произнес: “У нас, у животных, нет ни разума, ни суждения; прости мне, достойный отшельник, если я поступил неправильно”. И внезапно он прыгнул прямо в костер. “Что ты делаешь?” — закричал отшельник. Он бросился к костру и спас зайца. Тогда заяц сказал: “Я не хотел, чтобы ты отступился от своего долга; я не хотел, чтобы ты покинул это убежище. Здесь больше нет пищи. Поэтому я хотел бы предать свое тело огню; когда оно поджарится, ты можешь взять его, насытиться моей плотью — и остаться в ущелье!”

Отшельника глубоко тронули эти слова. Он отвечал: “Я не уйду в город и останусь здесь, даже если должен буду умереть от голода”. Заяц был счастлив. Он устремил взор в небеса и прошептал такую молитву: “Индра, я всегда любил уединенную жизнь. Услышь мои мольбы и пошли дожди”. Индра внял молитве. На землю обрушились потоки дождя, и

когда отшельник вместе со своим другом вернулся в горное ущелье, то нашел там ту пищу, которую хотел.

После минутной паузы Благословенный добавил:

— В то время, о монахи, зайцем был я. А отшельником был один из тех злонамеренных молодых людей, которые только что вступили в Оленью рощу. Да, Вимала, это был ты!

Учитель поднялся со своего места.

— Я удержал тебя от следования путем греха, когда был зайцем, живущим в горном ущелье. Теперь же, став Высшим Буддой, я могу указать тебе путь к святости. Твои глаза увидят и твои уши услышат. Для чего же ты нынче, пренебрегая стыдом, пытаешься удержать своих лучших друзей от поисков спасения?

Вимала пал к ногам Благословенного. Он провозгласил свою веру в Будду и был принят в число учеников. После чего Субаху, Пурнаджит и Гавампати также решили принять священное слово.

Число учеников росло с каждым днем, и вскоре у Мастера было шестьдесят монахов, готовых нести знание дальше. Он обратился к ним с такими словами:

— Я свободен от всех уз, человеческих и божественных. Ныне вы, мои ученики, тоже получили свободу. Потому начните свой путь, о ученики. Идите вперед — ради сострадания к миру, идите — ради счастья мира. Именно вам и Боги, и люди будут обязаны своим благоденствием и радостью. Ступите на эту дорогу, единственную и одинокую. И учите, учите всех сияющему Закону — Закону, что светит и в начале, и в середине, и в конце. Учите духу Закона, учите букве Закона; всем, кто будет вас слушать, расскажите о совершенной, чистой и святой жизни. Есть люди, которых не ослепил прах земли; но и они не найдут спасения, если не услышат проповеди Закона. Поэтому идите, о ученики, и поведайте им о Законе.

Ученики разошлись по разным направлениям, а Благословенный выбрал дорогу в Урувилву.

6

Благословенный шел пешком довольно долго и потому устал. Войдя в рощу, он присел у корней одного из деревьев. Он уже почти заснул, когда группа из тридцати молодых людей вошла в рощу.

Наблюдая за их словами и поведением, Благословенный понял, что они кого-то ищут. В конце концов молодые люди обратились к Будде.

— Не проходила ли мимо вас молодая женщина?

— Нет. Но кто вы?

— Мы бродячие музыканты, ходим из города в город. Часто играем перед царями, и все восхищаются нашими талантами. Сегодня мы привели с собой юную девушку, чтобы она доставляла нам радость. Но когда мы спали недалеко отсюда, в стороне от дороги, она украдала столько наших вещей, сколько смогла унести с собой, и скрылась. Вот именно ее мы и ищем.

— Что же лучше, — задал вопрос Будда, — преуспеть в поисках этой женщины или в поисках самих себя?

Музыканты лишь рассмеялись в ответ на это высказывание Учителя.

— Сыграй на своей лютне, — сказал тогда Благословенный одному из них, смеявшемуся громче всех.

Музыкант заиграл. Играл он мастерски. Легко верилось, что цари наслаждались его музыкой. Когда он закончил, Господин попросил:

— Дай мне свою лютню.

Взяв инструмент, он заиграл сам. Музыканты слушали с восхищением. Они и не подозревали, что из лютни можно извлечь столь сладостные звуки. Даже ветер затих, а Богини, жившие в роще, покинули свои зеленые пристанища, чтобы лучше слышать музыку.

Благословенный закончил играть.

— Господин, — сказали музыканты, — мы считали себя искусными в своем деле, но выяснилось, что мы не знаем даже азов. Умоляем научить нас Вашему знанию.

Благословенный ответил:— Теперь вы подозреваете, что ваше знание музыки поверхностно, а еще недавно думали, что полностью овладели этим искусством. Вы думаете также, что знаете самих себя, но и это знание только внешнее. Вы истово просите меня учить вас всему, что я знаю о музыке, но вы лишь смеетесь, когда я призываю отправиться на поиски самих себя!

— Мы понимаем тебя, Господин, — закричали они, — мы понимаем тебя! Мы отправимся на поиски самих себя.

— Хорошо, — сказал Благословенный. — Я научу вас Закону. После этого, подобно царю Падмаке, который принес в жертву свое тело, чтобы спасти народ, вы отдадите свои ум и знания, чтобы спасти человечество.

И он рассказал историю царя Падмаки, а музыканты слушали, затаив дыхание.

— Давным-давно в Бенаресе правил справедливый и могучий царь Падмака. Однажды город охватила странная эпидемия. Заболевшие делались совершенно желтыми, и даже на солнце они тряслись от холода. Царь сочувствовал

своим подданным и пытался отыскать способы лечения. Он совещался с самыми знаменитыми врачами, раздавал лекарства и сам ухаживал за ослабевшими. Но все было напрасно, эпидемия продолжала свирепствовать. Падмака предавался скорби. Но однажды пришел к нему старый врач и сказал: “Мой господин, я знаю средство, которое может излечить жителей Бенареса“. “Что же это за лекарство?“ — спросил царь. “Есть такая большая рыба по имени Рохита. Если поймать ее и раздать всем больным по кусочку, пусть даже самому маленькому, то эпидемия исчезнет“. Падмака поблагодарил старого врача. По его приказу рыбу Рохиту искали в морях и реках, но тщетно. Царь впал в отчаяние. Временами он слышал — или ему чудилось? — жалобные голоса, рыдавшие за стенами дворца: “Мы страдаем, о царь! Спаси нас!“ Ему же оставалось только горько плакать. В конце концов он подумал: “Что толку в богатстве или царской власти, что толку в самой жизни, если я не могу спасти тех, кто измучен болью“. Он призвал к себе старшего сына и сказал: “Сын мой, я оставляю тебе мою удачу и мое царство“. Затем Падмака поднялся на террасу дворца, принес в жертву Богам благовония и цветы и заплакал: “С какой радостью я принес бы в жертву свою бесполезную жизнь! Если бы жертва принесла пользу тем, кто страдает! Если бы я стал рыбой Рохитой, и меня бы нашли в реке, протекающей через город!“ Он бросился с террасы вниз и тут же оказался в реке в облике рыбы Рохиты. Рыбу поймали. Когда его разрезали на кусочки, чтобы раздать всем больным, он был еще жив, но даже не чувствовал ножей, исполненный любви ко всем созданиям. Эпидемия вскоре исчезла, а над городом Бенаресом запел небесный хор: “Святой царь Падмака — вот кто спас вас! Возрадуйтесь, люди!“ И все прославляли подвиг Падмаки.

Музыканты выслушали Господина и поклялись следовать за ним, чтобы получить знание.

В Урувилве Благословенный встретил трех братьев Кашьяпа. Тысяча учеников следовала за этими доблестными брахманами. С некоторых пор их беспокоила ядовитая змея, которая нарушала порядок жертвоприношений. Со своими бедами они пришли к Будде.

Будда улыбнулся. Пристально поглядев на змею, он приказал ей удалиться с миром. Змея повиновалась, и жертвоприношения более не прерывались.

Братья Кашьяпа попросили Будду остаться с ними на несколько дней и получили его согласие. Он поразил хозяев, демонстрируя многочисленные чудеса, и вскоре все они решили принять Закон. Лишь старший из братьев отказался следовать за Буддой. Он подумал:

— Этот монах действительно очень силен, он являет великие чудеса. Но он не ровня мне в святости.

Благословенный прочитал мысли Кашьяпы и произнес:

— Ты считаешь себя святым человеком, но ты еще даже не встал на путь, ведущий к святости.

Кашьяпа был поражен тем, что Будда догадался о его тайных мыслях. Благословенный же продолжал:

— Ты даже не знаешь, как отыскать путь, ведущий к святости. Прислушайся к моим словам, Кашьяпа, если хочешь рассеять тот мрак, в котором ты живешь.

После минутного раздумья Кашьяпа упал к ногам Будды со словами:

— Наставь меня, о Господин! Не оставь меня и дальше скитаться в ночи!

Тогда Благословенный взошел на гору и обратился с такими словами к трем братьям и их ученикам:

— О монахи! Все в этом мире горит в огне. Глаза в огне, и все, что они видят, в огне; все, чем мы обладаем в мире, горит в огне. В чем же причина? В том, что пламя любви и ненависти — неугасимо. Вас ослепили языки пламени, и вы страдаете от пыток рождения и старости, страдания и смерти. О монахи, все в этом мире охвачено пламенем! Если вы поймете мои слова, то огонь погаснет для вас; языки пламени не будут слепить ваши глаза; и вас больше не обрадуют зрелища пожаров, которыми вы восхищаетесь сегодня. Внемлите мне — и вы узнаете, что есть конец рождений; узнаете, что вам не надо будет возвращаться на эту землю.

7

Благословенный помнил о том, что царь Вимбасара выражал горячее желание узнать Закон, и потому отправился в Раджагриху. Он вышел в путь вместе со старшим из братьев Кашьяпа и некоторыми своими новыми учениками; вместе они пришли в рощу на окраине города и поселились там.

Вимбасара вскоре узнал о прибытии монахов и решил нанести им визит. В сопровождении толпы прислужников он отправился в рощу. Узнав Учителя, он воскликнул:

— Ты не забыл моего пожелания, о Благословенный! Прими мою признательность и мое благоговение.

Он простерся ниц, и когда Господин помог ему подняться, то встал поодаль, выказывая свое уважение.

Но в толпе были люди, знавшие Кашьяпу и почитавшие его великим святым. Они никогда прежде не видели Будду и были весьма удивлены, что их царь оказывает такую честь незнакомцу.

— Он, несомненно, ошибся, — сказал один из брахманов, — ему следовало бы склониться перед Кашьяпой.

— Да, — поддержал другой, — именно Кашьяпа — наш великий учитель.

— Царь допустил странный просчет, — добавил третий. Он по ошибке принял ученика за учителя.

Они говорили шепотом, но Благословенный услышал их, поскольку ничто не могло ускользнуть от его внимания. Он обратился к Кашьяпе:

— О, человек из Урувилвы, скажи, кто убедил тебя оставить отшельничество? Кто заставил тебя признать свою слабость? Ответь, Кашьяпа, как решился ты отбросить прежнюю жизнь?

— Кашьяпа понял замысел Учителя. Он ответил:

— Я знаю теперь, куда вело мое прежнее подвижничество; я знаю суетность всего, чему учился. Мои рассуждения были грехом — и я стал ненавидеть ту жизнь, которую вел.

С этими словами он упал к ногам Учителя.

— Я — Ваш верный ученик. Дозвольте мне склонить голову к Вашим стопам. Вы — мой Учитель; Вы повелеваете мной. Я всего лишь Ваш ученик, Ваш слуга. Вам я внемлю и Вам повинуюсь.

Он простерся ниц семь раз, а толпа восклицала удивленно:

— Сколь могуч тот, кто показал Кашьяпе его заблуждения. Кашьяпа почитал себя величайшим Учителем, но сейчас он стоит, согнувшись в поклоне, перед другим человеком. О, как же могуществен тот, кто стал Учителем самого Кашьяпы!

Тогда Благословенный поведал им о четырех великих истинах. Когда он закончил, Вимбасара устремился к нему и перед всеми, не колеблясь, произнес такие слова:

— Я верю в Будду, верю в Закон, верю в общину святых.

Благословенный позволил царю сесть рядом с собой, и тот заговорил снова:

— В моей жизни было пять великих надежд: я надеялся, что однажды я стану царем; я надеялся, что однажды Будда войдет в мое царство; я надеялся, что однажды мой взыскующий взор встретит его сочувствие; я надеялся, что однажды Он научит меня Закону; я надеялся, что однажды я исповедую веру в Него. Сегодня все надежды сбылись. Я верю в Вас, Повелитель, я верю в Закон, я верю в общину Святых.

Он поднялся.

— О Господин, не откажитесь разделить со мной трапезу завтрака во дворце.

Учитель согласился. Царь отбыл в город. В этот день он узнал великое счастье.

Многие из тех, кто сопровождал царя, теперь последовали его примеру, провозгласив свою веру в Будду, в Закон и в общину Святых.

На следующий день жители Раджагрихи покинули дома и отправились в рощу, стремясь узреть Благословенного. Все восхищались Учителем и прославляли его силу и славу.

Настало время идти в царский дворец, но дорога была так переполнена народом, что нельзя было сделать и шагу. Внезапно перед Учителем возник молодой брахман. Никто не знал, откуда он взялся. Брахман сказал приятным голосом:

— Добрый Учитель принес ныне освобождение доброму народу. Тот, кто испускает золотое сияние, пришел в Раджагриху.

Взмахом руки он проложил путь сквозь толпу, и все повиновались ему без малейшего сопротивления. И он зашел:

— Учитель рассеял тьму; ночь никогда не возродится больше; в Раджагриху пришел тот, кто знает высший Закон.

— Откуда этот юный брахман с чистым сладким голосом? — спрашивали люди.

Тот продолжал петь:

— Он среди нас, тот, кто всеведущ, добрый Учитель, возвышенный Будда. Он превосходит всех в мире; я счастлив служить ему. Не невежеству, но мудрости смиренно служить и чтить благородство — есть ли в мире большая радость? Жить в покое, делать добрые дела, стремиться к торжеству праведности — есть ли большая радость в мире? Обладать талантом и знанием, быть щедрым, следовать путем справедливости — есть ли большая радость в мире?

Юному брахману удалось проложить путь сквозь толпу и привести Учителя ко дворцу Вимбасары. Выполнив эту работу, он поднялся над землей и растворился в сиянии выше всех небесных пределов. Так народ Раджагрихи узнал, что и Боги считают за честь служить Будде и превозносят Его нравственные заслуги.

Вимбасара принял Благословенного с великим почтением. В конце трапезы он произнес:

— Я радуюсь Вашему присутствию, мой повелитель. Я должен часто видеть Вас, слышать из Ваших уст священные слова. Вы должны поэтому принять мой подарок. Недалеко от города находится прекрасная Бамбуковая роща. Она даже ближе, чем ваше нынешнее местообитание, очень удобна и просторна. Вы сможете жить в ней вместе с учениками. Я отдаю Вам Бамбуковую рощу, мой Повелитель, и если Вы примете ее, то окажете мне большую услугу.

Будда улыбнулся в знак своей милости. Принесли золотую чашу, наполненную благоухающей водой. Царь взял чашу и полил водой на руки Учителя. И он сказал:

— Так же, как эта вода льется из моих рук на Ваши, мой Повелитель, так и Бамбуковая роща пусть перейдет из моих рук в Ваши руки.

Земля вострепнулась: теперь Закон получил почву, чтобы пустить в ней корни. Тем же днем Учитель с учениками переселился в Бамбуковую рощу.

8

В то время в Раджагрихе жили два молодых брахмана, Сарипутра и Маудгальяяна. Они были близкими друзьями и вместе учились у отшельника Санджая. И они дали друг другу следующее обещание: “Как только один из нас обретет освобождение от смерти, он сразу же расскажет об этом другому”.

Однажды Сарипутра встретил на улицах города Асваджита, собиравшего подаяние. Он был поражен приятной внешностью Асваджита, его благородными и мягкими манерами, его спокойным и величественным поведением.

Юноша сказал себе:

— Несомненно, этот монах уже отыскал в мире верную тропу к святости. Я должен подойти к нему; я должен спросить, кто его учитель и какому закону он повинуется.

Но затем он подумал:

— Это не лучшее время для расспросов. Он собирает подаяние, и я не должен мешать. Последую за ним, и когда он удовлетворится подношениями, я подойду поближе и заговорю.

Как раз в это время преподобный Асваджит закончил сбор подаяний. Тогда Сарипутра приблизился к нему и приветствовал самым дружеским образом. Асваджит ответил на приветствие:

— Друг, — обратился Сарипутра, — безмятежен твой облик, прозрачен и лучист взор. Кто убедил тебя отречься от мира? Кто твой учитель? Какому закону ты повинешься?

— Друг, — отвечал Асваджит, — мой Учитель — великий монах из рода сакьев.

— Что говорит твой Учитель, о друг; чему он учит?

— Друг, я лишь недавно оставил мир; я только краткое время знаю Закон. Я не смогу представить его во всей великой протяженности, но смогу кратко передать тебе дух Закона.

— Сделай это, друг, — в нетерпении вскричал Сарипутра. — Скажи немного или скажи побольше, как тебе будет угодно; но передай мне дух Закона.

Преподобный Асваджит сказал только одну фразу:

— Совершенный учит о причине, Совершенный учит о концах.

Сарипутра обрадовался этим словам, словно сама истина открылась ему.

“Все, что рождается, имеет конец“, — подумал он. Он поблагодарил Асваджита и, исполненный надежды, отправился на поиски Маудгальяны.

— Друг, — произнес Маудгальяна, когда увидел Сарипутру, — друг, сколь безмятежен твой облик! Как прозрачен и лучист твой взор! Неужели обрел ты освобождение от смерти?

— Да, друг. Возле Раджагрихи поселился Мастер, который учит, как достичь освобождения.

Сарипутра рассказал о своей встрече, и оба друга решили пойти к Благословенному. Их учитель Санджая попытался отговорить их.

— Оставайтесь со мной, — потребовал он. — Я представлю вам исключительное положение среди своих учеников. Вы станете мастерами и будете равны со мной.

— Для чего нам желать сравняться с Вами? Зачем разбрасывать семена незнания? Ныне мы знаем цену Вашему учению. Оно может сделать нас только мастерами невежества.

Санджая продолжал убеждать их; внезапно теплая кровь хлынула из его рта. Два друга в страхе удалились.

Они покинули город и пришли к Будде.

— Вон те, — указал Учитель, заметивший их еще издали, — вон те два человека станут самыми лучшими среди моих учеников.

И он радостно приветствовал их вступление в общину.

9

Число верующих постоянно возрастало. Царь Вимбасара не скупился на доказательства своей веры и дружбы в отношении Учителя. Он часто приглашал его во дворец, предлагал ему место за своим столом. В такие дни он приказывал убирать город по-праздничному. Улицы покрывал ковер цветов, дома украшались флагами. Сладчайшие ароматы наполняли воздух. Жители надевали свои самые яркие одежды. Сам царь выходил навстречу Благословенному и укрывал его от палящего солнца золотым зонтом.

Многие благородные юноши полностью поверили в Закон, которому учил Благословенный. Они хотели стать святыми и потому покидали семьи и достаток. Вскоре Бамбуковая роща наполнилась преданными учениками.

Но было немало и таких в городе Раджагрихе, которых беспокоило столь великое число обращенных Буддой. Они слонялись по городу и гневно вопрошали:

— Почему мы поставили в центр всей жизни этого сына рода сакьев? Разве уже не довольно у нас монахов, проповедующих добродетель? Но они не соблазняют верой наших юношей, как делает этот Мастер. Почему даже наши дети покидают нас? Как много женщин стали вдовами при живых мужьях из-за этого сына сакьев! Как много семей из-за него стали бездетными! Злая воля обрушилась на наше государство, и в центре всех бед — этот монах!

Так Учитель приобрел много врагов среди жителей города. Встречая его учеников, они насмеялись над ними или отпускали ядовитые замечания.

— Великий монах вступил в город Раджагриха и захватил Бамбуковую рощу. Не собирается ли он теперь завоевать все царство Магадха? — спрашивал один, проходя мимо.

— Великий монах пришел в город Раджагриху и отобрал учеников у Санджая. Кого же он соблазнит сегодня? — говорил другой.

— Чума принесла бы меньший урон, чем этот великий монах, — вступал в разговор третий, — она бы убила меньше детей.

— И оставила бы после себя меньше вдов, — вздыхала женщина.

Ученики не отвечали. Но они ощущали, что гнев горожан возрастает и рассказали Учителю о тех злых словах, что им довелось услышать.

— Не позволяйте им нарушить ваш покой, о ученики, — отвечал Будда. — Скоро они остановятся. Говорите спокойные и добрые слова тем, кто преследует вас насмешками и оскорблениями. Скажите им так: “Юноши ушли потому, что познали правду, настоящую правду, которая убеждает героев и обращает совершенных. Кто посмеет обвинять Будду, обвинять Святого, влекущего к себе силой правды?” Тогда они притихнут, и уже через несколько дней вас будут встречать в городе только почетом и восхвалениями.

Случилось так, как сказал Будда. Злые голоса замолчали. Отныне каждый житель города воздавал почести ученикам Благословенного.

10

Царь Суддходана прослышал о том, что сын его получил высшее знание и живет ныне в Бамбуковой роще близ Раджагрихи. Его охватило великое желание снова увидеть

сына, и он отправил к нему вестника с такими словами: “Ваш отец, царь Суддходана, желал бы встретиться с Вами, о Господин!”

Когда посланец прибыл в Бамбуковую рощу, Учитель как раз наставлял своих учеников.

— Представьте себе лес на склоне горы и большой глубокий пруд у ее подножья, — говорил он. — На берегах пруда живут дикие звери. Вдруг появляется человек, который хотел бы причинить беду этим зверям, заставить их страдать, в конце концов, убить их. Он перекрывает удобный путь, ведущий прочь от пруда, путь, безопасный для передвижения. И он открывает другой путь, предательский путь, который кончается в ужасном болоте. Теперь звери в опасности; один за другим они погибнут. Но допустим появление другого человека, который, напротив, стремится ко благу для этих диких зверей. Он разрушит предательский путь, заканчивающийся в болоте, и проложит иной, спасительный путь, ведущий на вершину мирной горы. Таким образом, звери избегнут опасности, будут жить в довольстве и умножаться в числе. Теперь вдумайтесь в суть того, что я рассказал вам, о ученики! Подобно этим зверям, живущим на берегах широкого и глубокого озера, человек живет рядом с удовольствиями мира. Тот, кто вредит ему, кто заставляет его страдать; кто ведет его к смерти, — это Мара, Воплотивший Зло. Болото, в котором гибнут все земные существа, суть удовольствие, желание и невежество. Тот же, кто стремится ко благу, желает всем удобства и процветания, — это Воплотивший Совершенство, Святой, благословенный Будда. Именно я, о ученики, проложил путь спасения, именно я разрушил путь предательства. Вы не окажетесь в болоте, вы выберетесь на гору и достигнете сияющей вершины. О ученики, я сделал для вас все, что может сделать для своих приверженцев мастер, который жалеет их и желает им блага.

Охваченный восторгом, вестник внимал словам Будды. Затем он упал к ногам Господина и сказал:

— Примите меня в число учеников, о Благословенный!

Господин простер руки и произнес:

— Приди, монах.

Вестник поднялся. Внезапно его одежда сама собой приняла облик и цвет монашеской рясы. Он забыл обо всем, и послание, которое доверил ему Суддходана, так и не было передано.

Царь все ждал возвращения своего посланца, и с каждым днем желание увидеть сына все усиливалось. Он отправил в Бамбуковую рощу другого вестника, однако и тот не вернулся. Девять раз он отправлял вестников к Благословенному, и

все девять раз его посланцы, услышав священные слова, решали присоединиться к монахам.

В конце концов Суддходана призвал Удаина.

— Удаин, — сказал он, — как ты знаешь, ни один из девяти вестников, посланных в Бамбуковую рощу, не вернулся назад; ни один не поведал, как было принято мое послание. Я даже не знаю, говорили ли они с моим сыном, видели ли они его. Это печалит меня, Удаин. Я стар. Смерть уже поджидает меня. Я, возможно, доживу до завтра, но было бы безрассудным рассчитывать на последующие дни. Перед тем, как умереть, Удаин, я хочу увидеть своего сына. Когда-то ты был его лучшим другом; пойди же к нему сейчас! Я не знаю никого, кого он встретит лучше. Расскажи ему про мою печаль, расскажи ему про мое желание, и, быть может, он не останется равнодушным.

— Я отправляюсь, мой Господин, — отвечал Удаин.

Надо сказать, что задолго до похода в Бамбуковую рощу он решил принять монашество. Однако его глубоко тронули слова Суддходаны. Он подумал:

— Я поведаю Господину о печали его отца. Мой друг не сможет сдержать жалости и вернется на родину.

Учитель был счастлив, когда увидел Удаина среди своих учеников.

Зима уже почти закончилась. Время благоприятствовало путешествиям, и однажды Удаин обратился к Будде:

— Деревья покрылись почками, вскоре на них распустятся листья. Взгляните на яркие лучи солнца, сияющие сквозь ветки. Учитель, настало лучшее время для путешествий. Уже не холодно, но пока еще и не слишком жарко. Земля оделась в прекрасную зеленую накидку. У нас не будет трудностей в том, чтобы найти пищу в пути. Учитель, настало время, благоприятное для путешествий.

Учитель спросил с улыбкой:

— Почему ты так настойчиво зовешь меня в путь, Удаин?

— Ваш отец, царь Суддходана, был бы счастлив увидеть Вас, Учитель.

Будда задумался на мгновение, а затем сказал:

— Я пойду в Капилавасту; я пойду и увижу моего отца.

11

Когда Вимбасара услышал, что Господин покидает Бамбуковую рощу и будет отсутствовать некоторое время, то вместе со своим сыном, царевичем Аджатасатру, отправился навестить его.

Учитель посмотрел на царевича, затем, повернувшись к Вимбасаре, сказал:

— Да будет сын твой достоин твоей любви, о царь!

Вновь он взглянул на царевича и произнес:

— Выслушай меня внимательно, Аджатасатру, и обдумай мои слова. Коварство не всегда достигает успеха, порок не всегда торжествует. В доказательство я хочу рассказать историю, которая произошла много-много лет тому назад и которую я наблюдал собственными глазами. Я жил тогда в лесу в образе Бога дерева. Мое дерево стояло между двух прудов, один из которых был маленьким и непривлекательным, тогда как другой — широким и красивым. Маленький пруд изобилвал рыбой, а пруд побольше зарос лотосами. Летом из-за жестокой жары маленький пруд почти полностью высох, тогда как пруд побольше, укрытый от палящего солнца лотосами, всегда имел в избытке воду, сохранявшую приятную прохладу. Журавль, проходивший мимо обоих прудов, заметил в меньшем из них рыбу и остановился. Стоя на одной ноге, он думал: “Эти рыбы были бы мне законной добычей. Однако они быстры. Они, скорее всего, успеют спастись, если я нападу на них чересчур поспешно. Нужно применить хитрость. Бедные рыбы! Им так неудобно в этом пересохшем пруду. А ведь рядом есть другой пруд, глубокий, наполненный прохладной водой, где они могли бы плавать в свое удовольствие!” Одна из рыб увидела журавля, стоящего в глубокой задумчивости и похожего на одинокого отшельника, и спросила его: “О чем ты думаешь, почтенная птица? Ты, видно, глубоко погружена в свои думы”. “Я размышляю, о рыба, — отвечал журавль. — Да, именно, я размышляю. Я думаю о том, как ты и твои друзья могли бы избежать своей печальной участи”. “Нашей печальной участи? Что ты имеешь в виду?” “Вы страдаете в этой мелкой воде, о несчастные рыбы! И каждый день, по мере того, как жара становится все сильнее, вода будет убывать все больше, и тогда — что же станет с вами? Скоро пруд станет совсем сухим, и вы все погибнете. Бедные, бедные рыбы! Я плачу о вас”.

Все рыбы слышали, что сказал журавль, и преисполнились ужасом. “Что же будет с нами, — кричали они, — когда жара осушит наш пруд?” Они обратились к журавлю: “Птица, о почтенная птица, не можешь ли ты спасти нас?” Журавль вновь притворился глубоко погруженным в мысли; в конце концов, он ответил: “Мне кажется, я вижу выход из вашего несчастья”. Рыбы внимательно слушали. Журавль продолжал: “Очень близко отсюда расположен волшебный пруд. Он значительно больше, чем тот, в котором вы живете. Лотосы покрывают его поверхность и защищают воду от

летней жары. Послушайте меня и отправляйтесь жить в тот пруд. Я могу брать вас по одной в свой клюв и переносить туда. Таким образом, вы все спасетесь!“ Рыбы были счастливы. Они уже почти согласились на предложение журавля, когда заговорил рак: “Я никогда не слышал ничего более странного!“ — воскликнул он. “Что же тебя так удивляет?“ — спросили его рыбы. “Никогда, — отвечал он, — никогда, с самого начала мира, не доводилось мне слышать о том, чтобы рыбы интересовали журавлей иначе как пища“. Журавль напустил на себя обиженный вид и произнес: “Презренный рак, ты подозреваешь меня в намерении обмануть всех этих бедных рыб, которым угрожает неминуемая гибель? О рыбы, я хочу только спасти вас; лишь о вашем благе я забочусь. Если хотите, то можете испытать мои добрые намерения. Выберите одну из своего числа, и я отнесу ее в клюве в лотосовый пруд. Она увидит его и даже может поплавать там некоторое время; затем я снова возьму ее в клюв и принесу обратно. И она расскажет вам, что думает обо мне“ “Этот план представляется честным,“ — сказали рыбы.

Для путешествия в другой пруд они выбрали старую рыбку, которая хотя и была наполовину слепа, считалась весьма мудрой. Журавль отнес ее в соседний пруд. Выпустил в воду и позволил поплавать в свое удовольствие. Старая рыба пришла в восхищение и, вернувшись к своим друзьям, всячески расхваливала журавля. Рыбы больше не сомневались в том, что они могут доверить ему свои жизни. “Забери нас, — кричали они, — забери нас и отнеси в лотосовый пруд“. “Все будет так, как вы хотите“, — ответил журавль. С этими словами он снова подхватил старую полуслепую рыбу. Но на этот раз он не понес ее к пруду. Он бросил ее на землю и пронзил ударом клюва, затем съел ее, а кости бросил к подножью дерева, Богом которого я был в то время. Сделав так, журавль вернулся к маленькому пруду и сказал: “Кто пойдет со мной теперь?“ Рыбам не терпелось увидеть свой новый дом, и журавлю, чтобы насытиться, приходилось лишь выбирать. Скоро, одну за другой, он съел их всех. Остался только рак. Он уже выразил один раз свое недовольство птице, а сейчас говорил себе: “Я очень сомневаюсь, что рыбы находятся в лотосовом пруду. Я боюсь, что журавль воспользовался их доверием для дурного. Конечно, было бы лучше для меня покинуть этот убогий пруд и перебраться в более обширный и удобный. Журавль должен перенести меня, но при этом я не должен рисковать. А если он обманул рыб, то я должен отомстить за них.“ В это время птица приблизилась к раку. “Теперь твоя очередь“, — сказал журавль. “Как ты хочешь нести меня?“ — спросил

рак. “В клюве, как и других”, — ответил журавль. “Нет, нет, — запротестовал рак. — Мой панцирь очень скользкий, и я могу выпасть из твоего клюва. Лучше разреши мне ухватиться клешнями за твою шею; я буду осторожен, чтобы не поранить тебя“. Журавль согласился. По дороге он остановился у подножья дерева. “Что ты делаешь? — вскричал рак. — Мы прошли только полпути. Неужели ты устал? Ведь расстояние между прудами не столь велико“. Журавль не нашелся, что ответить. В это время рак начал все сильнее сжимать его шею. “Вот почему мы здесь! — воскликнул он. — Эта куча рыбьих костей под деревом вопиет о твоём предательстве. Но ты не обманешь меня так, как ты обманул других. Я убью тебя — пусть даже ценой своей жизни!“ И рак еще сильнее сжал свои клешни. “Милый рак, не причиняй мне зла! — со слезами на глазах взмолился журавль, вне себя от боли. — Я не буду есть тебя, я отнесу тебя в пруд“. — “Тогда идем“, — сказал рак. Журавль подошел к кромке пруда и опустил свою шею вниз. Раку оставалось только шлепнуться в воду. Вместо этого он ужесточил свою хватку, и его клешни оказались столь мощными, что перерезали журавлиную шею. А Бог дерева не смог удержаться от возгласа одобрения: “Отлично сработано, рак!“

Учитель помолчал и добавил:

— Хитрость не всегда приносит успех. Безнравственность не всегда побеждает. Раньше или позже, но предатель-журавль повстречает своего рака. Всегда помни об этом, царевич Аджатакату!

Вимбасара поблагодарил Учителя за полезное наставление, которое он преподал его сыну. Затем он сказал:

— Благословенный, у меня есть просьба.

— Говори, — сказал в ответ Будда.

— Когда вы покинете нас, о Благословенный, то я не смогу воздавать Вам почести, не смогу совершать обычные приношения, и это опечалит меня. Дайте мне прядь Ваших волос, дайте мне Ваши остриженные ногти. Я помещу их в храм посреди моего дворца. Таким образом, я сохраню частичку Вас и каждый день буду украшать храм свежими гирляндами и возжигать редкие благовония.

Благословенный дал царю то, что он просил, после чего произнес:

— Возьми мои волосы, возьми мои остриженные ногти и сохрани в храме. Но прежде всего сохрани в своем разуме то, чему я учил.

И когда радостный Вимбасара вернулся к себе во дворец, Учитель отправился в Капилавасту.

Раджагриху отделяло от Капилавасту немалое расстояние, а Учитель к тому же шел медленно. Поэтому Удаин решил отправиться вперед и сообщить Суддходане, что сын его уже в пути, и вскоре они увидятся. Царь должен лишь набраться терпения и отбросить уныние.

Удаин пролетел по воздуху и в мгновение ока оказался во дворце. Он нашел царя пребывающим в глубоком отчаянии.

— Господин мой, — сказал вестник, — осушите слезы. Скоро Ваш сын прибудет в Капилавасту.

— О, это ты, Удаин! — воскликнул царь. — Я думал, что ты тоже забыл передать мое послание, и уже потерял надежду когда-нибудь увидеть моего любимого сына. Но ты наконец вернулся и принес самую радостную весть. Я больше не буду плакать; я с нетерпением буду ожидать той благословенной минуты, когда глаза мои снова увидят сына.

Он приказал приготовить для Удаина прекрасную трапезу.

— Я не буду есть сейчас, мой господин, — сказал Удаин. — Я не прикоснусь к пище, пока не узнаю, хорошо ли служат моему Учителю. Я вернусь к нему тем же путем, что и пришел.

Царь возразил:

— Я хочу, Удаин, чтобы ты получал от меня пищу каждый день. И я хочу также, чтобы сын мой получал пищу из моих рук в каждый из дней его путешествия, которое он предпринял ради меня. Ешь, а затем я дам тебе пищу, которую ты отнесешь Благословенному.

Когда Удаин поел, то ему дали чашу с самой лучшей пищей для царского сына. Он метнул чашу в небо, затем сам поднялся над землей и улетел прочь. Чаша опустилась у ног Будды, и он поблагодарил своего друга. После того Удаин каждый день летал во дворец царя Суддходаны за едой для Учителя, который был очень доволен усердием ученика, проявленным в служении ему.

В конце концов он прибыл в Капилавасту. Для встречи все сакии собрались в парке, изобильном цветами. Но среди них были гордецы, которые говорили:

— Здесь есть люди постарше Сиддхартхи! Почему они должны воздавать ему почести? Пусть дети, пусть юноши и девушки склонятся перед ним; но те, кто старше его, будут высоко держать голову!

Благословенный вступил в парк. Все были ослеплены исходящим от него бриллиантовым светом. Глубоко взволнованный Суддходана ступил несколько шагов ему навстречу.

— Сын мой! — воскликнул он. Его голос пресекаясь, слезы радости потекли по щекам. Медленно царь склонил свою голову.

Когда сакьи увидели, что отец воздает почести сыну, все они простерлись ниц в знак полного смирения.

Учителю приготовили великолепный престол. Он сел. Небеса отверзлись, и поток роз пролился на парк. Земля и воздух преисполнились благоуханием. Царь и все сакьи внимали с восхищением. И Учитель начал говорить:

— В одном из прежних существований я уже видел свою семью, собравшуюся вокруг и в один голос воспевавшую мне хвалы. В то время царь Санджая правил городом Джаятура. Его жену звали Пхусати, и у них был сын Вишванатра. Став взрослым, Вишванатра женился на царевне Мадри, отличавшейся исключительной красотой. Она родила двоих детей: сына Джалина и дочь Кришнаджину. У Вишванатры был белый слон, обладавший волшебной силой вызывать дождь по желанию хозяина. Однажды дальнейшее царство Калинга посетила ужасная засуха. Трава повяла, деревья не приносили плодов, люди и звери умирали от голода и жажды. Царь Калинги прослышал о слоне Вишванатры и его удивительной силе. Он отправил восемь брахманов с заданием заполучить слона и доставить его в их несчастную страну. Брахманы прибыли в город во время праздника. Царевич как раз, сидя на слоне, направлялся в храм для раздачи милостыни. Он увидел послов другой страны. “С чем пришли вы сюда?” — спросил он. “О господин, — отвечали они, — наше царство, царство Калинга, посетили жестокая засуха и голод. Ваш слон спасет нас, если принесет дождь. Сможете ли вы расстаться с ним?” “О какой малости вы просите, — произнес Вишванатра. — Я мог бы отдать для благого дела и свои глаза, и свою плоть! Конечно, забирайте слона, — и пусть освежающий дождь упадет на ваши поля и ваши сады!” Он отдал слона брахманам, и радостные они вернулись в Калингу.

Однако обитатели Джаятуры глубоко огорчились, поскольку боялись засухи в своей собственной стране. Они обратились с жалобой к царю Санджае. “Господин наш, — сказали они, — поступок царевича достоин осуждения. Его слон защищал нас от голода. Что может случиться с нами теперь, если небо не пошлет нам дождя? Не щади его, о царь! Пусть Вишванатра жизнью заплатит за свое безрассудство”. Царь заплакал. Сначала он пытался успокоить людей обещаниями, но они и слышать ничего не хотели. В конце концов они смягчились и потребовали сослать царевича в отдаленную скалистую пустыню. Царю пришлось дать согласие. “Когда мой сын узнает о ссылке, — думал Санд-

жая, — он очень огорчится“. Однако Вишванатра просто сказал: “Я покину город завтра, отец, и не возьму с собой никаких сокровищ“. После чего он пошел к царевне. “Мадри, — сказал он, — я должен покинуть город; мой отец ссылает меня в жестокую пустыню, где трудно найти средства к существованию. Ты же оставайся дома, о любимая; слишком большие трудности пришлось бы тебе претерпеть со мной. Ты не можешь покинуть детей, которые просто погибнут от одиночества. Оставайся с ними, оставайся на своем золотом троне. Отец высылает меня — не тебя“. “Мой повелитель, — отвечала царевна, — если ты оставишь меня, то я убью себя, и преступление ляжет виной на твой дом“. Вишванатра молча смотрел на жену. Затем он обнял ее и сказал: “Идем“. Мадри поблагодарила его. “Я возьму с собой детей, — добавила она, — я не хочу, чтобы они остались здесь умирать от одиночества“.

На следующий день Вишванатра заложил свою колесницу, взошел на нее вместе с женой и детьми и направил коней прочь из города. Царь Санджая и царица Пхусати рыдали и жаловались на судьбу.

Царевич и его семья были уже далеко от города, когда увидели приближающегося к ним брахмана. “Путник, — спросил брахман, — ведет ли эта дорога к городу Джаятуре?“ “Да, — отвечал царевич. — Но почему ты спешишь в этот город?“ “Я иду из далекой страны, — сказал брахман. — Я слышал, что в Джаятуре живет милостивый царевич по имени Вишванатра. У него был волшебный слон, которого он отдал царю Калинги. Говорят, он само милосердие. Я хочу увидеть этого доброго человека, я хочу просить его о помощи. Я знаю, что до сих пор никто не обращался к нему напрасно“. Вишванатра сказал, обращаясь к монаху: “Я — тот человек, которого ты ищешь; я — Вишванатра, сын царя Санджайи. За то, что я отдал своего слона царю Калинги, отец отправил меня в ссылку. Что я могу дать тебе, о брахман?“ Услышав эти слова, монах предался горьким жалобам. Он простонал: “Значит меня обманули. Я покинул свой дом, полный надежд, и должен ныне вернуться обратно разочарованным“. Тут Вишванатра прервал его: “Утешься, о брахман. Не напрасно обратился ты к царевичу Вишванатре“. Он выпряг лошадей и отдал брахману. Тот поблагодарил благодетеля и удалился. Царевич продолжил свой путь. Он сам тащил колесницу, в которой сидела его семья.

Вскоре они увидели еще одного брахмана, идущего навстречу. Это был невысокий слабый старик с седыми волосами и желтыми зубами. “Путник, — спросил он, — ведет ли эта дорога в Джаятуру?“ “Да, — отвечал царевич, — но

зачем ты идешь туда?“ “У царя этого города есть сын по имени Вишванатра, — сказал монах. — Я слышал много рассказов о его необыкновенном милосердии. Он спас царство Калингу от голода и никогда не отказывал страждущим, о чем бы они не просили. Я пойду к Вишванатре и знаю, что он не отвергнет мою мольбу“. “Если ты придешь в Джаятуру, — сказал царевич, — то не увидишь Вишванатру; отец сослал его в пустыню“. “Увы мне! — вскричал брахман. — Кто же теперь поможет моей дряхлой старости? Все надежды исчезли, и я вернусь домой столь же бедным, как и прежде!“ Он заплакал. “Не плачь, — утешил его Вишванатра. — Я — тот человек, которого ты ищешь. И ты не напрасно встретился со мной. Мадри, Джалин, Кришнаджина, выходите из колесницы. Она больше не моя; я отдал ее этому старому человеку“. Брахман остался чрезвычайно доволен. А четыре изгнанника продолжали свой путь. Поскольку теперь они шли пешком, то дети быстро уставали, и тогда Вишванатра нес Джалина, а Мадри — Кришнаджину.

Через несколько дней они увидели третьего брахмана, идущего им навстречу. Он также направлялся в Джаятуру, чтобы увидеть Вишванатру и просить его о милости. Царевич снял с себя одежды и отдал их, чтобы монах не ушел от него с пустыми руками.

Они отправились дальше и встретили четвертого монаха. Это был человек с темной кожей, со свирепым и властным взглядом. “Скажи мне, — спросил он грубым голосом, — ведет ли эта дорога в Джаятуру?“ Брахман хотел увидеть Вишванатру, который обязательно должен сделать ему прекрасный подарок. Когда он узнал, что встреченный им изгнанник и есть несчастный царевич, то не заплакал, а гневным голосом закричал: “Я преодолел тяжелый путь и не должен остаться ни с чем. Ты, конечно, взял с собой немало драгоценностей, и ты должен отдать их мне“. У Мадри было золотое ожерелье. По просьбе мужа она сняла его с себя и, улыбаясь, протянула брахману. Тот взял украшение и удалился. Вишванатра, Мадри, Джалин и Кришнаджина продолжали идти. Они переправлялись через бушующие потоки; они пересекали ущелья, заросшие кустарником; они преодолевали плоскогорья, залитые безжалостным солнцем. Мадри разрезала ступни об острые камни, Вишванатра стер пятки до кости, и там, где они проходили, тянулся кровавый след.

Однажды Вишванатра, шедший впереди, услышал чьи-то причитания. Он обернулся и увидел Мадри, которая сидела на земле и жаловалась на судьбу. Охваченный состраданием, он произнес: “О моя любимая, как я просил тебя не следовать за мной в ссылку, но ты не хотела и слушать. Вставай же! Как бы ни была велика наша усталость, дети не должны

страдать из-за нее. Мы не должны думать о наших ранах“. Мадри увидела, как его ступни истекают кровью, и заплакала: “О сколь же велики твои страдания в сравнении с моими! Я должна сдерживать свою печаль“. Она попыталась встать, но члены ее не слушались, и она вновь разразилась рыданиями. “Силы полностью оставили меня, — причитала царица. — Даже любви к мужу и детям недостаточно, чтобы укрепить мою отвагу. Я умру от голода и жажды в этой ужасной земле; умрут мои дети и даже мой любимый“.

Индра с небес наблюдал за Вишванатрой и его семьей. Его тронула скорбь Мадри, и он решил спуститься на землю. Приняв облик благообразного старика, Индра выехал навстречу царевичу верхом на скакуне. Он приветствовал Вишванатру и обратился к нему с приглашением: “По вашему виду, мой господин, можно понять, что вы испытали великие трудности. Я покажу вам путь в город, расположенный недалеко отсюда. Приходите вместе с семьей в мой дом и живите там столько, сколько захотите“. С улыбкой на устах он убеждал изгнанников сесть на его скакуна. Заметив колебания Вишванатры, старик добавил: “Лошадь очень сильная, а вы не тяжелые. Что до меня, то я пойду пешком; я не устану, так как идти недалеко“. Вишванатра удивился, узнав, что в жестокой пустыне построен город, о котором он ничего не слышал прежде. Но у старика был такой приятный голос, а Мадри так сильно устала, что он принял приглашение поехать верхом на лошади вместе с женой и детьми.

Они проехали не больше трехсот шагов — и перед ними возник огромный великолепный город. Через него протекала широкая река; везде было много парков и садов, полных спелых фруктов. Старик привел своих гостей к воротам сияющего дворца. “Вот мой дом, — сказал он. — Здесь вы можете, если захотите, провести остаток своих дней. Прошу вас, войдите“. В большом зале Вишванатра и Мадри сели на предложенные им золотые престолы; у их ног дети играли на роскошных коврах. Старик подарил им также много прекрасных нарядов. Для них приготовили изысканную пищу, и они утолили голод. Однако Вишванатра глубоко задумался. Внезапно он поднялся со своего места и обратился к хозяину: “Господин мой, я нарушаю приказ отца. Он удалил меня из города Джаятура, которым правит, и приказал провести остаток жизни в пустыне. Я не должен наслаждаться удобствами, мне не пристала такая жизнь. Господин мой, разреши мне покинуть твой дом“. Старик пытался отговорить царевича, но тщетно. Сопровождаемый женой и детьми Вишванатра покинул город. Выйдя за ворота, он обернулся назад, чтобы взглянуть на гостеприимный дом еще раз — но город исчез. На том месте, где они недавно отдыхали, теперь

был только горячий песок. И Вишванатра обрадовался, что не остался там дольше.

В конце концов он добрался до горы, покрытой дремучим лесом. В лесу он нашел хижину, где когда-то жил отшельник; из листьев сделал ложе для себя и семьи. И здесь, наконец, не мучимый угрызениями совести, он обрел мир и покой. Каждый день Мадри ходила в лес собирать дикие фрукты, ставшие их единственной пищей. Воду они пили из звонкого родника, который нашли возле дома. Семь месяцев они жили, не видя ни души. Но однажды мимо проходил брахман. Мадри как раз ушла собирать фрукты, а Вишванатра смотрел за детьми, которые играли перед хижинкой. Брахман остановился и внимательно поглядел на них. “Друг, — обратился он к отцу, — не отдашь ли ты мне своих детей?” Вишванатра был настолько захвачен своими мыслями, что даже не смог ответить. Он лишь с тревогой смотрел на монаха. Тот повторил свой вопрос: “Я спрашиваю, не мог бы ты отдать мне своих детей? Моя жена намного моложе меня. Она довольно надменная особа и устает от работы по дому. Поэтому она просила найти ей двух детей, которые могли бы стать ее рабами. Почему бы мне не взять твоих? Ты, похоже, очень беден и тебе трудно кормить их. В моем доме у них будет много еды, и я постараюсь, чтобы жена относилась к ним как можно лучше”. Вишванатра подумал: “Сколь мучительную жертву просят меня принести! Что же мне делать? Несмотря на все сказанное брахманом, мои дети будут очень несчастливы в его доме. Его жена — жестокая женщина; она будет бить детей и давать им одни объедки. Но поскольку он просит меня об этом, имею ли я право отказать?” Он долго думал и наконец сказал: “Забирай их с собой, брахман; пусть они станут рабами твоей жены”. Так Джалин и Кришнаджина со щечками, мокрыми от слез, ушли вместе с брахманом.

В это время Мадри собирала гранаты, но всякий раз, когда она срывала плод с дерева, он выскальзывал из ее рук. Она испугалась недоброго предзнаменования и поспешила домой. Не найдя детей, она обратилась к мужу с вопросом: “Где наши дети?” Но Вишванатра только плакал. Она снова спросила: “Где наши дети?” — и снова не получила ответа. Она спросила в третий раз: “Где наши дети?” И добавила: “Отвечай, отвечай быстрее. Твое молчание убивает меня”. Вишванатра заговорил. Жалобным голосом он произнес: “Приходил один брахман; он хотел, чтобы дети стали его рабами”. “И ты отдал их ему!” — вскричала Мадри. “Мог ли я отказать?” Мадри упала в обморок. Долго она была без сознания, а придя в себя, начала горько жаловаться на судьбу. “О, дети мои, — рыдала она, — вас, к которым я

вставала среди ночи, вас, которым я отдавала самые отборные плоды, вас увел прочь злой человек! Я вижу, как он заставляет вас бежать, вас, которые едва только научились ходить. В его доме вы узнаете голод и жестокие побои. Вы станете работать на незнакомца. Вы будете украдкой смотреть на дорогу, но никогда больше не увидите ни отца, ни мать. Ваши губы запекутся от жажды, ваши ступни изранят острые камни, ваши щеки обожжет солнце. О, мои дети! Нам всегда удавалось уберечь вас от страданий, которые мы испытывали. Мы перенесли вас через ужасную пустыню. Вы не страдали здесь, но теперь вы будете страдать!”

Она все еще причитала, когда из леса вышел еще один брахман. Это был старый человек, передвигавшийся с великим трудом. Влажными глазами он уставился на женщину, а затем обратился к царевичу Вишванатре: “Господин мой, ты видишь, что я стар и слаб. Некому помочь мне в доме, когда я просыпаюсь утром и ложусь вечером в постель. У меня нет ни сына, ни дочери, которые смотрели бы за мной. Эта женщина молода и, похоже, полна сил. Разрешите мне взять ее в служанки. Она будет помогать мне вставать и ложиться в постель, она будет смотреть за мной, пока я сплю. Отдай мне эту женщину, господин. Ты совершишь добрый поступок, святой поступок, который будут восхвалять во всем мире”.

Вишванатра выслушал эти слова, предаваясь меланхолии. Взглянув на жену, он спросил: “Дорогая, ты слышала, что сказал брахман; каким будет твой ответ?” “После того, как ты отдал наших детей, ненаглядного Джалина и милую Кришнаджину, ты можешь и меня отдать брахману, — отвечала Мадри. — Я не стану жаловаться” Вишванатра взял ее за руку и вложил в руку брахмана. Он не чувствовал угрызений совести; он даже не плакал.

Брахман забрал женщину. Он поблагодарил царевича и произнес: “Ты обязательно узнаешь великую славу, Вишванатра. Однажды ты станешь Буддой!” Он отправился в путь, но внезапно остановился и повернул обратно. И он сказал: “Я поищу себе служанку в каком-нибудь другом краю. Я оставляю эту женщину здесь, с Богами горы, с Богинями леса и источника. И ты не должен отдавать ее никому”

Пока старый брахман говорил эти слова, его внешность постепенно менялась. Он приобрел неземную красоту, а лицо начало излучать яркий свет. Вишванатра и Мадри узнали Индру. Они припали к его стопам и вознесли молитву. И сказал им Бог: “Каждый из вас может просить меня об одной милости, которая будет исполнена”. Вишванатра воскликнул: “О, если бы я когда-нибудь смог стать Буддой и принести освобождение тем, кто рождается и умирает в этих

горах!“ Индра ответил: “Слава тебе — однажды ты станешь Буддой!“

Затем сказала Мадри: “Господин мой, прошу вас исполнить такую просьбу: пусть брахман, которому отдали моих детей, решит продать их, вместо того, чтобы держать дома; пусть он найдет покупателя только в Джаятуре; и пусть этим покупателем будет сам Санджая“ “Да будет так“, — ответил Индра. А когда он вознесся на небо, Мадри прошептала: “Тогда царь Санджая, должно быть, простит своего сына“. И она услышала, как сказал Бог: “Да будет так!“

Как раз в это время Джалин и Кришнаджина прибыли в свой новый дом. Жена брахмана была очень довольна, получив двух юных рабов, и не теряя времени, приставила их к работе. Она обожала отдавать приказы, и детям пришлось повиноваться малейшим прихотям. Сначала они старались исполнять ее желания, но хозяйка оказалась настолько придирчивой, что вскоре дети утратили всякое желание доставлять ей удовольствие, несмотря на бесчисленные угрозы и побои. Чем суровее к ним относились, тем отважнее они становились. В конце концов женщина сказала брахману: “Я ничего не могу поделать с этими детьми. Продай их, а мне привези других рабов, которые знают, как надо работать и повиноваться“.

Брахман взял детей и, пытаясь продать их, пошел из города в город. Но высокая цена отпугивала покупателей. Наконец он прибыл в Джаятуру. Один из советников царя встретил их на улице; он внимательно всмотрелся в их лица и внезапно, несмотря на изнуренные и загорелые тела, узнал их по глазам. Он остановил брахмана и спросил: “Где ты взял этих детей?“ “Я приобрел их в горном лесу, мой господин“, — ответил монах. — Их отдали мне в рабы. Но они оказались непослушными и теперь я пытаюсь продать их“. Царский советник встревожился; повернувшись к детям, он спросил: “Означает ли это рабство, что отец ваш умер?“ “Нет, — возразил Джалин, — наши родители живы, но отец отдал нас брахману“.

Советник помчался во дворец к царю: “Господин мой, — закричал он, — Вишванатра отдал брахману ваших внуков. Они стали рабами. Но хозяин недоволен их службой; он водит их из города в город, чтобы продать!“

Санджая приказал немедленно доставить брахмана и детей. Их вскоре нашли. Когда царь увидел, до какого убогого состояния дошли дети его крови, он заплакал горькими слезами. Джалин обратился к нему с мольбой: “Купи нас, господин, мы несчастны в доме брахмана; мы хотим жить с тобой, потому что ты любишь нас. Но не забирай нас силой,

ведь отец добровольно отдал нас брахману. Этой жертвой он надеется заслужить великое благословение для себя и для всех живущих“.

“Какую цену ты просишь за детей?“ — спросил царь брахмана. “Ты можешь забрать их в обмен на тысячу голов скота“, — ответил продавец. “Хорошо“, — царь повернулся к советнику и сказал: “Ты, чье положение уступает лишь моему в этом царстве, отдай брахману тысячу голов скота и заплати ему также тысячу мер золота“. А после чего царь, взяв с собой Джалина и Кришнаджину, отправился к царице Пхусати.

При виде внуков она стала смеяться и плакать от радости. Она одела их в дорогие одежды, нарядила в кольца и браслеты. Затем царица стала расспрашивать их об отце и матери. “Они живут в грубой хижине, что стоит в лесу на склоне горы, — рассказал Джалин. — Они раздали все, чем обладали, и питаются только плодами и водой. Их единственные товарищи — дикие звери из леса“. “О, господин мой, — заплакала Пхусати, — не пора ли тебе вернуть сына из ссылки?“ Санджая тут же отправил гонца к Вишванатре: он прощал сына и приказывал ему вернуться в Джаятуру.

Когда царевич подходил к городу, он увидел отца, мать и детей, идущих ему навстречу. Их сопровождала большая толпа людей, которые узнали о страданиях Вишванатры и его добродетели. Они не только простили царевича, но и восхищались им. Царь сказал: “Любезный сын, я был к тебе ужасно несправедлив — узнай же о моих угрызениях. Будь добр ко мне, забудь мою ошибку. Будь также добр к жителям города, забудь их несправедливость к тебе. Никогда больше не обидят нас проявления твоего милосердия“. Вишванатра улыбнулся и заключил отца в объятия. Мадри ласкала Джалина и Кришнаджину; Пхусати плакала от радости. Когда он входил в городские ворота, все, как один, прокричали царевичу славу.

Теперь я могу сказать вам, о сакьи, что Вишванатрой был я. Вы восславили меня так же, как когда-то восславили его. Следуйте путем, который ведет к освобождению.

Благословенный замолчал. Сакьи внимательно слушали его, затем низко поклонились и ушли. Однако никто из них даже не подумал предложить Учителю пищу на завтра.

13

На следующий день Благословенный пошел по городу, от дома к дому, прося подаяние. Его вскоре узнали.

— Что за странное зрелище! — восклицали жители Капилавасту. — Царевич Сиддхартха, который когда-то проез-

жал по этим улицам в великолепных нарядах, ныне бредет от двери к двери, выпрашивая еду, одетый в скромную рясу монаха.

Они бросились к окнам, они высыпали на террасы, без меры восхищаясь необычным нищим.

Одна из служанок Гопы, выходявшая из дворца в город, услышала об охватившем всех волнении. Узнав причину, она немедленно бросилась назад к своей госпоже.

— Ваш муж, царевич Сиддхартха, — выпалила она, — бродит по городу, подобно нищенствующему монаху!

Гопа вскочила с места. Она подумала:

— Он, который прежде излучал свет больший, чем все его блистающие драгоценности, носит теперь грубые одежды. Ныне единственным украшением является его собственное божественное сияние.

Она прошептала:

— Сколь прекрасен он должен быть!

Она поднялась на террасу дворца. Учитель приближался в окружении толпы людей. Волшебное очарование исходило от него. Гопа вздрогнула от радости и запела голосом, полным страсти:

— Мягкие и блестящие — его волосы, яркий, как солнце — его лоб, лучится улыбкой его всеохватный взгляд. Он шествует словно лев в золотом сиянии!

Она бросилась к царю со словами:

— Господин мой, ваш сын просит милостыню на улицах Капилавасту. За ним следует восхищенная толпа, поскольку он стал еще прекрасней, чем прежде.

Суддходана сильно встревожился. Он оставил дворец и отправился к сыну, он спросил:

— Что ты делаешь? Почему ты просишь пищу как милостыню? Ведь ты знаешь, что я жду вас во дворце — и тебя, и твоих учеников.

— Я должен просить милостыню, — отвечал Благословенный. — Я должен повиноваться Закону.

— Мы — племя воинов, — сказал царь. — Ни один из сакьев никогда не был нищим.

— Ты принадлежишь к племени сакьев. Я же в потоке всех моих прежних существований искал высшее знание; я понял красоту милосердия; я познал радость самопожертвования. В одном из прежних рождений я был ребенком по имени Дхармапала. Однажды моя мать, царица, заигралась со мной, да так, что забыла приветствовать моего отца, царя Брахмадату, когда тот проходил мимо. Чтобы наказать ее, он повелел одному из телохранителей отрубить мне руки. Он полагал, что зрелище моих страданий ранит царицу больше, чем ее собственные страдания. Она умоляла мужа, предлага-

ла отрубить ее руки вместо моих, но он был неумолим, и приказ исполнили. Я только улыбался, и моя улыбка вскоре отразилась на лице матери. Тогда отец приказал воину отрубить мне ноги. Его воля была исполнена, но я продолжал улыбаться. В страшной ярости он закричал: “Отрубить ему голову!” В ужасе мать бросилась к ногам мужа. “Отруби голову мне, но пощади своего сына, о царь!” Тот начал колебаться, и в это время я произнес своим детским голосом: “Мама, я отдаю свою голову ради твоего спасения. Когда я умру, то пусть мое тело водрузят на пику и выставят для обозрения; пусть оно станет пищей для птиц небесных“. А когда палач схватил меня за волосы, я добавил: “О, так я смогу когда-нибудь стать Буддой и освободить всех, кто рождается и умирает в этом мире!“ И вот теперь, царь Суддходана, теперь я наконец достиг мудрости; я стал Буддой; я познал путь, ведущий к освобождению. Не мешай моему делу. Будь широк во взглядах, будь скор в понимании, следуй святому пути добродетеля. Тот почиет в мире, кто ведет жизнь, исполненную святости; он почиет на земле и в других мирах.

Царь Суддходана заплакал от восторга. А Будда продолжал:
— Учись отличать настоящую добродетель от фальшивой; учись узнавать истинный путь, не соблазняясь ложным. Тот почиет в мире, кто ведет жизнь, исполненную святости; он почиет на земле и в других мирах!

Царь упал к его ногам; он полностью поверил в него. Благословенный улыбнулся, затем вошел во дворец и занял место за столом своего отца.

14

В это время дворцовые женщины пришли воздать почести Учителю. Одна лишь Гопа отсутствовала. Царь выказал свое удивление.

— Я звала ее пойти вместе с нами, — ответила Махап-
раджапати, — но она отказалась. “Я не пойду вместе с вами, — сказала она. — Мне следует еще стремиться к добродетели; я, наверное, не заслужила лицезреть своего мужа. Если я не совершила ничего дурного, он сам придет ко мне, когда посчитает нужным, и я окажу ему уважение, которого он заслуживает“.

Учитель встал со своего места и направился в покои Гопы. Она сбросила дорогие одеяния и нежные вуали, отшвырнула браслеты и ожерелья и была одета в красноватый балахон из грубой ткани. Увидев ее в таком наряде, Будда радостно улыбнулся. Гопа упала к его ногам и воздала хвалы.

— Ты видишь, — говорила она, — я хочу быть одета так же, как и ты. Я хочу все знать о твоей жизни, чтобы жить так же, как ты. Ты ешь только раз в день, и я ем только раз. Ты больше не спишь в постели, — взгляни вокруг, ты не увидишь постели и в моей комнате; я сплю на этой скамейке. Начиная с сего дня я покончила со сладкими благовоениями; я больше не украшаю цветами свои волосы.

— Я был уверен в твоей великой добродетели, Гопа, — ответил Учитель. — Она не оставила тебя, и я хвалю тебя за это. Немного в этом мире женщин, у которых достало бы смелости поступить так же, как ты.

И, сев в позу, он произнес такие слова:

— Нельзя доверять женщинам. На одну разумную и добродетельную найдется больше тысячи глупых и порочных. Женщина более загадочна, чем путь рыбы в воде; она свирепа, словно разбойник, и лжива, словно разбойник. Она редко говорит правду, поскольку для нее истина подобна лжи, а ложь подобна истине. Часто я говорил ученикам, чтобы они избегали женщин. Мне не нравится даже беседовать с ними. Но ты, Гопа, не фальшива; я верю в твою добродетель. Добродетель — это цветок, который нелегко отыскать. Женщина должна иметь ясные глаза, чтобы увидеть его; должна иметь чистые руки, чтобы сорвать его. Мара прячет среди цветов свои острые стрелы. О, как много женщин любят эти предательские цветы; раны, нанесенные их шипами никогда не заживают! Несчастные женщины! Тело — это лишь пена, но они не знают этого. Они изо всех сил цепляются за этот мир, а затем приходит день, когда царица Смерть призывает их к себе. Тело не более материально, чем мираж. Лишь тот, кто обладает знанием, ломает украшенные цветами стрелы Мары; лишь тот, кто обладает знанием, никогда не встретит царицу Смерть. Смерть уносит женщин, которые беззаботно собирают цветы, подобно тому как реки, вздувшиеся во время бури, уносят прочь сонную деревню. Собирайте же цветы, о женщины, наслаждайтесь их красками, пейте их аромат! Смерть притаилась и ждет вас, и еще не вкусив всех удовольствий, вы окажетесь в ее объятиях. Подумайте о пчеле, которая перелетает с цветка на цветок и, не принося никому зла, просто собирает нектар для получения меда.

15

Когда Сиддхартха отринул мирские заботы, царь Суддходана избрал наследником престола другого своего сына, Нанду. Юношу радовала мысль, что когда-нибудь он станет царем. И его также радовала предстоящая свадьба с царев-

ной Сундарикой, прекрасной Сундарикой, которую он нежно любил.

Учитель боялся, что брат может пойти по пути греха. Однажды он посетил его и сказал:

— Я пришел к тебе, Нанда, поскольку знаю, что ты очень счастлив, и хотел бы из твоих собственных уст услышать о причинах такого счастья. Поэтому говори, Нанда, открой мне твое сердце.

— Брат, — отвечал Нанда, — я сомневаюсь, поймешь ли ты меня, поскольку ты однажды отверг власть правителя и забросил любящую Голу!

— Ты ожидаешь того, что в один из дней станешь царем, и это доставит тебе счастье?

— Да. И я счастлив также оттого, что люблю Сундарику, которая вскоре станет моей невестой.

— Бедняга! — воскликнул Учитель. — Как можешь ты быть счастливым, прозябая в темноте? Хотел бы ты увидеть свет? Тогда немедленно беги от счастья; страх есть порождение счастья, страх и страдание. Тот не испытывает страха и страдания, кто больше не знает любви. Если ты ищешь счастья в этом мире, твои усилия останутся втуне, твои удовольствия обернутся болью. Смерть всегда рядом и готова поглотить неудачников со всеми их песнями и смехом. Мир — только пламя и дым; каждая тварь в нем страдает от рождения, старости и смерти. Как только ты начинаешь неприкаянно бродить от одного существования к другому, ты проливаешь слез больше, чем есть воды во всех реках или морях. Ты скорбишь и плачешь, когда что-то препятствует исполнению твоих желаний; и ты плачешь и скорбишь, когда происходит то, чего ты страшился. Смерть матери, смерть отца, смерть брата, смерть сестры, смерть сына, смерть дочери, — о, как часто происходят они в потоке лет! И разве это не причиняет тебе сердечной боли? И долго ли сможешь ты сохранять свою удачу? И каждый раз, когда есть у тебя причина для скорби, ты плачешь, и плачешь, и плачешь. Ты уже пролил слез больше, чем воды в реках и морях!

Поначалу Нанда не уделял много внимания тому, что говорил Будда. Но когда он начал прислушиваться, произносимые слова глубоко взволновали его. Учитель продолжал:

— Взгляни на мир, он подобен пузырьку пены; пойми, что это лишь сон, и всевластная смерть пройдет мимо тебя.

Он замолчал.

— Учитель, Учитель! — вскричал Нанда. — Я стану вашим учеником! Возьмите меня с собой.

Учитель взял Нанду за руку, и они покинули дворец. Однако Нанда быстро впал в тоску, испугавшись собствен-

ной поспешности. Быть может, ему придется горько пожалеть о том, что он сделал? Что бы ни говорили, но как было бы приятно испытать верховную власть. А Сундарика? “Сколь она прекрасна, — думал юноша. — Увижу ли я ее когда-нибудь?”

Он испустил глубокий вздох, но продолжал следовать за Учителем. Он боялся говорить с ним, страшись как его упрёков, так и его презрения.

Когда они повернули за угол, он внезапно увидел юную девушку, идущую навстречу. Она улыбалась. Царевич узнал Сундарика и потупил глаза.

— Куда ты идешь? — спросила она его.

Он не ответил. Тогда она повернулась к Учителю:

— Вы забираете его с собой?

— Да, — ответил господин.

— Но вы скоро вернетесь?

Нанда хотел крикнуть:

— Да, я скоро вернусь, Сундарика!

Но он испугался и, не сказав ни слова, не поднимая глаз, пошел прочь вместе с Учителем.

Тогда Сундарика поняла, что Нанда потерян для нее, и разрыдалась.

16

В один из дней нежная Гопа обратилась к своему сыну Рахуле.

— Как ты прекрасен, дитя мое! — воскликнула она. — Как сияют твои глаза! Отец должен вручить тебе благое наследство, тебе следует пойти и потребовать его.

Мать и сын поднялись на террасу дворца. Внизу по улице проходил Благословенный. Гопа обратилась к Рахуле:

— Сын, видишь ли ты того монаха?

— Да, мама, — ответил ребенок. — Его тело покрыто золотом.

— Он прекрасен, словно небесные Боги! Это свет святости делает его кожу блестящей, словно золото. Полюби его, сын, полюби его всей душой, ибо это — твой отец. Когда-то он владел великими драгоценностями, у него были и золото, и серебро, и сверкающие украшения. Ныне же он идет от дома к дому, прося немного пищи. Но он обладает волшебным сокровищем: он получил высшее знание. Иди к нему, сын, расскажи ему, кто ты такой, и потребуй свое наследство.

Рахула повиновался матери и вскоре уже стоял перед Буддой. Он ощущал непонятное счастье.

— Монах, — сказал он, — как прекрасно стоять здесь, в вашей тени.

Учитель посмотрел на него добрым взглядом. Взволнованный Рахула пошел вместе с ним. Помня слова матери, он сказал:

— Я — ваш сын, Господин. Я знаю, что вы обладаете великим сокровищем. Отец, дайте мне мое наследство.

Учитель улыбнулся и не ответил. Он продолжал просить милостыню. Но Рахула не отставал. Он шел рядом и повторял:

— Отец, дайте мне мое наследство.

Наконец Учитель заговорил:

— Дитя, ты ничего не знаешь об этом сокровище, ты лишь слышал, как восхваляют его люди. Когда ты требуешь своего наследства, то думаешь о материальных вещах смертной природы. Единственные сокровища, которые тебе известны, — это те, что ценит людская суетность; фальшивые богатства, обреченные тлению. Но зачем тебе пребывать в невежестве? Ты справедливо требуешь своего наследства, Рахула. Ты получишь свою долю от принадлежащих мне сокровищ. Ты увидишь семь драгоценностей, ты познаешь семь добродетелей, ты научишься распознавать истинную цену веры и чистоты, умеренности и сдержанности, повиновения и мудрости. Пойдем, я поручу тебя заботам святого Сарипутры; он обучит тебя.

Рахула ушел вместе с отцом, и Гопа возрадовалась. Только один царь Суддходана опечалился: семья покидала его! Он не мог удержаться от того, чтобы поведать свои скорби Учителю.

— Не печалься, — отвечал Благословенный. — Воистину, великие сокровища разделят те, кто вслушается в мои слова и последует за мной! Неси свою скорбь в молчании; будь подобен слону, раненому в битве вражьиими стрелами, — никто не слышит его жалоб. Цари сражаются верхом на слонах, управление которыми совершенно. В мире же достигает величия тот, кто в совершенстве управляет чувствами, кто несет свою скорбь в молчании. Тому, кто воистину смирен, кто укрощает страсти, словно диких лошадей, тому завидуют и небесные Боги. Он не совершает греха. Ни в горах-пещерах, ни в морских впадинах нельзя спастись от последствий грешных деяний; они следуют за человеком, иссушают его, сводят с ума, не давая ни минуты покоя. Но если покидает землю человек, который творил добро, добрые деяния встречают его подобно тому, как добрые друзья встречают путешественника после дальнего похода. Мы достигли совершенного счастья, — те, у кого нет ненависти в мире, наполненном ненавистью. Мы достигли совершенного счастья, — те, у кого нет слабостей в мире, полном слабо-

стей. Мы достигли совершенного счастья, — те, кто не скучает в мире, переполненном скукой. Мы достигли совершенного счастья, — те, кто ничем не владеет. Радость — наша пища; мы подобны лучезарным Богам. Монах, живущий в одиночестве, сохранит покой в душе; он созерцает истину ясным взором, его радует счастье, неизвестное простым смертным.

Утешив царя Суддходану такими словами, Благословенный покинул Капилавасту и вернулся в Раджагриху.

17

Учитель уже был в Раджагрихе, когда богатый купец Анатхапиндика прибыл туда из Кравасти. Он был человеком набожным и узнав, что Будда живет в Бамбуковой роще, поспешил увидеть его.

Утром Анатхапиндика отправился в путь. Когда он вступил в рощу, то божественный голос довел его до места, где восседал Учитель. Его встретили добрыми словами. Купец в свою очередь сделал общине великолепный подарок, и Учитель пообещал ему посетить Кравасти.

Вернувшись домой, Анатхапиндика стал раздумывать, где бы ему принять Благословенного. Собственный сад показался ему недостойным такого гостя. Он решил купить самый красивый парк в городе, принадлежавший царевичу Джета.

— Я продам парк, — согласился Джета, — если ты покроешь его землю золотыми монетами.

Анатхапиндика принял условие. Он отправил в парк несколько колесниц, груженных золотом, и вскоре только маленькая полоска земли оставалась не закрытой монетами.

— Парк — твой, купец; я великодушно отдаю тебе и ту полоску, которая пока не закрыта, — радостно воскликнул Джета.

Анатхапиндика привел парк в порядок. Затем он послал своего самого преданного слугу в Бамбуковую рощу сказать Учителю, что все готово к встрече.

— О Досточтимый, — произнес посланец, — мой хозяин припадает к вашим стопам. Он надеется, что заботы и болезни минуют Вас, и Вы исполните данное ему обещание. Вас ждут в Кравасти, о Досточтимый.

Благословенный не забыл обещание, данное купцу. Он хотел быть верным своему слову и потому ответил посланцу:

— Я приду.

Выждав несколько дней, он взял одежду и чашу для подаяния и в сопровождении многочисленных учеников от-

правился в Кравасти. Посланец шел впереди, чтобы предупредить хозяина об их прибытии.

Анатхапиндика решил выйти навстречу Господину вместе с женой, сыном и дочерью. К ним присоединились самые состоятельные люди города. Увидев Будду, они были ослеплены его сиянием; казалось, он ступал по дороге из жидкого золота.

Они все вместе пришли в парк Джеты, и Анатхапиндика спросил:

— Мой повелитель, что я должен сделать с парком?

— Отдать общине — сейчас и навсегда, — отвечал Учитель.

Анатхапиндика приказал слуге принести золотую чашу с водой. Он полил водой на руки Учителя и произнес:

— Я отдаю этот парк общине, которой правит Будда, — сегодня и навсегда.

— Хорошо! — сказал Учитель. — Я принимаю твой дар. Парк этот станет счастливым убежищем; мы будем жить здесь в мире, находить защиту от жары и холода. Никакие вредные животные не проникнут сюда; даже писк комара не нарушит тишину. Здесь есть защита от дождя, от пронизывающего ветра и обжигающего солнца. Природа парка располагает к мечтам, час за часом мы будем проводить в медитации. Это единственно правильное решение — подарить парк общине. Муж просветленного ума, не отвергающий собственных интересов, должен дать монахам достойное жилище; должен дать им еду и питье; должен дать им одежду. В свою очередь монахи научат его Закону, освобождающему от греха и ведущему к нирване.

Будда с учениками обосновались в парке Джеты.

Анатхапиндика был счастлив. Но однажды он подумал:

— Меня громко хвалят, но в моих действиях нет ничего, достойного восхищения. Я сделал подарки Будде и монахам, и за это мне обещали награду в будущей жизни. Но моя добродетель принесет пользу лишь мне одному! Я должен поделиться своей радостью с другими. Я пойду по городским улицам и у всех встречных буду собирать пожертвования для Будды и его учеников. Тогда многие смогут принять участие в добром деле.

Он пошел к Прасенаджиту, мудрому и справедливому царю Кравасти, и рассказал о своем решении. Тот согласился и послал глашатая объявить на улицах города такой указ:

— Слушайте хорошенько, жители Кравасти! Через семь дней, начиная с этого дня, купец Анатхапиндика будет ездить по улицам города верхом на слоне. Он будет просить всех о милостыне, которую передаст потом Будде и его

ученикам. Пусть каждый из вас отдаст ему столько, сколько сможет.

В назначенный день Анатхапиндика взобрался на своего лучшего слона и поехал вдоль улиц, спрашивая у каждого приношение для Учителя и его общины. Вокруг него собралась толпа. Кто-то отдавал золото, кто-то серебро; одна женщина сняла ожерелье, другая — браслет с руки, третья — ножной браслет. Принимались даже самые скромные дары.

А в это время жила в городе очень бедная девушка. Три месяца она собирала деньги, чтобы купить отрез грубой ткани на платье. Когда она увидела Анатхапиндику, окруженного толпой, то сказала:

— Оказывается, и купец Анатхапиндика просит милостыню.

— Да, он просит милостыню, — подтвердил человек, стоявший рядом.

— Но ведь о нем говорят как о самом богатом из жителей Кравасты. Почему же он побирается?

— А разве ты не слышала царский указ, который прокричали на улицах семь дней назад?

— Нет.

— Анатхапиндика просит подаяние не для себя. Он желает, чтобы каждый принял участие в добром деле, и поэтому собирает приношения для Будды и его учеников. Все, кто внесет вклад, будут прославлены в будущем мире.

Тогда девушка сказала себе:

— Я до сих пор не сделала ничего, достойного славы. Было бы замечательно сделать приношение Будде. Но я бедна, и мне нечего отдать.

Не говоря ни слова, она пошла прочь. Тут ее взгляд упал на новый наряд.

— Я могу пожертвовать только это платье. Но как я пойду по улицам нагой?

Она вернулась домой и сняла одежду. Сев около окна, она наблюдала за Анатхапиндикой, и когда тот проходил мимо, выбросила ему платье. Купец поднял платье и показал своим слугам.

— Той женщине, которая сбросила мне этот наряд, — сказал он, — очевидно, больше нечего пожертвовать. Очевидно, она осталась голой, если не вышла из дома, а избрала столь странный способ приношения. Идите и разыщите ее; я должен знать, кто она.

Слуги не сразу нашли девушку. В конце концов они увидели ее и поняли, насколько оправданными были предположения их хозяина: платье, выброшенное в окно, составляло все достояние бедняжки. Анатхапиндику глубоко тронул

ее поступок. Он приказал слугам принести много дорогих и красивых нарядов и подарил их благочестивой девушке, пожертвовавшей свое простое платье.

На следующий день она умерла и возродилась Богиней на небе у Индры. Но она никогда не забывала, как заслужила такую награду. Однажды ночью она спустилась на землю и пришла к Будде, который наставил ее в святом Законе.

18

Учитель еще некоторое время оставался в Краvasti, а затем вернулся в Раджагриху, где его ожидал царь Вимбасара. На полпути он остановился отдохнуть в одной деревне. Там он заметил семь человек, идущих навстречу, и узнал их. Шестеро были его родственниками и относились к самым зажиточным и могущественным из сакьев. Их звали Ануруддха, Бхадрика, Бхригу, Кимбала, Девадатта и Ананда. Седьмым был брадобрей по имени Упали.

Однажды Ануруддха осознал, какой позор для всего рода в том, что ни один из сакьев не решился последовать за Буддой. Он решил подать хороший пример, и поскольку не видел причин для скрытности, то поведал об этом своему лучшему другу Бхадрике. Бхадрика поддержал его решение и после некоторого размышления решил поступить так же. Постепенно к ним присоединились Ананда, Бхригу, Кимбала и Девадатта, которым друзья сумели доказать, что нет призвания выше, чем призвание монаха.

Шесть князей решили отправиться на поиски Будды. Но едва они покинули Капилавасту, как Ананда, взглянув на Бхадрику, воскликнул:

— Как же так, Бхадрика! Ты собираешься вести святую жизнь, но сохраняешь все свои украшения?

Бхадрика вспыхнул; но затем заметил, что Ананда также носит украшения, и со смехом ответил:

— Взгляни на себя, Ананда!

Теперь настала очередь Ананды залиться краской.

Так они оглядели друг друга и обнаружили, что все до сих пор носят драгоценности. Это открытие заставило их устыдиться. Опустив глаза долу, они в молчании шли по дороге, куда не встретили брадобрея Упали.

— Цирюльник, — сказал Ананда, — заberi мои украшения; я отдаю их тебе.

— Возьми и мои, — присоединился Бхадрика.

Остальные также протянули свои украшения Упали. Тот не знал, что ответить. Почему эти князья, которых он

никогда не видел прежде, делают ему такие подарки? Должен ли он принять их? Или отвергнуть?

Ануруддха понял колебания брадобрея. Он сказал:

— Не бойся принять эти драгоценности. Мы идем, чтобы присоединиться к великому отшельнику, рожденному среди сакьев; мы держим путь, чтобы присоединиться к Сиддхартхе, который стал Буддой. Он даст нам наставления, и мы подчинимся его власти.

— Князя, — спросил брадобрей, — так вы собираетесь стать монахами?

— Да, — последовал ответ.

Тогда он взял украшения и отправился в город. Но внезапно он подумал:

— Я веду себя как дурак. Кто поверит, что князя сами доверили мне свои богатства? Меня примут за вора, а может быть, и за убийцу. Самое малое, что может со мной случиться, — это глубокое недовольство со стороны всех сакьев. Мне не следует хранить у себя драгоценности.

Брадобрей повесил украшения на дерево возле дороги и продолжал размышлять:

— Эти князя подают хороший пример. Если у них хватило смелости покинуть свои дворцы, то что же я, не обладающий ничем, не могу решиться покинуть свою цирюльню? Нет, я должен последовать за ними. Я тоже увижу Будду, и, возможно, он примет меня в общину!

Он пошел вслед за князьями, но на некотором расстоянии, поскольку не решался присоединиться к ним. Внезапно Бхадрика обернулся. Он заметил Упали и подозвал его.

— Цирюльник, почему ты выбросил прочь наши драгоценности? — задал он вопрос.

— Я тоже хочу стать монахом, — ответил брадобрей.

— Тогда идем, — пригласил Бхадрика.

Но Упали продолжал плестись сзади. И Ануруддха сказал:

— Пойдем вместе, цирюльник. Между монахами нет различий, кроме как по возрасту и добродетели. Когда мы предстанем перед Буддой, ты должен первым обратиться к нему и первым просить, чтобы тебя приняли в общину. Уступая тебе, князья покажут, что они смирили гордость сакьев.

Они продолжили путь. Внезапно ястреб камнем упал с небес прямо на голову Девадатты, и унес бриллиант, спрятанный в волосах. Это обнаружило суетность их товарища, и князья улыбнулись. Теперь у Девадатты также не осталось ни единой драгоценности, однако друзья затаили в сердцах сомнение в искренности его веры.

Учитель был счастлив принять родственников в число учеников, и он взял их с собой в Бамбуковую рощу.

Там продолжал страдать бедный Нанда, который все время думал о Сундарике. Девушка часто являлась ему в мечтах, и он сожалел о разлуке с нею. Будда знал об этих терзаниях и решил излечить его.

Однажды он взял брата за руку и подвел к дереву, на котором сидела отвратительная обезьяна.

— Взгляни на эту обезьяну, — сказал он, — разве она не прекрасна?

— Я редко видел что-нибудь столь же уродливое, — ответил Нанда.

— Разве? — удивился Учитель. — Но ведь она так похожа на Сундарiku, твою бывшую невесту.

— О чем Вы говорите! — воскликнул Нанда. — Неужели Вы считаете, что эта обезьяна похожа на мою Сундарiku, которая — сама грация, сама красота?

— Но чем же отличается Сундарика? Не являются ли они обе самками, не возбуждают ли обе желание самцов? Я считаю, что ты хотел бы покинуть путь святости и бежать в объятия Сундарики, подобно любому самцу обезьяны в этом лесу, который всегда готов вскинуться в горячке любви, привлеченный отвратительным запахом этой самки. Обе они станут старыми и дряхлыми, — и тогда ты, как и самец обезьяны, будешь удивляться, что же могло вызвать твое безрассудство. Они обе умрут, и тогда ты, как и самец обезьяны, возможно поймешь всю тщетность страсти. Поэтому Сундарика ничем не отличается от этой самки.

Но Нанда не слушал, а только вздыхал. Ему грезилась очаровательная, грациозная Сундарика, идущая по светлomu от цветов саду.

Тогда Благословенный сказал повелительно:

— Возьмись прочнее за край моей рясы!

Нанда повиновался. Он почувствовал, как земля начала двигаться под ним, а затем сильный ветер забросил его на небо. Когда он встал на ноги, то увидел вокруг себя волшебный парк. Он шел по дороге, сделанной из золота, а цветы являли собой, живые драгоценности, изукрашенные рубинами и сапфирами.

— Ты на небе у Индры, — раздался голос Благословенного. — Раскрой свои слепые глаза.

Нанда увидел дом из сверкающего серебра, окруженный изумрудным полем. Апсара, намного прекрасней Сундарики, стояла у дверей и улыбалась. Обезумев от желания, Нанда бросился к ней, но она остановила его.

— Будь чистым на земле, — обратилась она к юноше, — храни свои обеты, Нанда. Тогда после смерти ты возродишься здесь и, возможно, придешь в мои объятия.

Апсара исчезла. Нанда и Учитель вернулись на землю.

Нанда забыл Сундарiku. Он был захвачен прекрасным зрелищем, виденным в небесных садах, и из любви к Апсаре вновь решил вести чистую жизнь.

Но монахи продолжали глядеть на него с недоверием. Они не разговаривали с ним; часто, заметив его в Бамбуковой роще, они оскорбительно улыбались. Нанда чувствовал себя несчастным. Он думал:

— Похоже, они считают меня носителем злой воли. Но почему?

Однажды он остановил проходившего мимо Ананду и спросил его:

— Почему монахи избегают меня? Почему ты больше не разговариваешь со мной, Ананда? Раньше, в Капилавасту, мы были не только родственниками, но и друзьями. Чем же я смог обидеть тебя?

— Бедняга! — отвечал Ананда. — Нам, кто погружается мыслью в святые истины, сам Учитель запретил говорить с тобой, поскольку ты погружаешься мыслью в чары небесной Апсары.

И он удалился.

Нанда очень встревожился. Он бросился к Учителю, припал к его стопам и заплакал. Господин обратился к нему:

— Твои мысли порочны, Нанда; ты — раб своих желаний. Сначала Сундарика, затем Апсара вскружили твою голову. И ты хотел бы возродиться? Возродиться среди Богов? Какая глупость, какое тщеславие! Будь усерден в обретении мудрости, Нанда; отдай свое внимание учению и убей свои разрушительные страсти.

Нанда воспринял слова Будды. Он стал наиболее преданным учеником и постепенно очистил свой разум. Сундарика больше не являлась ему в мечтах, а когда он думал об Апсаре, то смеялся над своим стремлением стать Богом ради ее объятий. Однажды, когда он заметил гнусную обезьяну, следившую за ним с вершины дерева, то закричал торжествующим голосом:

— Приветствую тебя, с которой даже Сундарика не сравнится в грации; приветствую тебя, которая намного прекрасней самой распрекраснейшей из Апсар!

Он возгордился тем, что победил свои страсти.

— Я — настоящий святой, — сказал он себе, — и в добродетели не уступаю даже своему брату.

Он сделал для себя такую же ясу, как у Учителя. Некоторые монахи, увидев его вдалеке, говорили:

— Сюда идет Учитель. Давайте встанем и поклонимся ему.

Но когда Нанда приближался, они замечали свою ошибку. Это сбивало их с толку и, усаживаясь обратно, они ворчали:

— Он находится в общине меньше нас; почему же мы должны вставать в его присутствии?

Нанда был польщен тем, что монахи вставали при его приближении, хотя его и смущало, что они тотчас садились обратно. Однако он боялся жаловаться, предчувствуя встречные обвинения. Но это не служило для него уроком. Он продолжал разгуливать по Бамбуковой роще в такой же рясе, что и Будда. Издалека его продолжали принимать за Учителя, и монахи вставали со своих мест; но когда он приближался, они громко смеялись и садились снова.

В конце концов один монах рассказал обо всем Будде, который очень расстроился. Перед всеми монахами он спросил:

— Нанда, ты действительно носишь рясу того же размера, что и моя?

— Да, Благословенный, — отвечал Нанда, — я ношу рясу того же размера, что и ваша.

— Что! — воскликнул Учитель. — Ученик осмеливается сделать рясу того же размера, что и ряса Будды! Что ты хочешь сказать такой дерзостью? Такие поступки равно не помогают ни возбуждению веры у неверующих, ни укреплению веры у верующих. Ты должен укоротить свою рясу, Нанда. И впредь, если кто-нибудь из монахов сделает для себя рясу того же или большего размера, чем у Будды, то будет обвинен в тяжелом преступлении и сурово наказан.

Нанда увидел ошибочность своего пути. Он понял, что для достижения истинной святости надо обуздать гордыню.

20

Около города Ваисали был замечательный лес, который подарили Учителю. Там он и жил, пока не получил известие, что его отец, царь Суддходана, заболел. Царь был уже стар, а болезнь оказалась серьезной; боялись, что он умрет. Учитель решил навестить его и полетел по воздуху в Капилавасту.

Царь неподвижно лежал на своем ложе, лоя ртом воздух. Смерть была очень близко. Однако при виде сына он улыбнулся. И сказал Учитель такие слова:

— Долгую дорогу прошел ты, о царь, и всегда ты стремился делать добро. Ты не знал порочных желаний; в твоём

сердце не было ненависти; гнев никогда не ослеплял твой разум. Счастлив тот, кому дано делать добро! Счастлив тот, кто глядится в прозрачные воды и видит в них свое чистое лицо; но намного счастливее тот, кто изучает свой разум и, таким образом, познает чистоту! Твой разум чист, о царь, и твоя смерть столь же спокойна, как конец прекрасного дня.

— Благословенный, — произнес царь, — я понял теперь непостоянство миров; я свободен от всех желаний; я свободен от цепей жизни.

Еще раз он воздал почести Будде; затем повернулся к слугам, собравшимся в зале.

— Друзья, — сказал он, — я, должно быть, нередко плохо обходился с вами, однако никто из вас не затаил злобу на меня. Вы были добры и делали добро. Но перед смертью я должен просить у вас прощения. Зло, что я причинял вам, не было преднамеренным; простите меня, друзья.

Слуги плакали. Они ответили, всхлипывая:

— Нет, вы никогда не обращались с нами дурно, господин.

Суддходана продолжал:

— И ты, Махапраджапати, которая была моим верным другом и которую я вижу в слезах, — успокой свою печаль. Моя смерть — счастливая смерть. Подумай о славе возвращенного тобой ребенка; взгляни на него во всем его великолепии и возрадуйся.

Он умер на заходе солнца.

Учитель произнес:

— Позаботьтесь о теле моего отца. Он уже не тот, кем был. Никому не удавалось победить смерть. Рожденный должен умереть. Покажите свое стремление к добрым делам; идите по пути, ведущему к мудрости. Сотворите светоч мудрости, и тьма рассеется сама собой. Не следуйте порочным законам, не возвращайте ядовитые корни; не прибавляйте зла к уже существующему в мире. Подобно тому колесничему, который покидает хорошую дорогу ради проселка, а потом плачет при виде сломанной оси, так и глупец, сбившийся с пути закона, плачет, попав в челюсти смерти. Мудрый человек подобен факелу, освещающему путь для невежественных; он ведет за собой человечество, поскольку у него есть глаза, тогда как другие слепы.

Тело отнесли на большой погребальный костер. Учитель возжег его. И когда пламя коснулось тела его отца, он вновь обратился к плачущим и причитающим жителям Капилавасту, повторив такие священные истины:

— Рождение есть страдание, старость есть страдание, немощь есть страдание, смерть есть страдание. О эта жажда, что ведет от рождения к рождению! Жажда власти, жажда

удовольствий, жажда бытия — именно они являются источником всех страданий. О, порочная жажда, только святой не знает тебя, — тот, кто истребил свои желания, кто знает благородный восьмивратный путь спасения.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Махапраджапати много размышляла. Она узнала суетность этого мира и хотела покинуть дворец, покинуть Капилавасту, чтобы вести святую жизнь.

— Сколь счастлив Учитель! Сколь счастливы его ученики, — думала она. — Почему же я не могу поступать так же, как они? Почему я не могу жить, как они? Но они отвергают женщин. Нас не допускают в общину, и потому я должна оставаться в этом скорбном городе, пустынном для меня; потому я должна оставаться в этом скорбном дворце, где ничто не привлекает мой взгляд.

Печаль ее была велика. Она оставила все дорогие наряды, подарила драгоценности служанкам и умалялась перед всеми существами.

Однажды она сказала себе:

— Учитель добр, он пожалеет меня. Я пойду к нему и, быть может, он захочет взять меня в общину.

Учитель находился в роще около Капилавасту. Махапраджапати пришла к нему и сказала робким голосом:

— Учитель! Только Вы и Ваши ученики можете быть по-настоящему счастливы. Подобно Вам и тем, кто сопровождает Вас, я хочу идти по пути спасения. Быть может, Вы проявите ко мне милость и позволите вступить в общину, о Благословенный?

Учитель молчал. Она продолжала:

— Как могу я быть счастлива в мире, который ни во что не ставлю, радости которого для меня словно мишура. Я желаю идти по пути спасения. Быть может, Вы проявите ко мне милость и позволите вступить в общину, о Благословенный? И я знаю многих женщин, которые желают последовать за мной. Быть может, Вы проявите милость к нам и позволите вступить в общину, о Благословенный?

Учитель сохранял молчание. Она продолжила дальше:

— Мой дворец уныл и безотраден. Город окутан тьмой. Пестровышитые вуали тяжело нависают над моими бровями; диадемы, браслеты и ожерелья ранят меня. Я должна идти

по пути спасения. Много честных женщин, много женщин, наделенных великой жалостью, готовы следовать за мной. Быть может, Вы проявите милость к женщинам и разрешите нам вступить в общину, о Благословенный?

В третий раз Учитель промолчал.

С глазами, полными слез, Махапраджапати вернулась в свой унылый дворец.

Но она не желала признать поражение и решила снова искать Учителя с мольбой о милости.

В то время он был уже в большой роще около Ваисали. Махапраджапати обрезала свои волосы, надела красноцветную рясу из грубой ткани и отправилась в Ваисали.

Она прошла весь путь пешком и не разу не пожаловалась на усталость. Покрытая пылью, она наконец дошла до того зала, где Будда занимался медитацией. Но она не решилась войти и стояла за дверью с глазами, полными слез. Мимо проходил Ананда, который заметил ее и спросил:

— О царица, почему вы здесь и в такой одежде? Почему вы стоите перед дверью, ведущей к Учителю?

— Я не решаюсь предстать перед ним. Уже трижды он отверг мою мольбу. Но я вновь пришла с той же просьбой, трижды отвергнутой Учителем: чтобы милость была проявлена ко мне, чтобы милость была проявлена ко всем женщинам, и мы смогли бы вступить в общину.

— Я буду ходатайствовать за вас, о царица, — сказал Ананда.

Он вошел в зал, увидел Господина и обратился к нему:

— Благословенный, почитаемая нами царица Махапраджапати стоит перед Вашей дверью. Она не решается появиться перед Вами, поскольку боится, что Вы вновь останетесь глухи к ее мольбе. Но это не просьба глупой женщины, Благословенный. Разве так много значит для Вас проявить к ней милость? Когда-то царица была Вам матерью; она всегда была добра к Вам; несомненно, она заслуживает того, чтобы ее выслушать. Почему бы Вам не принять женщин в общину? Ведь есть немало женщин великой жалости, исполненных священной отвагой следовать праведным путем.

— Ананда, — ответил Учитель, — не проси, чтобы я разрешил женщинам вступать в общину.

Ананда удалился. Царица ждала его.

— Что сказал Учитель? — спросила она с волнением.

— Он отверг Вашу просьбу. Но не теряйте надежды.

На следующий день Ананда вновь пришел к Благословенному.

— Махапраджапати не ушла из рощи, — сказал он. — Она размышляла о счастливых днях своей юности. Тогда еще жива была Майя — самая прекрасная из женщин;

Майя, у которой должен был родиться сын. Ее сестра была благородная женщина, не знавшая зависти; она уже любила этого ребенка до того, как он родился. И вот, когда он появился на свет и принес радость всем созданиям, царица Майя умерла. Махапраджапати была добра к осиротевшему мальчику, ведь он казался таким слабым. Она защищала его от несчастий; она приставила к нему преданных нянек и тем самым оградила от влияния порочных слуг; она отдала ему всю свою заботу и нежность. Он вырос, но она не покидала его. Она предвосхищала любые его желания; она молилась на него. И он достиг самого счастливого удела. Ныне он подобен гигантскому дереву, укрывающему собой мудрых. Но когда она захотела обрести свое скромное место в его тени, ей было отказано в покое и отдыхе, к которым она стремится. О Учитель, не будьте столь несправедливы; допустите Махапраджапати в общину.

Учитель надолго задумался, после чего торжественно произнес такие слова:

— Слушай, Ананда. Иди к Махапраджапати и скажи ей, что я согласен принять ее в общину, но для этого она должна будет подчиниться очень строгим правилам. Вот что стану я требовать от женщин в общине: монашка, даже если она служит сто лет, должна вставать в присутствии монаха и выказывать ему знаки глубокого уважения, даже если бы он послушничал всего один день; монахини должны приходить к монахам для открытой исповеди в своих проступках и для наставлений в священном слове; монахини, уличенные в тяжелом преступлении, подлежат обязательному и соразмерному наказанию в течение пятнадцати дней перед всей общиной монахов и монашек; прежде чем допустить монашку в общину, следует проверить ее постоянство и добродетель в течение двух лет; монашкам не будет дозволяться сопровождать монахов, но монахам дозволяется сопровождать монашек. Вот тот устав, который будет принят для всех монахинь в дополнение к тому, что уже исполняют монахи.

Махапраджапати радостно обещала следовать этим правилам. Она вступила в общину, и в течение нескольких месяцев многие женщины последовали ее примеру.

Но однажды Учитель сказал Ананде:

— Если бы женщины не были допущены в общину, Ананда, то непорочность сохранялась бы долгое время, и истинная вера прожила бы тысячу лет, сохраняя энергию и чистоту. Но ныне женщины допущены в общину, Ананда, поэтому непорочность в опасности, а истинная вера, при всей ее энергии, проживет только пятьсот лет.

Из Ваисали Учитель отправился в Краvasti, где остановился в парке Джеты. В один из дней его навестил царь Прасенаджит.

— Мой Господин, — сказал царь, — шесть отшельников пришли недавно в Краvasti. Они не верят в Ваш Закон и настаивают на том, что Ваше знание не может сравняться с их знанием. Они пытались удивить меня, представляя многочисленные чудеса. Я понимаю, что все их заявления ложны, но было бы хорошо, мой Господин, если бы Вы сами разоблачили их дерзость. Спасение мира зависит от Вашей славы. Поэтому появитесь перед этими болтунами и самозванцами и заставьте их замолчать.

— Царь, — отвечал Будда, — прикажи за семь дней построить около города большой зал. Я приду туда. Сделай так, чтобы шестеро злых монахов тоже были там. И тогда ты увидишь, кто из нас творит самые великие чудеса.

Прасенаджит отдал приказ выстроить зал.

В ожидании дня состязания лживые отшельники пытались ввести в заблуждение преданных последователей Учителя. Те же, кто отказывался слушать их злые слова, вызывали у них чувство острейшей вражды. В городе Краvasti у Учителя не было более преданного друга, чем царевич Кала, брат Прасенаджита. Он выказал отшельникам свое крайнее презрение, и те решили отомстить.

Кала был очень красивым мужчиной. Однажды, когда он прогуливался по царским садам, ему повстречалась одна из жен Прасенаджита, которая игриво бросила ему гирлянду цветов. Отшельники прослышали об этом случае и рассказали царю, что его брат пытался соблазнить его жену. Царь впал в великую ярость, и не дав Кале возможности оправдаться, приказал отрубить ему руки и ноги.

Бедный Кала жестоко страдал. Друзья, рыдая, собрались вокруг его ложа. Мимо случилось проходить одному из злых монахов.

— Подойди и прояви свою силу, — обратились к нему друзья. — Ты знаешь, что Кала невиновен. Сделай же его снова здоровым!

— Он верит в сына сакьев, — ответил отшельник. — В интересах сына сакьев вернуть ему здоровье.

Тогда Кала запел:

— Как может Учитель всех миров не видеть моего несчастья? Давайте помолимся Господину, который больше не знает желаний; давайте восхвалим Благословенного, который проявляет жалость ко всем созданиям!

Внезапно перед ним появился Ананда.

— Кала, — сказал он, — Господин научил меня словам, которые излечат твои раны.

Он произнес несколько стихов, и у царевича немедленно восстановились утраченные члены.

— С этих пор, — воскликнул Кала, — я буду служить Учителю! Сколь ничтожными ни казались бы задачи, которые он поставит предо мной, я выполню их с радостью, чтобы только доставить ему удовольствие.

И он последовал за Анандой в парк Джеты. Учитель милостиво встретил его и принял в общину.

Наступил день, когда Учитель должен был соревноваться с отшельниками. Рано утром царь Прасенаджит прибыл в зал, который он выстроил для этого случая. Шестеро отшельников уже ждали. Они обменялись взглядами и улыбнулись.

— Царь, — сказал один из них, — мы первыми пришли на место встречи.

— Ты полагаешь, что тот, кого мы ожидаем, действительно придет? — спросил другой.

— Отшельники, — ответил царь, — не глумитесь зря. Вы знаете, как он послал одного из своих учеников вылечить моего брата, которого я несправедливо наказал. Он придет. Он, может быть, уже здесь, среди нас, только мы не знаем об этом.

Как только царь закончил говорить, светящееся облако наполнило зал. Оно становилось все светлее и светлее, пока наконец не растворилось в дневном свете, и из него возник Будда в лучах золотого сияния. За ним стояли Ананда и Кала. Ананда держал в руке красный цветок, а Кала — желтый. Цветы эти никогда не росли в садах Кравасты. Прасенаджит выказал свое полное восхищение. Злые монахи прекратили насмешки.

Заговорил Благословенный:

— Свет светляка виден всем, пока скрыто солнце. Но стоит появиться ярко пылающей звезде, и бедный червяк немедленно гасит свой слабый свет. Самозванцы были громогласны, пока молчал Будда; но ныне Будда говорит — и они молчат и плачут от страха.

Отшельники встревожились. Они увидели, что царь смотрит на них глазами, полными презрения, и от стыда опустили головы.

Внезапно крыша зала исчезла, и по небесному своду, простершемуся с востока на запад, Учитель проложил путь, которым он собрался пойти. При виде такого чуда самый дерзкий из соперников бежал, охваченный ужасом. Отшельнику казалось, что его преследует стая воющих собак, и он мчался без остановки, пока не оказался на берегу пруда.

Там он привязал камень на шею и бросился в воду. На следующий день рыбак нашел его тело.

Благословенный же готовился к тому, чтобы отправиться по небесному пути. Он создал существо по своему облику и подобию, которому предстояло стать его спутником. И вот какие слова говорил его мощный голос, доносившийся до земли:

— О, мои ученики, я собираюсь подняться в обитель Богов и Богинь. Моя мать, Майя, призвала меня, чтобы я наставил ее в Законе. Я останусь с ней три месяца. Но каждый день я буду спускаться на землю, и только один Сарипутра будет знать, где найти меня; он будет править общиной по моим предписаниям. Когда я буду покидать небо, то с моей матерью, наставляя ее, будет оставаться это существо, которое я создал по облику своему и подобию.

3

По прошествии трех месяцев Учитель спустился на землю и направился в Кравасты. Подходя к парку Джеты, он встретил молодую девушку. Она была служанка одного богатого горожанина, которому случилось в тот день работать в поле, и она несла ему чашку риса на обед. При виде Будды она почувствовала себя необычайно счастливой.

— Это — Учитель, это — Благословенный, — подумала она. — Мои глаза смотрят на него; мои руки могли бы почти коснуться его. Он так близко. Какая святая радость вручить ему подаяние! Но у меня нет ничего своего.

Она вздохнула. Вдруг ее взгляд упал на чашку с рисом.

— Этот рис... Обед моего хозяина... Но... Нельзя сделать рабом того, кто уже находится в рабстве. Хозяин может побить меня, но что с того! Он может заковать меня в цепи, но я буду носить их с легкостью. Я отдам рис Благословенному.

Она преподнесла чашку Будде. Тот принял даяние и продолжил свой путь в парк Джеты. С глазами, сияющими от счастья, юная девушка отправилась навстречу хозяину.

— Где мой рис? — спросил он, как только увидел ее.

— Я отдала его Будде как подаяние. Если хочешь, накажи меня, я не буду плакать; я слишком счастлива тем, что сделала.

В ответ хозяин поклонился ей и сказал:

— Нет, я не стану наказывать тебя. Я все еще сплю, а твои глаза раскрыты. Ступай! Ты больше не раба.

Юная девушка страшно обрадовалась.

— Тогда я пойду в парк Джеты, — воскликнула она, — и буду просить Благословенного наставить меня в Законе.

— Иди, — ответил хозяин.

И она пошла в парк Джеты, села у ног Будды и скоро стала одной из самых святых женщин в общине.

Одновременно с юной рабыней за наставлениями к Благословенному пришла Супрабха, дочь одного влиятельного жителя Кравасти. Супрабха отличалась редкой красотой. Увидеть ее означало влюбиться в нее, и за ней ухаживали все достойные молодые люди города. Это создавало немалую заботу для ее отца.

— Кому бы ни отдал я ее в жены, — часто повторял он сам себе, — те, кому я откажу, станут моими злейшими врагами.

В таких мыслях он проводил многие часы.

Однажды Супрабха обратилась к нему:

— Дорогой отец, вы, кажется, чем-то обеспокоены? В чем причина?

— Дочь, — ответил он, — ты одна — причина моего беспокойства. Слишком много в Кравасти таких, кто хочет жениться на тебе!

— Вы напуганы тем, что придется делать выбор среди моих поклонников? — сказала она. — Бедняги! Если бы они только знали мои мысли! Не тревожьтесь, отец. Попросите их собраться, и согласно древнему обычаю я пройду между ними и сама выберу мужа из их числа.

— Я сделаю так, как ты желаешь, дочь.

Отец Супрабхи пошел к царю и получил его разрешение на то, чтобы глашатай объявил по всему городу:

— Через семь дней, считая с этого дня, будет устроена встреча для всех молодых людей, кто хотел бы жениться на Супрабхе. Юная девушка сама выберет мужа из их числа.

На седьмой день множество поклонников собралось в великолепном саду, принадлежащем отцу Супрабхи. В сад въехала колесница, на которой стояла сама девушка. В руке она держала желтое знамя с запечатленным на нем обликом Благословенного. Она пела гимны в его честь. Все глядели на нее с удивлением и недоумевали:

— Что же она скажет нам?

Она обратилась к молодым людям с такими словами:

— Я не смогу полюбить никого из вас, но не думайте, что я пренебрегаю вами. Любовь не есть цель моей жизни; я хочу быть в убежище Будды. Я пойду в парк, где он живет, и он наставит меня в Законе.

Опечаленные молодые люди покинули сад, а девушка отправилась в парк Джеты. Она слушала, как говорит Бла-

гословенный, была допущена в общину и стала наиболее преданной монашкой.

Однажды, когда она выходила из священных садов, ее узнал бывший поклонник, который случайно оказался рядом вместе с несколькими друзьями.

— Мы должны увести эту женщину, — сказал он. — Я любил ее когда-то, я и сейчас люблю ее. Она должна стать моей.

Его друзья согласились помочь. Прежде чем Супрабха встревожилась, они окружили ее и бросились на девушку. Но когда они почти схватили ее, она устремила мысли к Будде — и тут же воспарила к небесам. Супрабха на минуту повисла в воздухе над собравшейся толпой, а затем грациозно и величественно, словно лебедь, полетела к своему блаженному убежищу.

Вслед ей несли крики:

— О святая, ты доказала нам силу веры; о святая, ты доказала нам силу Будды. Было бы несправедливо обречь тебя на земную любовь, о святая!

4

У царя Прасенаджита была дочь по имени Вирупа, которая достигла брачного возраста. К несчастью, она была очень некрасива. Ни один князь или воин не хотел взять ее в жены, и даже купцы смотрели косо.

Но тут случилось прибыть в Кравасти богатому чужеземцу по имени Ганга. Царь подумал:

— Ганга никогда не видел моей дочери. Быть может, он не откажется жениться на ней.

И он пригласил Гангу во дворец.

Тот был польщен предложением Прасенаджита. Он был незнатного происхождения и хотя накопил большое состояние, никогда и мечтать не смел о женитьбе на царевне. Поэтому он радостно согласился.

— Тогда приходи этим вечером во дворец, — сказал царь, — чтобы забрать мою дочь в свой дом.

Ганга повиновался. Ночь была темной, а брачная церемония прошла так, что Ганга не обнаружил обмана. Затем Вирупа отправилась в дом мужа.

Лишь на следующий день Ганга увидел свою жену. Он испугался ее безобразия и хотел отправить ее обратно, но не решился, поскольку боялся мести царя. Он держал ее дома взаперти, словно узницу, и не разрешал выходить ни под каким предлогом.

Она была очень несчастна. Напрасно она постоянно доказывала мужу свою привязанность — он платил ей отвра-

щением и презрением и едва разговаривал с ней. Вирупа чувствовала себя одинокой и покинутой.

Однажды Гангу пригласил на пир один из его друзей.

— Тот, кто придет без жены, — предупредили его, — будет оштрафован на пятьсот слитков золота.

Ганга решил пойти на пир, чтобы скрасить однообразие своего существования. Но он не хотел показывать Вирупу друзьям, потому что боялся стать посмешищем.

— Я заплачу пятьсот слитков золота, — подумал он, — зато никто не будет смеяться надо мной.

В этот день Вирупа была печальней обычного. Она знала, куда ушел ее муж. Со слезами на глазах она сказала себе:

— Что хорошего в такой унылой жизни, как моя? Я никогда не знала никаких удовольствий. Мой господин испытывает ко мне отвращение. И как винить его — ведь я уродлива, это каждый скажет. Я никому не принесла радости. О, я противна себе самой! Смерть лучше такой жизни; смерть будет слаще. Я убью себя.

Она взяла веревку и повесилась.

В этот самый момент Учитель бродил по парку Джеты, размышляя:

— Кто сегодня страдает в Кравастии? Кого я могу спасти от отчаяния? Какому несчастному существу могу протянуть руку помощи?

Благодаря своей божественной силе он узнал о несчастьях Вирупы. Он полетел к дому Ганги и вошел внутрь. Вирупа была еще жива. Учитель распустил веревку, которую она затянула вокруг шеи. Женщина глубоко вздохнула и огляделась вокруг. Она узнала Учителя, припала к его стопам и произнесла молитвы. Затем он сказал:

— Посмотрись в зеркало, Вирупа.

Она повиновалась. Вид собственного отражения исторг у нее крик радости и восхищения, ибо стала она прекрасна, как дочь Богов. Вновь хотела она воздать хвалы Будде, но он исчез.

В это время на пиру друзья Ганги потешались над ним.

— Почему ты пришел без жены? — спрашивали они. — Ты боишься, что мы увидим ее? Она, должно быть, очень красива. Ты — ревнивый муж!

Ганга не знал, что ответить. Пир сразу наскучил ему. Один из друзей протянул ему чашу с вином, в которое был добавлен порошок.

— Выпей, Ганга, — сказал он. — Мы смеемся, а ты вот-вот расплачешься. Давай, смейся вместе с нами. Пей, вино научит тебя смеяться.

Ганга взял чашу и выпил. Он оживился. Выпил снова и сразу стал пьян. Однако продолжал пить, пока не свалился в тяжелом забытии.

— Давайте, пока он спит, поспешим к нему домой, — сказали приятели. — Мы увидим его жену и узнаем, почему он прячет ее от всех.

Они вошли в дом Ганги. Вирупа сидела с зеркалом в руках и все смотрела на свое отражение. Ее глаза светились от счастья. В восхищении от ее красоты гости тихо отправились обратно, переговариваясь по пути:

— Мы теперь понимаем ревность Ганги.

А Ганга все еще спал. Они разбудили его и сказали:

— Велико твое счастье, друг. Что ты совершил такого, любезного Богам, чтобы заслужить жену столь редкой красоты?

— Это уже слишком! — вскричал Ганга. — Я не сделал вам ничего дурного, почему же вы оскорбляете меня так жестоко?

И он выбежал прочь. Он кипел от ярости и обиды. Рывком открыв дверь своего дома, Ганга почти бежал через залы, бормоча проклятия. Внезапно злые слова застыли у него на губах. Он даже побледнел от изумления. Прямо перед ним стояла женщина несравненной красоты и улыбалась. Постепенно разум снова вернулся к нему. Он тоже улыбнулся и спросил:

— О ты, кто появилась предо мной словно сияющая Богиня, только что восставшая со своего ложа из цветов! О благословенная, кто дал тебе такую красоту?

Вирупа рассказала ему свою историю. С того дня они с мужем узнали настоящее счастье и искали любую возможность проявить свою веру в Закон и свое глубокое уважение к Учителю.

5

Весь народ теперь презирал злых монахов, козни которых разоблачил Будда. И те с каждым днем все сильнее и сильнее лелеяли желание мести. Обосновавшись неподалеку от парка Джеты, они день и ночь шпионили за Буддой и его учениками. Но все было напрасно: они не увидели ничего такого, что дало бы им малейший предлог для клеветы на общину.

Наконец один из отшельников сказал своим приятелям:

— Мы уже долго наблюдаем за поведением этих монахов, их добродетель очевидна. Но мне кажется, я нашел способ отвратить от них умы людей. Я знаю девушку заме-

чательной красоты. Ее зовут Синка, и она искусная обманщица. Я думаю, она не откажет нам в помощи, и очень скоро слава этого сакьи померкнет.

Синка удивилась их приглашению.

— Зачем вы посылали за мной? — спросила она.

— Знаешь ли ты монаха из Капилавасту, которого прославляют как Будду?

— Нет, но я знаю о его великой славе и слышала, что он сотворил много чудес.

— Этот человек — наш злейший враг, Синка. Он выставил нас на посмешище и опрокинул наше могущество. Ты должна поверить нам и принять нашу сторону. Если ты победишь победителя, то будешь прославлена, станешь самой знаменитой среди женщин, и хвалы о тебе разнесутся по всему миру.

Синку увлекли слова отшельников. Она заверила их, что Будда будет вскоре повержен, а имя его станет ненавистно для живущих на земле.

Теперь она каждый день приходила к парку Джеты и ждала часа, когда люди, внимавшие проповеди Учителя, начинали расходиться. Платье на ней было огненно-красное, а в руках она держала цветы. И если кто-нибудь, случалось, спрашивал ее:

— Куда ты идешь?

То она отвечала:

— А вам что за дело?

Войдя в парк, она дожидалась, пока все разойдутся, а потом отправлялась в жилище злых монахов. Там Синка проводила ночь, но на восходе вновь была у ворот парка. Убедившись, что ее постоянство замечено теми, кто просыпается рано, она возвращалась домой. И тем, кто спрашивал ее:

— Откуда ты идешь так рано поутру?

Она отвечала:

— А вам что за дело?

Через месяц она стала отвечать по-другому. Вечером она говорила:

— Я иду в парк Джеты, где меня ждет Благословенный.

Утром она говорила:

— Я иду из парка Джеты, где провела ночь с Благословенным.

И были такие убогие и легковверные людишки, которые верили ей и подозревали Учителя в нарушении целомудрия.

На шестом месяце она обмотала свое тело куском ткани. Глупцы решили, что она беременна, и стали везде говорить, что добродетель Учителя — лишь притворство.

Когда наступил девятый месяц, она привязала деревянный шар к толстому поясу у талии и приобрела расслабленную походку. В конце концов в один из вечеров Синка вошла в зал, где Учитель объяснял Закон. Дерзко предстала она перед ним и прервала его речь пронзительными воплями:

— Сладок твой голос и медом полны слова, когда ты наставляешь людей в Законе, — так говорила порочная женщина. — Почему же мне, которая беременна от тебя, которая скоро станет матерью, негде даже пожаловаться на судьбу! Ты не даешь мне масло, столь нужное в это время. Если тебе стыдно заботиться обо мне теперь, ты мог бы поручить меня попечению одного из твоих учеников, или царя Прасенаджита, или купца Анатхапиндики. Но нет! Я ничего не значу для тебя больше, и еще меньше ты думаешь о ребенке, который должен родиться! Ты познал все радости любви, но ты не хочешь признавать долга.

— Только мы с тобой знаем, Синка, говоришь ли ты ложь или правду, — спокойно отвечал Учитель.

— Ты знаешь хорошо, что я не лгу, — закричала женщина.

Учитель оставался невозмутимым. Но Индра, наблюдавший за ними с небес, решил, что настало время раскрыть бесстыдство Синки. Он послал на землю четырех Богов, которые превратились в мышей, забрались под одежды обманщицы и перегрызли веревку, державшую деревянный шар. Шар упал на землю.

— Смотри, твой ребенок родился, — воскликнул Учитель со смехом.

Ученики в ярости набросились на Синку. Они осыпали ее бранью, плевали в лицо, били кулаками. Она бежала, рыдая от боли, стыда и гнева. Внезапно вокруг нее вспыхнули языки пламени, огонь охватил ее, словно красный плащ. Жестокий и ужасный конец пришел к той, что осмелилась клеветать на Будду.

Учитель покинул парк Джеты. Он останавливался во многих городах и селениях для проповеди Закона, и многие приняли истинную веру.

Как-то один старик и его жена пригласили Будду разделить с ними трапезу.

— Господин мой, — сказал старик, — мы так долго хотели услышать Ваше слово. Ныне мы счастливы: мы узнали священные истины. Среди всех ваших друзей нет преданнее нас.

— Это не удивительно, — отвечал Будда, — поскольку мы были связаны в предыдущих существованиях.

— Господин, — сказала женщина, — мы живем с мужем вместе со времен ранней юности. Ныне мы достигли зрелого возраста. Жизнь была добра к нам. Никогда между нами не возникало даже малейших споров. Мы продолжаем любить друг друга, как и много лет назад, и вечер нашей жизни столь же сладок, как и рассвет. Если возможно, то мы желали бы и в следующем существовании также любить друг друга, как и в этой жизни.

— Да будет так, — сказал Учитель. — Боги защитят вас.

Он продолжил свой путь и встретил старую женщину, которая доставала воду из колодца у края дороги. Он подошел к ней и попросил:

— Не дашь ли ты мне напиться? Я умираю от жажды.

Глубоко взволнованная старая женщина долго смотрела на него. Слезы текли по ее щекам. Она хотела припасть к нему, но не решалась.

— Обними меня, — сказал Учитель.

Она бросилась к нему в объятия и прошептала:

— Теперь я могу умереть счастливой. Я видела Благословенного, и он разрешил мне обнять его.

6

Он продолжил свой путь и пришел в большой лес, где паслось стадо буйволов. Среди них был могучий бык со злобным характером. Он едва выносил присутствие пастухов, а при появлении незнакомцев становился очень агрессивным. Когда незнакомец подходил ближе, буйвол нападал на него и нередко наносил глубокие раны своими рогами. Иногда он даже убивал людей.

Пастухи увидели Благословенного, спокойно идущего по дороге, и закричали ему:

— Берегись, путник! Не подходи к нам близко. Здесь пасется злобный буйвол.

Но Учитель не обращал внимания на предупреждения и шел прямо к тому месту, где буйвол щипал траву.

Внезапно буйвол поднял голову и шумно выдохнул; затем, опустив книзу рога, бросился на Учителя. Пастухи тряслись от страха.

— Мы, наверно, кричали недостаточно громко, — плакали они. — Путник не услышал нас.

Но вдруг бегущий бык остановился. Подогнув передние ноги, он стал лизать ступни Господина, виновато кося глазом.

Учитель мягко потрепал его по загривку и сказал спокойно и ясно:

— Скажи себе, что все земные существа преходящи, и покой достигим только в нирване. Не плачь. Поверь в меня, поверь в мою благость, в мое сострадание, — и условия твоей жизни изменятся. Ты не родишься больше среди животных и в свое время достигнешь небес, где будешь жить среди Богов.

С этого дня буйвол стал очень послушен. Пастухи же, которые выразили восхищение Учителем и принесли ему, как подаяние, все лучшее, что смогли собрать, выслушали его наставления. Узнав Закон, они стали его ревностными последователями.

7

Учитель прибыл в город Каусамби, и там впервые он почувствовал себя счастливым. Жители с восторгом слушали его проповеди, и многие из них стали монахами. Среди верующих был и царь Удаяна, который разрешил своему сыну Раштрапале вступить в общину.

Но там же, в Каусамби, Учитель встретился с великой печалью. Одному монаху объявили порицание за небольшой проступок. Он не признал свою вину, и потому решили его наказать. Однако монах отказался подвергнуться наказанию, а поскольку он был хорошим человеком, обладал большими талантами и знаниями, то многие приняли его сторону. Напрасно другие призывали его вернуться на праведный путь.

— Не утверждайся в тщеславии, — говорили они, — не считай, что ты не можешь совершать ошибку. Прислушайся к нашему мудрому совету. Обращайся с другими монахами так, как должно обращаться с людьми одной с тобой веры, — и они ответят тебе тем же. Община будет расти и процветать лишь тогда, когда ее члены будут советоваться друг с другом.

— Не вам говорить мне, что хорошо и что плохо, — отвечал монах. — Перестаньте поучать меня.

— Говоря такие слова, ты пренебрегаешь Законом. Ты нарушаешь дисциплину, сеешь раздоры в общине. Постарайся же исправиться, живи в мире с общиной. Избегай таких ссор и будь предан Закону.

Все было тщетно. Тогда они решили изгнать бунтаря, но он опять отказался подчиниться и остался в общине. Ведь он считал себя невиновным, а наказание — несправедливым.

В конце концов пришлось вмешаться Учителю. Он пытался утихомирить монахов; просил их забыть обиды и объединиться, как раньше, для выполнения священных обязанностей, однако никто не обращал внимания на его слова.

И однажды возмутитель спокойствия набрался дерзости возразить Господину.

— Не волнуйся, о Учитель, не докучай нам своими речами, — сказал он. — Ты достиг знания Закона, так погружайся в него и дальше, если считаешь свою медитацию восхитительной. Что же до нас, то мы сами узнаем, куда идти; споры не помешают нам отыскать свой собственный путь. Тебе же лучше заниматься медитацией и сохранять спокойствие.

Учитель не предался гневу. Он пытался убеждать, но тщетно. Он увидел, что ему не переубедить монахов из Каусамби; их словно постигло внезапное безумие. Тогда он решил оставить их, но прежде, чем уйти, сказал:

— Счастлив тот, у кого есть хороший друг; счастлив тот, у кого есть внимательный друг. Нет таких препятствий, которые не смогли бы преодолеть два мудрых и добродетельных друга. Тот, у кого нет преданного друга, похож на царя без царства; он будет скитаться в одиночестве, подобный слону в дремучем лесу. Однако лучше путешествовать одному, чем в компании с дураком. Мудрый предпочтет одинокий путь. Подобно слону в дремучем лесу, он будет избегать зла и сохранит безмятежность.

И он удалился. Никто не попытался удержать его. Он пошел в деревню, где жил его ученик по имени Бхригу. Тот очень обрадовался, увидев Учителя, и окружил его вниманием и заботой. Затем к ним присоединились Ануруддха, Нанда и Кимбала. Они относились друг к другу с подлинным уважением и дружелюбием, и жили в полном согласии. И Учитель подумал:

— Значит, есть среди моих учеников такие, которые действительно любят меня и не ссорятся друг с другом.

Однажды, когда он сидел в тени дерева и размышлял о трудных временах в Каусамби, недалеко от него остановилось на отдых стадо слонов. Самый большой слон опустился к реке, набрал воды и отнес ее своим товарищам. Те напились, но вместо благодарности за услугу начали притеснять своего предводителя, бить его хоботами и в конце концов прогнали. Учитель увидел, что его собственный опыт не слишком отличается от того, что произошло со слоном. Оба они стали жертвами огромной неблагодарности. Слон заметил печаль на лице Благословенного, подошел ближе и посмотрел на него ласковым взором, а затем отправился на поиски пищи и питья для него.

После всего этого Учитель вернулся в Краvasti и остановился в парке Джеты, чтобы отдохнуть. Но мысли о жестоких монахах Каусамби вызывали его печаль.

Как-то утром он вдруг увидел, что они входят в парк. Они попали в тяжелое положение: никто не хотел подавать им милостыню, поскольку людей возмутило их отношение к Учителю. Им ничего не оставалось, как прийти с просьбой о прощении. Виновный монах исповедался в своих грехах и получил легкое наказание. Его советчики и друзья признали ошибочность своих деяний и обещали строго соблюдать уставы. Учитель был счастлив: в общине вновь воцарилось согласие.

8

Затем он решил вернуться в Раджагриху. В поле, недалеко от города, он встретил брахмана по имени Бхарадwadжа, вместе со своими слугами отмечавшего праздник сбора урожая. Они смеялись и пели, когда Учитель подошел к ним с чашей для подаяний. Те, кто узнавал Благословенного, дружески приветствовали и щедро одаривали его. Это вызвало недовольство Бхарадwadжи, который подошел к Учителю и заорал на него:

— Монах, не задерживайся среди нас; ты подаешь плохой пример. Все мы, присутствующие здесь, трудились в поле, внимательно наблюдая за сезонными изменениями. Когда наступало время пахать, мои слуги пахали; когда наступало время сеять, они сеяли; и я пахал и сеял вместе с ними. Затем пришел день для сбора плодов нашего труда. Мы запасли для себя продовольствие. И когда хранилища полны, то у нас есть причина для отдыха и веселья. Ты же все это время слонялся вдоль улиц и бродил по дорогам. И единственная твоя забота — протянуть чашу встречному. Было бы куда лучше, если бы ты тоже трудился; было бы куда лучше, если бы ты тоже пахал и сеял.

Учитель улыбнулся и ответил:

— Друг, я так же, как и ты, пашу и сею; и ем пищу после того, как работа закончена.

— Ты пашешь? Ты сеешь? — изумился Бхарадwadжа. — Как я могу поверить твоим словам? Где твой рабочий скот? Где зерно? Где плуг?

Учитель ответил:

— Чистота в понимании — вот то славное зерно, что я посеял. Труды святости — тот благодатный дождь, что падает на плодородную землю, где прорастают и созревают семена. И у меня есть мощный плуг. Мудрость — его лемех, Закон — его рукояти, действенная вера — могучие быки, впряженные в его ярмо. Я подрезаю этим плугом корни желаний, которые подобны сорнякам в поле. И я собираю самый богатый из всех урожаев, имя которому — нирвана.

Он продолжил свой путь. Но теперь за ним следовал Бхарадваджа, который слушал священные слова Учителя.

Они вошли в город. На площади большая толпа народа смотрела представление танцоров. Особое внимание привлекала дочь главы труппы, блиставшая замечательной грацией и красотой. Везде, где она появлялась, люди, не умеющие управлять своими страстями, сгорали от желания обладать ею. Звали ее Кувалая.

Она только что закончила танцевать, и сотни пылающих страстью взоров жадно стремились к ней. Гордая своей силой, она крикнула в толпу:

— Восхищайтесь мною, господа мои! Во всей Раджагрихе не найдется такого человека, который превзошел бы меня красотой, который мог хотя бы сравниться со мной!

— Ты не права, женщина! — возразил ей брахман Бхарадваджа. — Что значит твоя красота по сравнению с красотой Учителя!

— Я хочу увидеть этого Учителя, — сказала Кувалая, — красоту которого ты так расхваливаешь. Веди меня к нему.

— Он здесь, — произнес Благословенный и выступил вперед. Кувалая пристально поглядела на него.

— Ты действительно красив, — сказала она наконец. — Я буду танцевать для тебя.

Кувалая начала танец очень медленно. Она закуталась во множество покрывал, закрыв даже лицо, так что манящая красота ее тела виделась лишь туманным обещанием. Она была подобна луне, скрывшейся в облаках от взоров ночи. Но вот облака начали рассеиваться — и сквозь просветы в них прорезались волшебные лучи. Танец ускорялся, покрывала спадали одно за другим, и вот уже царица звезд появилась во всей красе. Танцовщица кружилась все быстрее и быстрее. Внезапно ослепительный свет сверкнул в ее глазах, и она остановилась. Она была совершенно нагой. Затаившая дыхание толпа подалась вперед.

— Бедная женщина! — сказал Будда.

Он пристально посмотрел на нее. И под его взглядом щеки у Кувалаи ввалились, лоб покрылся морщинами, глаза потухли. Только несколько кривых зубов торчали у нее изо рта, только несколько тонких пучков седых волос свисали с ее головы. Она согнулась под тяжестью лет. Учитель наказал ее так же, как когда-то наказал он дочерей Мары, пытавшихся соблазнить его: превратил прекрасную танцовщицу в дряхлую старуху.

Кувалая сказала со вздохом:

— Учитель, я знаю, что поступала дурно, когда суетно тешилась своей мимолетной красотой. Вы преподали мне жестокий урок, но я чувствую, что когда-нибудь буду счаст-

лива тем, что получила его. Позвольте мне изучать священные истины. Тогда, быть может, я смогу навсегда освободиться от этого тела, которое хотя и вызывало восторг мужчин, на самом деле не отличалось от смердящего трупа.

Учитель согласился исполнить просьбу Кувалаи, которая стала одной из самых преданных последовательниц Будды.

9

Городом Атави в то время правил царь, который очень любил охоту. Однажды он увидел гигантского оленя и бросился преследовать его. Но олень убежал, а царь в пылу охоты потерял из виду своих спутников. В конце концов, усталый и разочарованный, царь опустил под деревом и уснул.

Дерево, под которым пришлось ему отдыхать, служило пристанищем злому Богу по имени Алавака. Тот любил полакомиться человечиною и потому убивал и пожирал всех, кто оказывался поблизости. Увидев царя, он очень обрадовался и уже готов был нанести ему страшный удар, когда случайный шум разбудил бедного охотника. Поняв, что жизнь его в опасности, он попытался вскочить на ноги, но злой Бог схватил его за горло и швырнул наземь. Тогда царь попытался разжалобить его.

— Пощади меня, о господин, — вскричал бедняга. — Твой ужасный облик сказал мне, что ты из тех Богов, которые едят человеческую плоть. Прошу тебя, будь добр ко мне — и ты никогда не пожалеешь о своем милосердии! В награду я дам тебе много чудесных подарков.

— Нужны мне твои подарки! — расхохотался Алавака. — Я хочу только твоей плоти, чтобы утолить голод.

— Господин мой, — взмолился царь, — если ты отпустишь меня в Атави, то каждый день я буду присылать по человеку, чтобы насытить твой голод.

— Когда ты вернешься домой, то забудешь свое обещание.

— О нет, — сказал царь, — я никогда не забуду это обещание. Более того, если вдруг случится, что я не смогу исполнить ежедневное приношение, то тебе надо будет только прийти ко мне во дворец и рассказать о своей обиде — и я немедленно, без малейшего сопротивления отправлюсь с тобой, и ты сможешь сожрать меня.

Злой Бог позволил убедить себя, и царь вернулся в город Атави. Но он непрестанно думал о своем жестоком обещании... А поскольку он не нашел способа уклониться от его

выполнения, то стал жестоким и безжалостным правителем, не дорожающим жизнью своих подданных.

Он послал за министром и рассказал ему о случившемся. Подумав минуту, министр предложил:

— Господин мой, в тюрьме Атави сидят преступники, осужденные на смерть. Мы можем посылать их Алаваке. Он увидит, что вы держите слово, и, быть может, освободит вас от вашего обещания.

Царь согласился. Охранники пошли в тюрьму и обратились к заключенным, чьи дни уже были сочтены, с такими словами:

— Недалеко от города есть дерево, где живет Бог, который очень любит рис. Тому, кто отнесет чашку риса к подножью этого дерева, будет даровано полное прощение.

С тех пор каждый день один из этих людей с чашкой риса в руках радостно отправлялся к указанному дереву — и никогда уже не возвращался назад.

Вскоре в тюрьме не осталось людей, осужденных на смерть. Министр приказал судьям выносить самые суровые приговоры и не щадить никого из обвиненных в убийстве, за исключением тех, кто представит неоспоримые доказательства своей невиновности. Но и это помогло ненадолго. Надо было искать новые способы насытить голод злобного Бога. Тогда начали приносить в жертву воров.

Но скоро, несмотря на старание задерживать всех нарушителей, тюрьма снова опустела. Тогда царь и министр стали искать жертвы среди достойных жителей города. Стариков хватали и насильно тащили к дереву. А если охрана оказывалась недостаточно проворной, Алавака пожирал и ее вместе с жертвой.

Для города Атави наступили тяжелые времена. Старики исчезали на глазах у всех, но никто не знал, что с ними стало. И с каждым днем все мучительнее становились угрызения совести, терзавшие царя. Но ему не доставало отваги пожертвовать своей жизнью ради блага народа. Он думал:

— Неужели никто не придет ко мне на помощь? Я слышал, что в Кравастии, а затем в Раджагрихе жил Будда, муж великой силы и чудесной мощи. Говорят, что он любит странствовать. Почему бы ему не прийти в мое царство?

Благодаря своей божественной силе Будда узнал о желании царя. Он перелетел по воздуху в его страну и сел прямо перед деревом Алаваки.

Злой Бог увидел Благословенного и хотел было подойти к нему, но внезапно ощутил полное бессилие. Колени его мелко затряслись от слабости. В бешенстве он заорал:

— Кто ты такой?

— Тот, кто гораздо сильнее тебя, — ответил Будда. Ужасный гнев охватил Алаваку. Он хотел бы подвергнуть пыткам этого человека, который сидел перед ним прямо на земле и которого он не мог достать; он хотел бы замучить его до смерти... Однако Будда ни на секунду не потерял самообладания.

В конце концов овладел собой и Алавака. Он решил, что хитрость, возможно, скорее достигнет успеха там, где сила терпит поражение. Поэтому он сказал сладким голосом:

— Я вижу, что ты умный человек, господин мой, а я всегда любил общаться с мудрыми людьми. Я обычно задаю им четыре вопроса. Если они могут правильно ответить на них, то вольны уйти в любое время, когда захотят. Если же им не удастся ответить правильно, то они остаются моими пленниками и я пожираю их, как только почувствую такое желание.

— Задай мне четыре вопроса, — сказал Будда.

— Я должен предупредить тебя, — добавил Алаваки, — что никто еще не смог ответить на них. Вокруг себя ты можешь видеть разбросанные кости тех мудрецов, с которыми я встречался прежде.

— Задай мне четыре вопроса, — повторил Будда.

— Ну, тогда ответь, как может человек избежать потока страстей? Как может он пересечь море существований и обрести спасительную гавань? Как может он избежать искушения грехом? Как может он целым и невредимым выйти из бури желаний?

Учитель спокойно отвечал:

— Человек избегает потока страстей, если верит в Будду, в Закон и общину; он пересечет море существований и обретет спасительную гавань, если поймет значение трудов во имя святости; он избежит искушения грехом, если сам будет трудиться во имя святости; он выйдет невредимым из бури желаний, если узнает священный путь, ведущий к освобождению.

Когда Алавака услышал ответы Господина, то припал к его стопам и вознес ему молитвы, обещая изменить свое жестокое поведение. Затем они вместе отправились в Атави и пришли в царский дворец.

— Царь, — сказал Алавака, — я освобождаю тебя от данного обещания.

Царь был счастлив, как никогда прежде. Когда он узнал, кто его спаситель, то заплакал от радости.

— Я верю в Вас, мой Господин, поскольку Вы спасли меня и мой народ, — произнес он. — Я верю в Вас, и я посвящу остаток жизни тому, чтобы всюду славили Вас, славили Закон и славили общину.

Монах Девадатта был очень высокомерен от природы. Он не терпел никаких ограничений. Он стремился занять место Будды, но знал, что монахи не присоединятся к его открытому бунту. Стало быть ему нужно было заручиться поддержкой какого-нибудь царя или князя.

— Царь Вимбасара уже старик, — сказал он сам себе однажды. — Царевич Аджатасатру, молодой и отважный, горит желанием наследовать престол. Я мог бы посоветовать ему, как достичь желаемого, а он, в свою очередь, помог бы мне стать во главе общины.

Он встретился с Аджатасатру и обратился к нему, льстиво превознося его силу, отвагу и красоту.

— О, если бы вы были царем, — восклицал он, — то какой бы славы удостоился город Раджагриха! Вы покорили бы соседние государства; все правители мира платили бы Вам дань; Вы стали бы всемогущи и Вам бы молились, как Богу.

Таковыми речами Девадатта завоевал доверие царевича. Он получил немало драгоценных подарков и стал еще заносчивее.

Маудгальяяна заметил частые визиты Деваданны к царевичу и решил предупредить Благословенного.

— Мой Господин, — начал он, — Девадатта очень дружен с царевичем Аджатасатру.

Благословенный прервал его:

— Пусть Девадатта поступает, как ему заблагорассудится, — скоро мы все равно узнаем правду. Мне известно, что Аджатасатру благоволит ему, но это не продвинет его ни на шаг по пути добродетели. Пусть Девадатта тешится своей гордыней! Это и погубит его. Подобно тому, как банановые и бамбуковые деревья приносят плоды лишь для того, чтобы умереть, так и все почести, которые получает Девадатта, лишь ускоряют его падение.

Девадатта вскоре достиг вершины тщеславия. Он не мог вынести величия Будды и однажды, набравшись дерзости, сказал ему:

— Учитель, Вы уже в годах и для Вас очень трудно управлять монахами. Вам следует уйти на покой. Размышляйте в мире об открытом Вами Высшем Законе, а общину оставьте на мое попечение.

Учитель усмехнулся.

— Не беспокойся так сильно, Девадатта, ты слишком добр ко мне. Я сам решу, когда наступит время уйти на покой. Пока же я сохраню за собой управление общиной. Кроме того, когда придет мое время, я не передам общину

даже Сарипутре или Маудгальяне, этим двум великим умам, подобным пылающим факелам. А ты хочешь, чтобы я передал ее тебе, Девадатта, обладающему посредственным разумом; тебе, от которого света меньше, чем от ночника.

Девадатта почтительно склонился перед Учителем, но не смог скрыть огня гнева в своих глазах.

Тогда Учитель послал за просвещенным Сарипутрой.

— Сарипутра, — обратился он к ученику, — иди через весь город Раджагриха и кричи громким голосом: “Остерегайтесь Девадатты! Он сбился с праведного пути. Будда не отвечает за его слова и его дела; Закон больше не вдохновляет его; община больше не заботится о нем. С этого времени Девадатта говорит только от себя самого”

Сарипутра опечалился, получив столь неприятное задание. Однако он понял причины, двигавшие Учителем, и отправился в город, выкрикивая на его улицах слова, позорящие Девадату. Жители останавливались послушать его, и некоторые думали:

— Монахи завидуют дружбе Девадатты с царевичем.

Однако другие говорили:

— Девадатта, должно быть, совершил серьезное преступление, если Благословенный решил всенародно отречься от него.

11

Девадатта размышлял:

— Сиддхартха думал унизить меня своими сравнениями. Я докажу, что он ошибается. Моя слава затмит его славу; ночник вдруг окажется солнцем. Однако царь Вимбасара — его преданный друг; он защищает его. Пока царь жив, я ничего не смогу сделать. С другой стороны, царевич Аджата-сатру оказывает мне высшие почести и уважение и полностью доверяет мне. Если он будет править страной, то я получу все, что желаю.

Он отправился во дворец Аджата-сатру.

— О, царевич, — воскликнул он, — мы живем в несчастливую эпоху. Неужели те, кто наилучшим образом подготовлены к тому, чтобы править, так и умрут, не получив власти? Ведь человеческая жизнь так коротка! Долгожительство вашего отца вызывает в моем сердце заботу о вашей судьбе.

Он продолжал рассуждать подобным образом, внушая царевичу свои порочные мысли. Царевич оказался слабым человеком: он внимательно слушал разглагольствования монаха и вскоре решил убить своего отца.

И ночью, и днем Аджатасатру слонялся по дворцу, выискивая возможность проскользнуть в покои отца и покончить с ним. Но ему никак не удавалось обмануть бдительность стражи, которая неусыпно наблюдала за ним. Стражники обратились к Вимбасаре:

— О, повелитель, ваш сын ведет себя странно в последнее время. Не задумал ли он злое дело?

— Замолчите, — отвечал царь. — Мой сын — человек благородный. Он не способен на подлые поступки.

— Вам следует послать за ним, о царь, и допросить его.

— Молчите, стражники. Не обвиняйте моего сына столь легко.

Стражники продолжили наблюдение и через несколько дней вновь обратились к царю. Чтобы доказать им ошибочность их выводов, Вимбасара призвал царевича.

Аджатасатру предстал перед отцом. Он спросил дрожащим голосом:

— Господин мой, зачем вы послали за мной?

— Сын, — обратился к нему Вимбасара, — моя стража говорит, что ты ведешь себя странно в последнее время. Они рассказали мне, что ты бродишь по дворцу, совершаешь загадочные действия и прячешься от взоров тех, кого встречаешь на своем пути. Сын, быть может, они лгут?

— Они не лгут, отец, — ответил Аджатасатру.

Его внезапно настигли угрызения совести. Он упал к ногам царя и из глубины охватившего его стыда выкрикнул:

— Отец, я хотел убить вас!

Вимбасара содрогнулся. Голосом, исполненным страдания, он спросил:

— Почему ты хотел убить меня?

— Чтобы править самому.

— Так правь! — вскричал Вимбасара. — Царская власть не стоит сыновьей ненависти.

На следующий день Аджатасатру провозгласили царем. Первое, что сделал новый царь, — оказал великие почести своему отцу. Но Девадатта все еще боялся влияния старого царя и решил действовать против него.

— До тех пор, пока ваш отец находится на свободе, — нашептывал он Аджатасатру, — вам грозит опасность утратить власть. У него сохранилось много сторонников; вам следует принять меры для их устранения.

Ему снова удалось навязать свою волю Аджатасатру, и бедный Вимбасара был брошен в темницу. На этот раз его решили уморить голодом. Никому не позволялось приносить бывшему царю даже немного еды.

Но царице Вайдеи иногда позволяли навестить Вимбасару в темнице, и она тайком приносила ему горсть риса.

Однако вскоре новый царь приказал обыскивать ее каждый раз, когда она шла к узнику. Она попыталась прятать еду в волосах, но и это было раскрыто. Царица проявляла великую изобретательность, чтобы спасти мужа от голодной смерти, но всякий раз ее уловки раскрывали, и в конце концов Аджатасатру запретил ей посещать темницу.

Одновременно он начал преследовать преданных сторонников Будды. Им было запрещено посещать храм, куда прежде Вимбасара поместил шкатулку с прядью волос Будды и его остриженными ногтями. Сюда больше не присылали благочестивые приношения в виде цветов и благовоний; в храме даже не разрешалось наводить чистоту и порядок.

Во дворце жила женщина по имени Сримати, беззаветно преданная закону. Она печалилась из-за того, что не могла трудиться во имя святости и размышляла о том, как в эти печальные времена могла бы доказать Учителю незыблемость своей веры. Проходя мимо храма, она испытывала горькие чувства при виде царившего запустения. Когда она увидела, как грязна прежде светлая скиния, то даже заплакала.

— Пусть Учитель узнает, что есть еще одна женщина в этом доме, которая почитает его, — подумала Сримати. С риском для жизни она подмела в храме и украсила его яркими гирляндами. Когда Аджатасатру увидел гирлянды, он страшно разгневался и захотел узнать, кто посмел ослушаться его. Сримати даже не пыталась прятаться. По собственной воле она предстала перед царем.

— Почему ты нарушила мои приказы? — спросил Аджатасатру.

— Если я нарушила ваши приказы, то лишь потому, что почитаю приказы вашего отца, царя Вимбасары, — отвечала женщина.

Аджатасатру не стал слушать дальше. Бледный от ярости, он бросился на Сримати и ударил ее своим кинжалом. Смертельно раненная, она упала. Но ее глаза сияли от радости, и счастливым голосом она запела:

— Мои глаза видели защитника миров, мои глаза видели светоч миров; и ради него я зажгла эти лампы в ночи. Ради него, Рассеивающего тьму, я попыталась рассеять тьму. Его сияние превосходит сияние солнца; его лучи чище, чем лучи солнца; и мой восторженный взор ослеплен его великолепием. Ради него, Рассеивающего тьму, я попыталась рассеять тьму.

И даже мертвая, она, казалось, излучала сияние святости.

Девадатте не терпелось заменить Будду во главе общины. Однажды он обратился к царю Аджатасатру:

— Господин мой, Будда презирает и ненавидит вас. Вы должны предать его смерти, поскольку на карту поставлена ваша слава. Отправьте несколько человек в Бамбуковую рощу с приказом убить его. Я покажу им дорогу.

Аджатасатру легко согласился. Убийцы пришли в Бамбуковую рощу, но увидев Учителя, пали к его ногам и вознесли ему молитвы. Это только добавило масла в огонь ярости, охвативший Девадату. Он отправился в царские конюшни, где содержался свирепый слон, и подкупил стражу. Они условились выпустить слона на волю, когда Учитель будет проходить мимо, чтобы свирепый зверь пронзил его своими бивнями или затоптал ногами. Но при виде Учителя слон стал спокойным и ласковым. Подойдя к нему, он хоботом сдул пыль со священных одежд. И Учитель сказал с улыбкой:

— Благодаря Девадатте слоны во второй раз оказывают мне почтение.

Тогда Девадатта сам попытался навредить Учителю. Увидев Господина, медитирующего в тени дерева, он исполнился дерзости настолько, что швырнул в него острый камень. Удар пришелся в ногу, из раны потекла кровь. Учитель сказал:

— Ты совершил серьезный проступок, Девадатта; наказание будет ужасным. Тщетны твои преступные покушения на жизнь Благословенного: он не умрет безвременной смертью. Благословенный уйдет по своей воле, в час, который он выберет сам.

Девадатта бежал. Он решил больше не подчиняться законам общины, и всюду, где только мог, вербовал себе сторонников.

Все это время Вимбасара продолжал голодать. Но он не умирал, поскольку таинственная сила поддерживала его. В конце концов сын решил предать отца смерти. Он приказал сжечь подошвы его ног, затем отрезать его члены и лить на раны кипящее масло, посыпая их солью. Палач повиновался, но даже он плакал, глядя на муки старого человека.

В тот день, когда Аджатасатру отдал приказ о казни отца, у него родился сын. Когда он увидел ребенка, то очень обрадовался, смягчил свое сердце и немедленно отправил телохранителей в темницу с приказом прекратить пытку. Но они пришли слишком поздно. Царь Вимбасара уже умер в ужасных мучениях.

Аджатасатру настигло раскаяние. Однажды он услышал, как царица Вайдеи разговаривала с внуком, которого держала на руках:

— Пусть твой отец будет так же добр к тебе, как его отец был добр к нему. Однажды, когда он был ребенком, у него на пальце вскочил нарыв, причинявший ему боль. Он плакал; никакие мази не помогали. Тогда Вимбасара взял его пальчик губами и вытянул гной. Аджатасатру снова мог играть и смеяться. О, дитя, люби своего отца! Не наказывай его с такой жестокостью, какую пришлось испытать Вимбасаре.

Аджатасатру, измученный угрызениями совести, проливал горькие слезы. В своих снах он видел отца, истекающего кровью, и слышал его стоны. Он заболел горячкой, и к нему пригласили знаменитого врача Дживаку.

— Я ничем не могу помочь вам, — сказал Дживака. — Ведь у вас болит не тело, а душа. Обратитесь к Учителю Совершенства, к Благословенному, к Будде. Он один знает слова утешения, которые могут вернуть вам здоровье.

Аджатасатру послушался совета и отправился к Благословенному. Он исповедался в своих проступках и преступлениях и обрел покой.

— Твой отец, — сказал ему Будда, — возродился среди самых могущественных Богов. Он знает о твоём раскаянии и прощает тебя. Слушай меня, царь Аджатасатру, ты узнаешь Закон и перестанешь страдать.

Аджатасатру издал указ, которым изгонял Девадатту из своего царства и предписывал подданным закрывать перед беглым монахом двери их домов, если тот станет искать убежища.

Девадатта был тогда около Краvasti, где надеялся встретиться с Прасенаджитом. Но ему в самых оскорбительных тонах было отказано в приеме и предложено покинуть царство. Не преуспев в попытках увеличить число своих сторонников, он в конце концов пришел в Капилавасту.

Девадатта вошел в город, когда спускалась ночь. Улицы были темны и почти пустынные; никто не узнавал его, когда он проходил мимо. Да и кто бы мог признать в этом тощем и жалком монахе, прячущемся в тени стен, некогда гордого Девадатту? Он направился прямо во дворец, где жила в одиночестве царица Гопа. Его допустили к ней.

— Монах, — сказала Гопа, — почему ты хотел увидеть меня? Принес ли ты мне весть счастья? Пришел ли ты с приказом от моего мужа, которого я глубоко почитаю?

— Твой муж! Много он заботится о тебе! Вспомни о том времени, когда он жестоко покинул тебя.

— Он покинул меня ради спасения мира!

— Ты все еще любишь его?
— Моя любовь могла бы осквернить чистоту его жизни.
— Тогда возненавидь его всей силой сердца.
— Всем сердцем я благоговею перед ним.
— Женщина, он пренебрег тобой; отомсти ему.
— Будь осторожен, монах. Твои слова греховны.
— Ты не узнала меня? Ведь я — Девадатта, который любит тебя.

— Девадатта, Девадатта! Я знала, что ты фальшивый и грешный человек, я знала, что ты будешь плохим монахом, но я никогда не представляла себе всей глубины твоего злодейства.

— Гопа, Гопа, я люблю тебя! Твой муж презирает тебя, он был жесток с тобой. Отомсти же ему. Полюби меня!

Гопа вспыхнула, из ее глаз полились слезы стыда.

— Это ты презираешь меня! Твоя любовь была бы оскорблением, даже если бы была искренней. Но ты лжешь, когда говоришь, что любишь меня. Ты едва замечал меня в дни моей юности, в дни, когда я была красива! А теперь ты стоишь предо мной, старой женщиной, прошедшей суровые испытания, — и ты говоришь мне о любви, о своей преступной любви! Ты — самый презренный из людей, Девадатта! Убирайся! Ступай прочь!

В ярости он бросился на нее. Защищаясь, она выбросила вперед руку — и Девадатта упал. Когда он покатился по земле, то кровь хлынула у него изо рта.

Он бросился бежать. Однако сакьи узнали, что он находится в Капилавасту. Под охраной они вывезли его из города и доставили к Будде, который должен был решить его судьбу. Подлый интриган изобразил раскаяние, однако перед этим наплатил свои ногти смертельным ядом, и когда простерся ниц перед Учителем, то попытался расцарапать его щиколотки. Тогда Учитель пятой оттолкнул предателя прочь. Земля разверзлась, из бездны вырвались языки пламени, которые поглотили бесчестного Девадатту.

13

Хотя Будда отчасти смирил дух Аджатасатру, временами царь давал волю гневу. Раз, из-за спора между людьми из Раджагрихи и Кравасти он объявил войну царю Прасенаджиту.

Он собрал огромную армию. Среди солдат были пехотинцы и всадники, одни ехали на колесницах, другие скрывались в башнях, которые тянули за собой слоны. Их мечи и пики сверкали на солнце, когда они выступили в поход.

Царь Прасенаджит также собрал свои войска. У него тоже были колесницы, и всадники, и слоны. Он двинул их навстречу врагу.

Закипела ужасная битва, длившаяся четыре дня. В первый день Прасенаджит потерял своих слонов; во второй день он потерял конницу; на третий день его колесницы были разрушены; на четвертый день его пехотинцы были убиты либо попали в плен. Прасенаджит в панике бежал на единственной колеснице, которая уцелела в этом побоище, и укрылся в Краvasti. Там, в маленькой темной комнате, он бросился на низкое ложе и лежал молча, предаваясь печальным думам. Он не шевелился и был похож на мертвеца. Только слезы катились по его щекам.

Вошел человек; это был купец Анатхапиндика.

— Господин мой, — сказал он, — я желаю вам долгих лет жизни. Победа еще сменит свой отлив на прилив.

— Мои солдаты мертвы, — со стоном произнес царь. — Все мои солдаты мертвы! Мои солдаты!

— Не печальтесь, о царь! Соберите другую армию.

— Потеряв армию, я потерял и свои богатства...

— Повелитель, — сказал Анатхапиндика, — я дам вам золото, и вы одержите победу.

Прасенаджит вскочил на ноги.

— Ты спас меня, Анатхапиндика! — воскликнул он. — Благодарю тебя.

На деньги купца он собрал грозную рать и двинул ее против Аджатасатру.

Когда армии сошлись вновь, шум и грохот сражения привели в ужас даже самих Богов. Прасенаджит применил боевое построение, которому научили его люди из далеких стран. Он быстро атаковал, и противник не смог организовать оборону. Аджатасатру, в свой черед, не только потерпел поражение, но и попал в плен.

— Убей меня, — крикнул он Прасенаджиту.

— Я пощажу тебя, — ответил тот, — и доставлю к Благому Учителю, который решит твою участь.

Учитель недавно вернулся в парк Джеты. Прасенаджит обратился к нему:

— Рассуди, о Благословенный! Царь Аджатасатру — мой пленник. Он ненавидит меня, хотя я не держу зла против него. По пустяковому поводу он напал на мое царство. Сначала я потерпел от него поражение, но нынче он полностью в моей власти. Я не хочу убивать его, о Благословенный! В память его отца Вимбасары, который был моим другом, я хотел бы отпустить его на свободу.

— Так отпусти его, — ответил Учитель. — Победа порождает ненависть, поражение порождает страдание. Муд-

рый отвергнет и победу, и поражение. Оскорбление рождается от оскорбления, гнев от гнева. Те, кто обладает мудростью, отвергнет и победу, и поражение. Каждый убийца бывает повержен другим убийцем, каждый завоеватель — другим завоевателем. Те, кто обладает мудростью, отвергнут и победу, и поражение.

Перед лицом Учителя Аджатапатру пообещал быть преданным другом Прасенаджиту.

— И я хотел бы, — добавил он, — чтобы мы стали больше, чем друзья. У меня есть сын, а у вас, как я знаю, есть дочь Кшема, которая еще не замужем. Не отдадите ли вы свою дочь за моего сына?

— Да будет так, — сказал Прасенаджит. — И да станет этот счастливый брак гарантией нашей вечной дружбы.

Учитель одобрил их союз. С этих пор оба царя жили в мире, а Аджатапатру прославился своей добротой.

14

Учитель старел. Будучи в Раджагрихе, он собрал всех монахов и обратился к ним с пространной речью:

— Монахи, не забывайте предписаний, которые я дал вам. Соблюдайте их с тщательностью. Вам следует собираться дважды в месяц и исповедоваться друг другу в своих прегрешениях. Если вы почувствуете, что совершили грех, но сохраняете его в себе, то вы будете также виновны во лжи. Признавайтесь друг другу в проступках; исповедь принесет вам мир и покой. Как вы знаете, есть четыре тяжчайших греха, которые может совершить монах: вступить в связь с женщиной; украсть что бы то ни было; убить человеческое существо или подстрекать к убийству; а также прикинуться обладающим сверхчеловеческим могуществом, которым он не обладает и хорошо знает это. Монах, совершивший один из этих четырех грехов, должен быть изгнан из общины. Монахи, не болтайте с женщинами и не совращайте их. Не лжесвидетельствуйте против своих братьев. Не пытайтесь сеять раздоры в общине. Не пытайтесь избегать налагаемых на вас взысканий. Никогда не лгите и не оскорбляйте друг друга. Тщательно соблюдайте, о монахи, все предписания, что я вам дал.

Он продолжал:

— Глубина мысли есть область бессмертия; легкомыслие есть область смерти. Тот, кто глубок, не умирает; тот, кто легкомыслен, умирает всегда. Вот почему мудрый будет вдумчив. Мудрый достигнет высшего благословения — нирваны. Тот увидит рост своей славы, кто энергичен в

действиях и способен запоминать, чьи мысли честны, а действия обдуманно, кто постоянен, кто живет в Законе и кто глубок. Глупцы и грешники стремятся к легкости мыслей, мудрые хранят вдумчивость подобно тому, как скупец хранит свое золото. Монах, который сохраняет вдумчивость, который видит опасность легкомыслия, сбрасывает с себя греховный закон, словно ветер сбрасывает листья. Он на кусочки разрывает путы, которые привязывают его к миру; он близок к нирване. Стоящий на уступе мудрости, освободившийся от всех страданий, вдумчивый человек, который одолел легкомыслие, взирает на множества несчастных, подобно тому, как человек с вершины горы смотрит вниз на людей, толпящихся в долинах.

15

Перед смертью Благословенный решил совершить большое путешествие. Он хотел навестить некоторых своих учеников и призвать их соблюдать учение с величайшей тщательностью. Сопровождаемый только Анандой, он покинул город Раджагриху.

Однажды, когда они отдыхали на обочине поля, он сказал Ананде:

— Настанет время, когда люди станут удивляться, почему я когда-то вошел в утробу женщины. Они будут спрашивать, было ли мое рождение в высшей степени чистым, и будут сомневаться, обладал ли я высшей силой. Эти погрязшие во мраке люди никогда не поймут, что у того, кто посвятил свою жизнь трудам святости, тело свободно от нечистоты рождения. Тот, кто взыскует высшего знания, должен войти в женскую утробу; он должен, из жалости к человечеству, родиться в мире людей. Потому что, будучи Богом, как бы смог он привести в движение колесо Закона? Представь, Ананда, если бы Будда был Богом, то люди скоро утратили бы всякую надежду. Они бы говорили: “Будда, который есть Бог, обладает счастьем, святостью, совершенством; но мы — как мы можем надеяться когда-нибудь достичь их?” И они впали бы в глубокое отчаяние. О, пусть они пребудут в покое, эти закосневшие существа! Пусть они не пытаются похитить Закон, поскольку он будет использован ими во вред. Более того, пусть они считают сущность Будды непостижимой, эти люди, которые никогда не смогут постичь, в чем состоит моя исключительность.

Через поле проходил пастух. Он шел с безмятежностью человека, который делает свою работу спокойно и радостно.

— Кто ты, пастух? — спросил его Учитель.

— Меня зовут Дханья, — отвечал пастух.

— Куда ты идешь?

— Я иду домой, к своей жене и детям.

— Похоже, ты знаешь настоящее счастье, пастух?

— Я уже сварил свой рис, я уже подоил коров, — отвечал Дханья. — Я живу с семьей на берегу реки; у моего дома хорошая крыша; огонь в моем очаге горит ярко. И пусть теперь небесный ливень прольется, если захочет.

— Что до меня, — сказал Учитель, — то я освободился от гнева, освободился от упрямства. Я остановился на ночь на берегу реки; у моего дома нет крыши; огонь страстей не пылает больше в моей жизни. И пусть теперь небесный ливень прольется, если захочет.

— Оводы никогда не мучают мое стадо, — продолжил пастух, — мои коровы бродят по тучным лугам; они не боятся дождей. И пусть теперь небесный ливень прольется, если захочет.

— Я построил прочный плот, я направил свой парус к нирване, — сказал Учитель. — Я пересек поток страстей и достиг священных берегов; мне больше не нужен плот. И пусть теперь небесный ливень прольется, если захочет.

— Моя жена послушна, целомудренна и добра; она верна мне все эти долгие годы. Она приятна собой и ласкова; никто не говорит о ней дурно. И пусть теперь небесный ливень прольется, если захочет.

— Мой разум послушен и свободен от всех оков. Я упражнял его эти долгие годы; он стал полностью покорным; в нем не осталось никакого греха. И пусть теперь небесный ливень прольется, если захочет.

— Я сам плачу слугам их жалование; мои дети получают в достатке пищу за моим столом; никто никогда не пытался даже говорить о них дурно. И пусть теперь небесный ливень прольется, если захочет.

— Я никому не слуга; с тем, что я приобрел, я обошел весь свет; но и мне самому не нужен слуга. И пусть теперь небесный ливень прольется, если захочет.

— У меня есть коровы, у меня есть телята, у меня есть телки. И у меня есть собака — хозяйка моего стада. И пусть теперь небесный ливень прольется, если захочет.

— У меня нет ни коров, ни телят, ни телок; нет и собаки для их охраны. И пусть теперь небесный ливень прольется, если захочет.

— Колья загнаны глубоко в землю, ничто не сдвинет их; новые веревки сплетены из крепких волокон, коровы никогда не смогут порвать их. И пусть теперь небесный ливень прольется, если захочет.

— Словно собака, порвавшая свою цепь; словно слон, сломавший свои оковы, — так и я никогда не войду больше во чрево матери. И пусть теперь небесный ливень прольется, если захочет.

Пастух Дханья поклонился Учителю и сказал:

— Я знаю теперь, кто Вы. О Благословенный, войдите со мной в мое жилище.

Когда они были уже у входа в дом, ливень потоками обрушился с небес. Вода образовывала маленькие ручьи, растекавшиеся по земле. Когда Дханья услышал шум дождя, он произнес такие слова:

— Воистину, мы получили большие богатства с тех пор, как увидели Будду. О Учитель, Вы — наше убежище, поскольку Вы смотрите на нас глазами мудрости. Будьте нашим защитником, о Святой! Моя жена и я повинемся Вам. Если мы станем вести жизнь, исполненную святости, то преодолеем рождение и смерть, мы сможем покончить со страданием.

Тут раздался голос, и Мара, Воплотивший Зло, предстал перед ними. Никто не видел, как он пришел.

— Тот, у кого есть сыновья, счастлив увидеть своих сыновей, — произнес Мара, Воплотивший Зло. — Тот, у кого есть коровы, счастлив увидеть своих коров. Счастлив муж материального достатка; тот, кто не обладает ничем материальным, не обладает и счастьем.

— Тот, у кого есть сыновья, беспокоится о своих сыновьях; тот, у кого есть коровы, беспокоится о своих коровах, — возразил Учитель. — Вечно беспокоен муж материального достатка; тот же, кто не обладает ничем материальным, не имеет и причин для беспокойства.

Но Мара уже исчез. Только Дханья и его жена слушали, что говорил Учитель.

16

Учитель пришел на берега Ганга, в то место, где был построен город Паталипутра. Он поклонился стенам, которые только начали подниматься над землей, и сказал:

— Этот город однажды станет знаменитым. Многие герои будут рождены в нем; великий царь будет им править. Процветающим городом ты станешь, о Паталипутра; и на протяжении веков люди будут прославлять твое имя.

Он пересек реку и отправился в Ваисали. Но в деревушке Баилва он жестоко заболел. Тело его страдало от сильной боли. Ананда плакал, думая, что Господин умирает. Однако Учитель вспомнил, как много учеников еще надо посетить;

он не пожелал войти в нирвану до тех пор пока не даст им последние наставления. Силой своей воли он преодолел слабость, и жизнь не покинула его. Он поправился.

Когда Благословенный почувствовал себя лучше, он вышел из дома, где ему предоставили убежище, и уселся на сиденье, приготовленное для него около двери. Ананда подошел и сел позади него.

— Мой Господин, — сказал он, — я вижу, что Вы восстановили свое здоровье. Когда я увидел Вас больным, то силы оставили меня, и я упал в обморок. Я боялся поверить своим глазам. Но затем уверенность вернулась ко мне, поскольку я вспомнил, что Вы еще не открыли все Ваши намерения, связанные с общиной. А я знал, что Вы не войдете в нирвану, пока не раскроете их.

Благословенный произнес такие слова:

— Чего же еще община хочет от меня, Ананда? Я создал учение, я обучал ему; нет ни единого вопроса, который я бы не разъяснил! Пусть тот, кто думает: “Я хочу править общиной“, — раскрывает свои намерения по отношению к общине. Благословенный никогда не стремился править общиной, почему же должен он раскрывать какие-то намерения? Я — старый человек, Ананда; волосы мои седые; я становлюсь все слабее. Мне уже восемьдесят лет, и конец пути — недалек. Пусть каждый из вас станет теперь факелом для себя самого; не ищите того, кто принесет вам свет. Тот, кто станет факелом для себя самого после того как я покину мир, докажет, что он понял значение моих слов. Он будет моим истинным учеником, Ананда, он узнает правильный путь в жизни.

Учитель вновь отправился в путь и вскоре прибыл в город Ваисали. Он шел от двери к двери и спрашивал себе пропитание. Внезапно он увидел стоящего перед собой Мару.

— Час настал, — сказал Воплотивший Зло. — Войди в нирвану, о Благословенный!

— Нет, — ответил Будда. — Я знаю, когда мне должно войти в нирвану; я знаю это лучше, чем ты, Воплотивший Зло. Пройдет еще несколько месяцев, и лишь тогда настанет время. Еще три месяца — и Благословенный войдет в нирвану.

При этих словах земля содрогнулась, и гром прогремел в небесах: Благословенный уничтожил последнюю волю, все еще державшую его в этой жизни; он сам установил время вхождения в нирвану. Земля содрогнулась, и гром прогремел в небе.

Вечером он собрал монахов Ваисали и обратился к ним с такими словами:

— О монахи, тщательно сохраняйте знание, которое я приобрел и которому научил вас. Следуйте праведным пу-

тем, чтобы жизнь святости могла длиться в веках — на радость и спасение миру, на радость и спасение Богам, на радость и спасение человечеству. Через несколько месяцев настанет мое время, через три месяца я войду в нирвану. Я уйду, а вы остаетесь. Никогда не прекращайте борьбы, о монахи! Тот, кто не будет спотыкаться в дороге, избегнет рождения, избегнет смерти, навсегда избегнет страданий.

На следующий день он снова бродил по городу, спрашивая подаяние. Затем вместе с несколькими учениками он отправился по дороге в город Кусинагара, туда, где решил войти в нирвану.

17

Учитель и его ученики остановились в Паве, в саду кузнеца Кунды. Кунда пришел воздать им почести и попросил:

— Мой Господин, окажите мне честь, соблаговолите пообедать завтра в моем доме.

Учитель принял приглашение. На следующий день Кунда приготовил для гостей свинину и другие вкусные вещи. Монахи пришли и расселись по местам. Когда Учитель увидел свинину, то указал на нее перстом и произнес:

— Никто, кроме меня, не должен есть это блюдо, Кунда. Ты должен сохранить его для меня. Мои ученики насытятся другими лакомствами.

Поев, он сказал:

— Закопай глубоко в землю то, что я оставил нетронутым: только Будда может есть такое мясо.

Затем он ушел, сопровождаемый учениками. Они не успели далеко отойти от Павы, как Учитель почувствовал недомогание. Ананда опечалился и стал проклинать кузнеца за то, что он предложил Господину роковое блюдо.

— Ананда, — сказал Учитель, — не гневайся на Кунду. Великая награда ждет его за ту пищу, что он дал мне. Из всего, что я когда-нибудь ел, два блюда заслуживают наивысших похвал: одно из них приготовила для меня Суджати, а другое — Кунда, кузнец.

Он превозмог слабость и вскоре достиг берегов реки Какутшти. В ее мирных и чистых водах он совершил омовение. После купания Учитель напился, а затем отправился в манговую рощу. Там он сказал монаху по имени Кундака:

— Сложи мою рясу, чтобы я мог возлечь на нее и отдохнуть.

Кундака с радостью повиновался. Он быстро сложил рясу вчетверо и расстелил ее на земле. Учитель возлег, а Кундака сел рядом с ним.

Учитель отдыхал несколько часов. Затем он снова отправился в путь и, наконец, прибыл в Кусинагара. Там, на берегах реки Хиранъявати раскинулась красивая тихая роща.

Господин сказал:

— Ступай, Ананда, и приготовь мне ложе меж двух сросшихся деревьев. Изголовье пусть будет на север. Поторопись, Ананда, ибо я болен.

Ананда приготовил ложе, и Учитель простерся на нем.

18

Хотя сезон цветения еще не наступил, два дерева, давшие убежище Учителю, были покрыты цветами. Лепестки нежно опускались на его ложе, а с небес доносились сладчайшие мелодии, которые словно стекали на землю.

Учитель обратился к благочестивому Ананде:

— Взгляни: сезон цветов еще не настал, но эти деревья покрыты цветами, и их лепестки опускаются на меня, словно капли дождя. Внемли: здесь радостно от песен, что счастливые Боги поют в небесах в честь Будды. Но Будда снискал почести гораздо долговечнее, чем эти. Монахи, монашки, верующие; все, кто видит истину; все, кто живет в Законе, — вот кто оказывает Будде высшую честь. Поэтому вы должны жить в соответствии с Законом, Ананда, и даже в самых обычных делах вы должны следовать священному пути истины.

Ананда плакал. Он пошел прочь, пряча слезы.

— Я еще не заслужил прощения за многие бывшие прегрешения, — думал он, — и я еще увеличу свою вину будущими проступками. О, как я далек от священной цели, а Учитель, который проявлял ко мне сострадание, уже близок к тому, чтобы войти в нирвану.

Учитель призвал его обратно и сказал:

— Не печалься, Ананда, и не отчаивайся. Запомни мои слова: однажды нам всем придется разлучиться с тем, что восхищает нас, с тем, что мы любим. То, что родилось когда-то, не может быть иным, как лишь непостоянным и обреченным гибели. Может ли то, что родилось, может ли то, что было создано когда-то, длиться вечно? Ты долго оказывал мне честь, Ананда, ты был преданным учеником. Дружба с тобой была счастливой, ты хранил ей верность в мыслях, словах и поступках. Ты уже сотворил великое

добро, Ананда; продолжай следовать праведным путем, и все прошлые проступки простятся тебе.

Наступила ночь. Жители Кусинагара прослышали, что Учитель пребывает на ложе меж двух сросшихся деревьев, и пришли большими толпами, чтобы воздать ему почести. Пришел и старый отшельник Субхадра, который поклонился Учителю и засвидетельствовал свою веру в Будду, в Закон и в общину. Субхадра оказался последним из преданных, кому посчастливилось увидеть Господина.

Ночь была прекрасна. Учитель обратился к сидевшему рядом Ананде:

— Быть может, ты думаешь, Ананда: “У нас больше нет Учителя“. Но ты не должен так думать. Остается Закон, которому я научил вас. Пусть он ведет вас, Ананда, когда меня уже не будет с вами.

Еще он сказал:

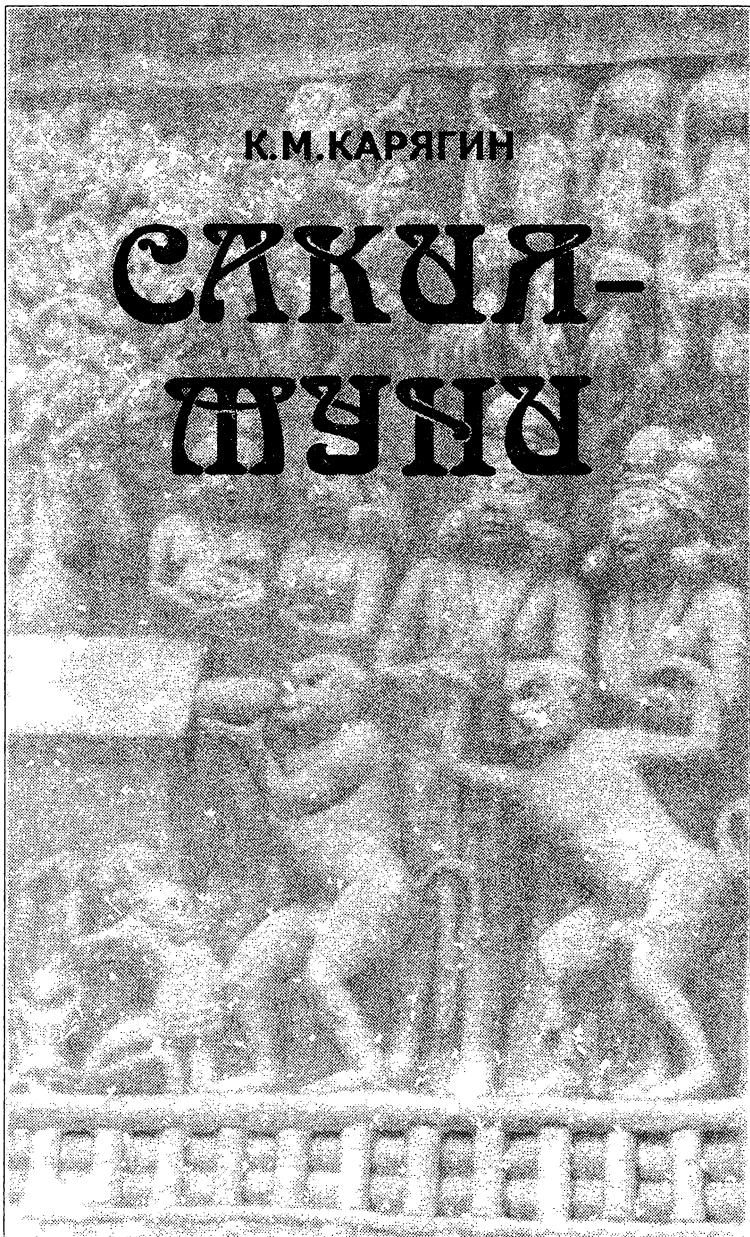
— Воистину, о монахи, все, что создано, подлежит гибели. Никогда не прекращайте борьбу.

Он больше не принадлежал миру. Его лицо стало сияющим золотом. Его дух поднялся в пределы высших радостей. Он вошел в нирвану. Земля содрогнулась, и гром прогремел по небу.

Возле крепостных стен жители Кусинагара соорудили великий погребальный костер, достойный царя всего мира, и на рассвете сожгли тело Благословенного.

К. М. КАРЯГИН

САКУЯ- ШУНУ

ВВЕДЕНИЕ

*Краткий очерк социального и политического быта Индии до Сакиа-муни * Религия, мораль и философия Индии до Сакиа-муни.*

Со времен глубочайшей древности Индия привлекала к себе внимание всех народов. В их воображении эта страна с ее роскошной растительностью и почвою, скрывающей в своих недрах неиссякаемый источник плодородия и неисчислимы сокровища, казалась земным раем, полным таинственных чудес. Еще в эпоху, о которой сохранились в истории одни лишь смутные сведения, сюда проникли арийцы, впоследствии принявшие название индусов (что значит «синий», «смуглый»), и, постепенно покорив черных аборигенов страны, выработали здесь в продолжение тысячелетий свою своеобразную цивилизацию, своеобразную именно той общей всем восточным цивилизациям чертой, что она также страдает недостатком прогрессивного развития — Восток по преимуществу является царством неподвижности и застоя.

Эта черта восточных цивилизаций обуславливается главным образом, как мы увидим далее на примере Индии, тесною связью социального быта восточных народов с их религиозными воззрениями.

Кроме того, самые климатические и физические условия Индии сильно влияли на развитие культуры арийцев. Помимо туземцев арийцам приходилось здесь бороться с могучей природой Индостана и бороться с неодинаковым успехом — местами одолевал человек природу, местами сам покорялся ей. Величественные горные хребты, громадные реки, непроходимые леса и болота — рассадники губитель-

* В очерке повсеместно сохранена орфография первоисточника.

ных болезней, джунгли, подобные лесам, засухи, наводнения, разного рода дикие кровожадные звери и, наконец, самый климат страны, жаркий и знойный, — все это препятствовало успешной культуре страны. Но, в конце концов, человек, хотя и с громадной затратой сил, оказался победителем, он выработал свою культуру, довел ее до известной степени совершенства, но на этой степени и остановился, подавленный созданными самим же им религиозными и нравственными воззрениями.

Героическую эпопею этой борьбы арийцев с природой страны и с подобными себе и постепенное покорение шаг за шагом последних первыми можно проследить по древнейшим литературным памятникам, принадлежащим Индии, — «Ведам» и «Законам Ману». Веды представляют произведения целых веков и поколений. Существенные элементы их принадлежат глубочайшей древности, по крайней мере в своих первоначальных частях. Эти произведения состоят из собрания гимнов, полных живой и детски наивной поэзии, хотя местами и монотонной. По ним легко можно представить себе картину религиозной и социальной жизни арийцев той эпохи, когда они только что оставили свое прежнее отечество и жили по берегам Инда, не распространяясь на восток и юг страны, и когда образ их жизни отличался простотой нравов патриархального быта, еще не знавшего позднейшего разделения на касты и сословия. Этот период истории арийцев называется ведийским.

Кодекс законов, известный под названием Законов Ману, рисует нам картину следующей эпохи истории арийцев — периода браманского. Законы Ману по степени важности и значения для религиозной и социальной жизни арийцев занимают первое место после Вед. В них собраны все постановления, определившие и установившие все отношения религиозной, политической и общественной жизни индусов. По этим двум памятникам мы и попытаемся представить картину жизни арийцев до Сакиа-муни.

Первоначальной единицей арийского общества, как и всех других древних патриархальных обществ, была семья. Семья находилась под абсолютною властью отца — отец был ее царем, судьей и жрецом, но при всем своем абсолютизме он не был личным владыкой семьи, а только воплощением или представителем ее прав и обязанностей. Доблести и подвиги каждого отдельного члена семьи распространялись на всю семью, за все его проступки и обязательства отвечала также вся семья.

Семья была неделима, и как бы ни была она многочисленна, она, тем не менее, оставалась одним юридическим лицом, а ее имущество — земля и проч. — общим и

неразделенным под управлением отца, обязанности которого после его смерти переходили к сыну.

Развиваясь из семейства, всякое патриархальное общество существовало на принципе кровного родства. Этот принцип, как мы увидим далее, особенно строго применялся у арийцев. В патриархальном обществе все взаимные отношения, права и обязанности были основаны на факте действительного или предполагаемого происхождения от одного общего предка, и, разумеется, если к такому обществу примыкали почему-либо люди чужого рода, то они не пользовались правами и преимуществами родственных членов, за исключением случаев усыновления. Подобное присоединение чужого элемента положило начало социальной дифференциации, разделению общества на сословия.

Когда и как случился у арийцев переход от патриархального быта к быту с определенным государственным устройством, трудно точно сказать — уже издавна из среды арийского общества стали выделяться семьи, на которых лежали известные обязанности. Исполнение этих обязанностей переходило от отца к сыну и считалось наследственным, а со временем эта наследственность получила и религиозную санкцию. Вследствие этого арийское общество постепенно разделилось глубокими пропастями на четыре сословия, или касты: касту жрецов, или браманов (чистых), касту воинов, или кшатриев, касту вайсьев, или ремесленников, купцов и земледельцев, и касту судр. Последняя каста образовалась из покоренных народов и составляла самую многочисленную часть народонаселения Индии: этим народам арийцы в противоположность себе дали название «млечча» — нечистые (слово «ариец» означает «благородный»).

Желая сохранить чистоту крови своего племени и опасаясь, что вследствие своей малочисленности они могут быть легко поглощены массой покоренных народов, арийцы строго исполняли законы, касающиеся подразделения на касты. Во всяком обществе, во всяком государстве существовало и существует неравенство между людьми. Везде к естественным неравенствам прибавляли еще искусственные. Повсюду сильные притесняли и притесняют слабых, но нигде это неравенство не имело такого строгого, резкого, систематического характера, как у индусов.

Законы, касающиеся каст, простирали свою строгость до того, что предписывали смотреть на членов низших каст как на существа нечистые — прикосновение их к кшатрию или браману оскверняло последних и требовало очищения. Особенно строго применялся матримониальный закон, повелевавший брать жену только из своей касты, — брак признавался законным только между членами одной и той же

касты. Дети, родившиеся от принадлежавших к различным кастам родителей, считались ниже животных и назывались чандалами.

По Ману, происхождение каст и их обязанности объясняются следующим образом: браманы были созданы из уст Браммы, верховного существа, кшатрии — из его рук, вайсьи — из лядвей, судры — из ног; сообразно этому происхождению, обязанности брамана заключались в проповеди священного слова, и его прирожденными нравственными качествами были умеренность, непорочность, терпение, мудрость; обязанности кшатрия заключались в охране общества, и им присвоены были слава, отвага, великодушие и добрая нравственность; обязанности вайсьи — в производстве жизненных продуктов, а судры — в служении трем высшим кастам. Члены трех первых каст назывались дважды рожденными, потому что при достижении юношеского возраста над ними совершался торжественный обряд принятия и посвящения в касту, что считалось вторым рождением. Посвящение состояло в торжественном возложении священного шнура, отличительного признака высших каст. Этот шнур надевался через левое плечо поперек груди. У судр подобного шнура не было. Браманы носили шнур хлопчатобумажный, кшатрии — сделанный из волокон конопли, и вайсьи — шерстяной. Таким образом, мы видим, что, по законам Ману, не только власть и уважение, но даже самые добродетели распределены между людьми неровно и являются привилегией двух высших каст; мы видим, что самые возвышенные из добродетелей представляют неотъемлемую собственность барманов, самые блестящие из них принадлежат кшатриям; что же касается низших каст, то они, собственно говоря, не обладают добродетелями, а только обложены повинностями, — вайсьи должны обрабатывать землю и ходить за скотом или промышлять, судры же — исключительно служить высшим кастам. Впрочем, вайсьи имели и более возвышенные обязанности — благотворительность, приношение жертв, чтение священных книг; у судр же, низведенных на последнюю ступень унижения, не было даже и этих обязанностей.

Подобный социальный порядок вначале благоприятствовал развитию жизни арийского общества как в умственном, так и в политическом отношении; культура страны достигла высокой степени развития; но с течением времени тот же порядок парализовал дальнейшее ее развитие — она развилась настолько, насколько допускали пределы, положенные религией. Мы уже упоминали, что социальный строй индусского общества основывался на религии, а так как религия везде рассматривается как нечто постоянное и

неизменяемое, то и основания социального быта, построенные на религиозных началах, являлись неизменяемыми. В самом деле, цивилизация индусов, насколько она выражается в успехах умственной жизни народа, — в успехах науки, философии и искусства, остановилась на пределе, указанном религией. Сдерживаемая тесными рамками религиозных догматов, наука и философия погрузились в дебри отвлеченных вымыслов, а искусство, не имея простора, необходимого для творческой фантазии художника, нашло себе исход в изображении чудовищных фантастических форм. Оно отличалось мистическим характером — символика преобладала в живописных, скульптурных и архитектурных произведениях. Музыкальное искусство, очень любимое этим кротким и меланхолическим народом, было единственным, пожалуй, избегнувшим влияния религии, чего нельзя сказать о поэзии. Поэзия была очень развита у индусов; в ней преобладали эпические и лирические произведения, отличающиеся глубоким чувством; многие дорогие человеческому сердцу привязанности, а также человеческая скорбь изображаются в них в высшей степени трогательно. Но и на поэтические произведения религиозное влияние наложило свой глубокий отпечаток.

По свидетельству греческих историков, Индия за шесть — семь веков до Рождества Христова представляла следующую картину политического и культурного состояния: в это время в Индии уже было множество богатых и больших городов, принадлежавших более или менее обширным и могущественным государствам с деспотическим правлением или бывших самостоятельными республиками.

Чтобы дать понятие о городах и городской жизни того времени, мы приведем здесь поэтическое описание одного из таких городов: «Три широкие, всегда чисто содержимые улицы, выровненные по шнуру, тянулись во всю его длину. Дома, построенные один возле другого, окружались светлыми дворами, длинными колоннадами и великолепными террасами. Над дамами горожан, подобно горным вершинам, возвышались купола дворцов. В разных местах города виднелись площади, парки с прудами и прекрасные сады. Высокие насыпи и глубокие рвы окружали его отовсюду. В его стенах, обложенных разноцветными камнями наподобие шахматной доски, сделаны были крепкие ворота с прочными запорами. На гребне стен стояли лучники на страже “у смертоносного оружия”. Улицы города были полны движения: по ним постоянно ходило и ездило множество чужеземцев, послы иностранных государств, купцы со слонами, лошадьми и повозками. Из домов неслись звуки тамбуринов, флейт и стройного пения; воздух был напоен курящимися

благовониями, запахом цветов и жертвенных приношений. По вечерам сады и парки наполнялись толпами гуляющих, а на портиках собирались молодые люди и девушки для веселых танцев».

Из государств того времени наиболее значительными были Косала (современный Ауд), занимавший плодородные поля по берегам реки Сараджаны, и Магадха, нынешний Бихор. Цари Косалы имели свое пребывание то в их древней столице Аджадхии, то в новой — Сравасти. В конце шестого века в Косале правил царь Прасенаджати.

В Магадхе столицей был г. Раджагриха (Царский дом). Он был расположен к югу от современного города Патна; развалины г. Раджагрихи до сего времени служат местом паломничества буддистских пилигримов. Магадха была самым могущественным и обширным владением того времени; она простилась от Бенгальского залива и Брахмапутры до Бенареса. На юге ее границей были Виндийские горы, а с севера Гималаи. В Магадхе при Сакиа-муни царствовал Вимбасара, вступивший на престол в 603 г. до Р.Х.

Из менее важных государств назовем царство Каси, лежавшее около нынешнего Бенареса, тогда называвшегося Варенаси, страну малласов с г. Кусинагарой и г. Вайсали, торговую республику.

Исторические памятники той эпохи рисуют блестящими и роскошными красками картину жизни привилегированных классов — царей, вельмож, браманов, кшатриев.

Золотая и серебряная домашняя утварь, великолепные шелковые одеяния, вытканые золотыми нитями, оружие, отделанное драгоценными камнями, составляли неизбежную принадлежность их жизни. Роскошные дворцы царей и вельмож утопали в тенистых садах, в которых свежесть поддерживалась многочисленными прудами, покрытыми бесчисленными лотосами — священными растениями, символом производительных сил природы. Эти лотосы поражали своею красотой зрение и наполняли воздух благоуханиями. Вне города цари и вельможи имели обширные парки, куда они выезжали великолепными кортежами на лошадях и слонах, и здесь в тиши и удалении от городского шума, в тени магнолий и пальм, наслаждались весельем и отдыхом от забот правления. Гаремы царей и вельмож были многочисленны: кроме двух или трех главных жен, у них было обыкновенно множество наложниц, и рождавшиеся дети часто отдавались на попечение разом нескольких кормилиц. Бесчисленное множество разного рода служащих — медиков, астрологов, танцовщиц, музыкантов, фокусников и других находилось при дворах царей и вельмож. Благодаря этой роскоши жизни привилегированных классов промыш-

ленность и торговля сильно развились. По стране беспрепятственно двигались торговые караваны; по ее дорогам постоянно тянулись целые вереницы нагруженных товарами верблюдов, слонов, быков, ослов и даже людей.

Наиболее распространенными товарами были разного рода предметы роскоши — шелковые ткани, сандальное дерево, драгоценные камни, духи и проч. Торговцы из жажды барышей часто решались даже пускаться в открытое море, например, посещали остров Цейлон, и между купцами встречались обладавшие несметными сокровищами. Торговыми операциями занимались преимущественно ваисьи — это была, как мы знаем, их прямая обязанность по закону Ману, но тот же Ману разрешил заниматься торговлей и браманам, чем последние пользовались, являясь опасными конкурентами ваисьям, ввиду того, что браманы не обязаны были платить какие-либо подати или повинности. Но все предметы роскоши, циркулировавшие в торговле и промышленности, потреблялись только высшими классами; на остальной массе лежала исключительно обязанность доставлять средства высшим классам для приобретения этих предметов роскоши, и в то время как высшие касты в роскоши блестящей внешней жизни находили временное утешение и забвение от давивших все индусское общество религиозных воззрений, народная масса находилась в самом жалком положении убийственного поголовного рабства, подавляемого двойным игом деспотизма государственного и деспотизма религиозного. Тем не менее, народ с кротостью переносил свою плачевную судьбу и строго выполнял все то, что требовали от него нравственные правила и религия, к изложению сущности которых мы сейчас и перейдем.

Религия индусов представляла собою идеалистический пантеизм и отличалась крайним мистицизмом. Идеализм, созерцательность и фантазия были издавна свойственны нравственному и умственному складу арийского племени. Арийцев не удовлетворяла грубая и прозаическая действительность окружающей их жизни, «они стремились к иному, идеальному миру», и их пылкая, проникнутая глубокой поэзией фантазия населила весь мир богами и обоготворенными героями. Агни, бог огня, Индра, царь неба, воинственный и грозный бог, вокруг которого группируются Маруты, не менее грозные боги молнии и урагана, сыновья бога Рудры, покровителя, Вишну, Брахамати и многие другие боги составляли пантеон арийских божеств в период воинственной жизни арийского племени, когда он нуждался в защите грозных и воинственных богов. Кроме обоготворения природы и ее сил в религиозный культ арийцев входили верования в переселение душ и поклонение душам умерших

предков. Верование в переселение душ принадлежит почти всем древним религиям. Человеку трудно было примириться с мыслью, что жизнь его есть нечто временное, проявляющееся в вечности лишь на мгновение и затем исчезающее навсегда, и он создал это верование. Он верил, что жизнь, этот величайший дар природы, вечна, что она, исчезнув со смертью человека, переходит в тела других одушевленных существ и после целого ряда переселений опять воплощается в человеческом существе. Он думал, что страдания и горести настоящей жизни есть следствие несовершенства жизни предыдущей и что благодаря заслугам он может возродиться для более счастливой жизни.

Таковы были религиозные воззрения арийцев в патриархальную и воинственную эпоху их жизни.

Но период завоеваний миновал, наступило время мирной земледельческой жизни и прочного государственного строя. Благодаря кастовому порядку высшие классы имели возможность отдавать духовной жизни более времени, чем в предшествовавшую эпоху, и фантазию арийцев перестали привлекать грандиозные мифологические образы. Они пошли далее в развитии пантеизма, и он стал первым и последним словом всей религии индусов. Они стали представлять божество как вселенную в ее целом, как общую совокупность явлений природы, стремились отыскать божество в понятии о бесконечном. Отличаясь страстной и пылкой фантазией, к которой впоследствии присоединилось горькое разочарование в земной жизни, арийцы стали искать в жизни только то, что считали в ней непреходящим, неизменным, стали представлять ее только призраком бытия и прониклись мыслью о ничтожестве человеческой жизни.

Выразителями и истолкователями этих пессимистических взглядов на жизнь были браманы.

По их учению, истинное, действительное бытие заключалось только в единой всеобщей сущности, в мировой душе, бесконечной и неизменной Бrame; в ней был центр и источник бытия; вне Бrame были только иллюзия, обман, заблуждение и всякое отдельное существование было лишено всякого самостоятельного значения. От этой мировой души все происходит и к ней все возвращается. Душа человека тождественна мировой душе и является частицей этой души, ее изливанием, и главным желанием человеческой души должно быть стремление возвратиться к своему первоначалу путем нравственного усовершенствования; в противном случае душа никогда не освободится от переселений из одной телесной оболочки в другую.

По учению браманов Брама заключал в себе три начала — начало творческое, начало сохранения и начало разру-

шения — Брамму, Вишну и Шиву. Эта тройственность в браманской теологии известна под именем «Тримурти». Все в мире совершалось по законам, установленным Брамой или, скорее, Тримурти, но время от времени порядок нарушался и тогда для восстановления гармонии божество воплощалось и сходило на землю под именем Кришны. Воплощения эти имели различные причины: иногда они совершались для того, чтобы исправить расстройство в видимой материальной природе, иногда — чтобы направить жизнь человеческую к ее целям или же искоренить зло, воцарившееся среди человечества.

Доктрина браманов всецело царил над умами арийцев, и все их усилия устремлялись к достижению нравственного и религиозного идеала — соединению с Брамой. Пути к соединению с Брамой, по учению браманов, служили или подвиг — умерщвление плоти разного рода физическими истязаниями, или созерцание, т. е. стремление путем разного рода мистических обрядов к уничтожению (своей. — *Ред.*) души в сущности Браммы. Впрочем, надо заметить, что то и другое было только достоянием касты браманов, потому что они только могли надеяться на соединение с мировой душой, члены остальных каст могли рассчитывать только на возрождение в браманской касте или же в одной из высших, и на них лежала только обязанность исполнять предписания, данные браманами. Заметим здесь, что вышеупомянутые религиозные воззрения принадлежали преимущественно двум высшим кастам; простой народ менее ревностно относился к этому культу. Метафизические воззрения браманов были ему чужды, и он продолжал придерживаться древнего культа обожания природы; занятый непосильным трудом, он не имел времени вникнуть в отвлеченные тонкости браманской теологии, и в то же время находясь в постоянном общении с природой и чувствуя на каждом шагу ее влияние и могущество, он из среды древних богов выбрал тех, которые наиболее отвечали его желаниям и потребностям.

Народ, как было сказано, уже пережил воинственный период своей истории и перешел к мирному возделыванию полей — и он забыл воинственного Индру и стал призывать Вишну, бога земли и света, ход которого регулировал времена года и который совместно с другим богом, Гора, считался покровителем земледелия. Но верование в переселение душ проникло глубже в сознание народа и, вследствие этого, он, подобно высшим кастам, безропотно покорялся предписаниям браманского ритуала, хотя значение этого ритуала было для него темным. Он с кротостью выполнял тяжелые покаяния, приносил бесчисленные жертвы (всех необходимых жертвоприношений, по Ману, было пять разрядов;

совершение этих жертвоприношений считалось обязательным для каждого и притом каждое утро и вечер), одним словом, исполнял все предписания браманов в надежде улучшить свое будущее бытие, возродиться при лучших условиях в будущей жизни. Предписания же браманов доходили до мелочей и касались не только духовной, но и физической жизни арийцев, например ими было предусмотрено, какая пища, одежда и даже постель и способ приготовления этой постели должны соблюдаться в той или другой касте. При малейшем нарушении этих предписаний каждый рисковал возродиться в низшей касте и при самых тяжелых условиях новой жизни, и подобная оплошность могла быть искуплена только путем строгих и жестоких покаяний.

Разумеется, эта бесконечная неутешительная перспектива беспрестанных возрождений при тех же самых плачевных условиях страшила народ и лежала на нем, и без того уже задыхающемся под давлением системы каст, тяжелым бременем, и народ постепенно слабел, и стремление к покою, общее племенам жаркого пояса, выразилось в нем особенно сильно и подавляло в нем все остальные чувства. Этот народ, противно всем законам человеческой природы, инстинктивно боящийся, как злейшего врага, смерти, страстно жаждал ее, его пугала возможность «прожить еще сто долгих зим» и приводила в отчаяние необходимость и неизбежность перерождений, а, стало быть, новой жизни, новых страданий, новых мучений. Идеалом народа сделалось стремление покинуть этот мир, который был, по его мнению, бездной, преисполненной зла и страданий.

Подобное мировоззрение, кажется, пожалуй еще более странным, когда мы узнаем правила нравственности, приводимые в законах Ману. Эти правила также тесно связаны с религией и считались откровением божества. Они отличаются в некоторых случаях кротким и снисходительным характером. Из них первое место занимают любовь и уважение ко всем живым существам, что было следствием верования в переселение душ. Законами Ману счастье обещается тому, кто щадит жизнь животных, причем браманам предписано пользоваться такими средствами пропитания, которые не соединены с вредом для одушевленных существ или которые причиняют им как можно менее зла. Эта заботливость доходит до того, что браманам запрещено раздавливать без всякой причины глыбы земли и срывать травки. Тем более следует воздерживаться причинять людям зло. «Никогда не следует показывать дурное расположение духа, если бы мы даже были обижены, ни стараться вредить другим, ни даже помышлять об этом; не должно произносить ни одного слова, которое могло бы кого-нибудь оскорбить». «Тот, кто кроток,

терпелив, чужд общества злых, получит доступ на небо за свою любовь к ближнему». «Кто прощает брань огорченным людям, почтен на небе. Кто мыслит о мщении, тот потерпит наказание». Вот некоторые черты морали браманов, приводимые в Ману. В других рекомендуется сострадание к несчастью и уважение слабости. «Дети, старцы, бедные и больные, — говорит Ману, — должны считаться властелинами земли». Женщине как существу слабому также должно быть оказываемо уважение. «Везде, где женщины пользуются уважением, там общество удовлетворено»; в противном случае все благочестивые дела напрасны. Но надо заметить, что Ману же дает относительно женщины и другие постановления, вызванные сознанием слабохарактерности женщин. «Женщина никогда не должна вести себя, как ей хочется». «Женщина никогда не должна исполнять своего желания, даже в своем доме». Наконец, женщина называется ни чем иным, как только собственностью мужа, и притом это право выражено в очень грубой форме. В ней женщина уподобляется полю, а засев и урожай принадлежит владельцу поля. По Ману же мы можем представить себе и семейные отношения индусов.

«Муж составляет одно лицо с своею женою». «В каждой семье, в которой муж нравится жене, а жена мужу, счастье упрочено навсегда». Союз девушки с юношей, основанный на обоюдном согласии, называется браком небесной гармонии. Жене предписывается любить и уважать своего мужа и по смерти его не произносить даже имени другого мужчины, и за это ей обещается полное блаженство в будущей жизни. Вот взгляд арийцев на отца и мать: «отец изображает собою творца вселенной, мать изображает землю». «Отец, говорится в другом месте, достойнее ста наставников, мать достойнее тысячи отцов; для того, кто не уважает их, всякое благочестивое дело не имеет никакого значения. Вот в чем заключается главная обязанность, всякая другая уже является второстепенною». Мы привели несколько черт нравственности, касающихся всех классов народа. Посмотрим теперь, какова была нравственность двух высших каст. Мы знаем, что законы Ману приписывали браманам самые высшие нравственные качества и, между прочим, рекомендовали им избегать всяких мирских почестей и находить унижение столь же приятным, как амброзия, но это притворное смирение скоро заменилось самой наглой надменностью. Рождение брамана стало считаться священным событием — это воплощение справедливости; он — самодержавный властелин всех существ; все, что находится в мире, все составляет его собственность, он имеет право на все существующее. Остальные люди пользуются земными благами только благо-

даря великодушную брамана. Наконец, браман, будь он учен или неучен, есть могущественное божество. Но браманы сами по себе не были в состоянии защищать свои преимущества, поэтому они освятили религией и сделали священными преимущества касты воинов и взамен этого требовали от последней себе поддержки. Но, принимая защиту воина, браман все-таки не признавал его себе равным. Вот как говорит об этом Ману: «браман 10 лет, а кшатрий 100 лет считаются один — отцом, другой — сыном, и из них браман есть отец и к нему должно питаться сыновнее уважение».

Итак, браманы неограниченно господствовали над народом; но, несмотря на преобладание браманов, правление в Индии не было теократическим, а монархическим, хотя власть царей и ограничивалась влиянием тех же браманов. Индусы смотрели на царя как на божество в образе человека. По их верованиям, верховное существо создало царя из частиц богов Индры, Анилы, Сурии, Ямы, Агни и других божеств, и вследствие этого царь как существо, созданное из сущности главнейших богов, превосходит остальных смертных. О монархе нельзя отзываться презрительно, хотя бы даже он был ребенком, и говорить о нем: «ведь это простой смертный». Но и божественное происхождение не освобождало царей от уважения браманов. Царь обязан был свидетельствовать им свое почтение, как только встанет от сна, должен был сообщать им о всех своих делах, доставлять им пропитание и отдавать часть от всех приношений. Если царю доставалось какое-нибудь сокровище, то половина его принадлежала браманам, если же браманам, — то они имели право оставить себе все. Собственность браманов в случае смерти и неимения наследников переходила к браманам, но ни в каком случае не к царю, точно так же, за неимением наследников у кого-либо из лиц других каст, наследство поступало в пользу браманов. Имущество браманов было священно, царь не мог его касаться, даже в величайшей нужде он не должен брать подати с брамана. Все эти правила сопровождаются самыми страшными угрозами тем, кто отважится притеснять людей, «способных в своем гневе образовать другой мир и другие страны мира и превратить богов в смертных». Таким образом, цари были в руках браманов, и их власть касалась только двух низших каст, лишенных всякой свободы и всякого влияния. Царь должен был принуждать их исполнять свои обязанности, потому что если бы они хотя на минуту уклонились от исполнения этих обязанностей, то были бы виною разрушения мира. Низшие касты должны были беспрекословно исполнять свои обязанности, потому что творец отдал весь род человеческий под защиту браманов и кшатриев. Ваисье, например, ни в каком случае

не должна приходиться в голову мысль: «Не хочу ходить за скотом». Это была его обязанность, и он должен был исполнять ее. Судра же даже не имел права владеть собственностью, он был раб, а так как раб не имеет никакой собственности, то у него нет ничего, чем бы господин его не мог завладеть. Понятно, что при такой социальной системе, основанной на деспотизме и рабстве, на всех ступенях общественного строя охранительным началом служило наказание, и действительно, наказание прославляется и возносится наравне с божеством. «Наказание есть могучий властелин, оно искусный правитель, мудрый применитель законов: в нем лучшее ручательство в исполнении четырьмя кастами их обязанностей. Наказание управляет человеческим родом и покровительствует ему; оно бодрствует в то время, когда все спит, наказание есть сама справедливость». «Наложное осмотрительно и кстати, оно доставляет людям счастье, но, примененное неосторожно, совершенно его парализует». «Если бы наказание не исполняло своей обязанности — мир пришел бы в смятение, все преграды (между кастами) были бы низвергнуты». И древнее законодательство не скупится на самые страшные и строгие меры наказания — смертная казнь, лишение какого-либо члена тела, изгнание, конфискация имущества играют между ними преобладающую роль.

Как мы видим, в основных чертах морали браманов смешиваются самым странным образом ужаснейший деспотизм и порабощение низших каст с трогательными началами учения, страшнейшие угрозы с правилами, твердящими о сострадании.

Преобладающей идеей в учении браманов была, как мы знаем, идея о ничтожестве земной жизни и о соединении с вечным — Брамой. Подобное мировоззрение создало в среде браманов характерное явление — это отшельничество. Оно было очень развито в Индии и пользовалось большим сочувствием со стороны всего общества, потому что идеи страданий и освобождения от них были общи всем классам арийского общества. Сперва только одни браманы, а со временем люди других каст, всецело отдавшиеся идее желанного освобождения от влияния на душу всего чувственного, разрывали связь с миром и удалялись в уединение, где подвигами суровой жизни стремились заблаговременно приготовить себе блаженство в будущей жизни. Нередко сами цари на склоне лет оставляли свое завидное положение и в тиши лесов предавались благочестивым размышлениям. Звание отшельника было священно в глазах народа, и он охотно доставлял им пропитание. Цари и вельможи также покровительствовали им и осыпали щедрыми подаяниями. Конеч-

но, при таких благоприятных условиях число отшельников быстро увеличивалось во всей Индии. Они разделились на несколько групп — одни, произвольные труженики, налаживавшие на себя всевозможные более или менее тяжелые истязания, например, они сидели более или менее продолжительное время между четырьмя пылающими кострами и с постоянно воздетыми к небу руками, спали на горячем пепле или на утыканной гвоздями доске, выдерживали долгий и строгий пост и т. д.; другие — созерцатели, искавшие покоя в бездействии духа и тела; третьи — соединявшие и мученические истязания, и созерцание; четвертые — скитальцы, бродившие по деревьям и эксплуатировавшие суеверие народа разного рода гаданиями и фокусами. Главный притон отшельников был в Магадхе. Отшельники жили в ущельях и пещерах горы Гридракута, находившейся в окрестностях г. Радусагрихи, в лесах, простиравшихся на юг и юго-восток от г. Радусагрихи до г. Гайи, развалины которого известны под именем Будда-Гайи, и по берегам реки Ниранотжиры; в лесах обитали преимущественно пустынноики-созерцатели. Образ жизни отшельников был различен — некоторые из них придерживались полного уединения и тщательно избегали всякого сближения с остальным миром, другие старались держаться вблизи один от другого и время от времени собирались для совместных бесед; наконец, третьи жили общинами со строго установленными правилами общежития.

Как было сказано, отшельничество явилось результатом мрачных воззрений на жизнь человека, проповедуемых браманами, и, в свою очередь, послужило началом реакции против основных догматов учения браманов. Среди отшельников некоторые, обладавшие выдающимся и критическим умом, не удовлетворялись началами браманской теологии, философии и морали и выработали свои новые философско-религиозные доктрины. Конечная цель этих новых школ была та же, что и у браманов, т. е. стремление к счастью в этой и загробной жизни, т. е. к приучению души относиться бесстрастно к явлениям жизни, ее скорби и радости, и таким образом освободить душу от переселения, но они расходились с браманами в средствах достижения этой цели. Из этих новых философских школ, сбросивших с себя схоластические путы браманизма и отвергнувших его мертвящую ум и чувство обрядность, мы укажем только на философию Санкхьи, основателями которой были Капила и Патанджали, потому что их философия имеет некоторые сходные черты с учением Сакиа-муни. Философия Санкхьи являлась рационалистической реакцией против чрезмерных требований браманов, она нападала на учение браманов о Тримурти, не признавала значения жертвоприношений и

внешней обрядности, критически относилась к теологии и авторитету Вед, доходила даже до отрицания существования богов, которым адресовались жертвы, и сильно подорвала значение браманской касты учением, что каждый человек, к какой бы касте он ни принадлежал, может освободить свою душу от переселений. По учению Капилы и Патанджали, душа существовала сама по себе, она была отлична от природы, явления мира не производились ею и не касались ее, они были делом верховного существа, душа же являлась только орудием его. Чтобы освободиться от переселения, душа должна постигнуть эту истину и тогда она может относиться к явлениям жизни совершенно равнодушно, и хотя волнения мира не могут не восприниматься чувством, сознанием, разумом, но в душе, постигшей истинное познание, все эти волнения отражаются как образ в кристальной воде, нисколько не волнуя ее. По смерти тела душа, сознавшая свое отличие от природы, освободится от всех вещественных уз как чуждого ей начала и не возвратится в круговой круг переселений, но перейдет в первобытное состояние чистого духа. В своем развитии эта философия впадает в крайний экзальтированный мистицизм, и в этом отношении ее можно сравнить с философией мистиков всех времен и сект. Как мы видим, она учила, что душа может достигнуть своего освобождения только познанием, но не внешним, приобретаемым путем наведения и наблюдения, а внутренним познанием самого себя, самосозерцанием. Мы знаем, что созерцание входило и в учение браманов как путь к духовному соединению с Брахмой, но к созерцанию они присоединили еще умерщвление плоти: чтобы достигнуть полного бесстрастия ко всему внешнему, видимому, они учили: «кто, подобно слепому, видя, не видит, подобно глухому, слыша, не слышит, подобно дереву, бесчувствен и неподвижен, о том знай, что он достиг покоя». Но философия Санкхьи не признавала умерщвления плоти и стремилась достигнуть бесстрастия путем созерцания. При содействии некоторых внутренних и внешних средств они достигали этого психического состояния. Такими средствами служило продолжительное задерживание дыхания, известное положение тела, сосредоточенное на самом себе созерцание, исключительное обращение мысли на один какой-нибудь предмет. При таком сосредоточенном положении наступает глубокий покой чувств, и созерцатель испытывает целый ряд мистических ощущений. На первой ступени этого мистического созерцания аскет освобождался от всех земных желаний и весь отдавался одной мысли о слиянии с верховным существом — им постепенно овладевало сладкое чувство блаженства, разливавшееся по всему его существу. Затем

вследствие сосредоточенности на одной мысли и вследствие совершенного покоя аскет начинал терять способность различать и рассуждать, он ни о чем уже не мог мыслить, кроме верховного существа. Далее он переходил в состояние полного безразличия даже по отношению к испытываемому им блаженству — в нем оставалось только неопределенное чувство физического блаженства. Наконец, исчезает и это чувство физического удовольствия, исчезает вместе с тем всякое чувство скорби и радости и наступает глубокое самосозерцание — аскет теряет память и делается свободным от всякого страдания, от всякого чувства удовольствия и неудовольствия — он впадает в состояние бесстрастия. При этом глубоком покое чувств душа наполняется светом и в ней возбуждается чудодейственная сила *вибути* (ясновидение) и вместе с тем способность к единению с всемирным духом (йоге). От слова единение (йога) последователи доктрины Санкхьи называются йогистами. Как читатель может видеть, это психическое состояние индусских аскетов является одним из явлений гипноза или сомнамбулизма, еще недостаточно выясненной стороны человеческой природы, обратившей на себя внимание в Европе за последнее время, в Индии же известное среди браманов и буддистов уже за несколько сот лет до Р. Х. Самоусовершенствование и высшее духовное развитие основывалось у них на этом психическом акте. Как известно, в сеансах гипнотизирования экспериментатор повергает испытуемую личность в глубокий сон, заставляя ее устремлять все ее внимание на какой-либо предмет. Вследствие этого испытуемым субъектом овладевает состояние гипнотизма, состояние, характеризующееся отсутствием личной воли — гипнотизатор может подчинить своей воле испытуемое лицо и делать ему какие угодно внушения, и оно против желания исполняет их тотчас же или же спустя долгое время после сеанса уже в бодрствующем состоянии. Подобным же образом поступали и поступают и индусские аскеты, только с тем различием, что они соединяют в одном лице и гипнотизатора, и объект опыта — сосредоточением мысли на одном предмете они усыпляют себя и, совершенно отдавшись созерцанию своих идей, они приходят в состояние экстаза. В этом психическом состоянии аскетов значительную роль играли, как это наблюдается и теперь, чисто патологические явления, следствие физического утомления от строгой отшельнической жизни, чрезвычайное душевное возбуждение, отзывавшееся на их нервной системе и вызывавшее в них явления галлюцинации слуха и зрения, неистощимую пищу которым доставляла их богатая фантазия. Такова сущность учения философской школы Санкхьи. К

этой школе принадлежала при Сакиа-муни эклектико-философская школа Ниргранта.

Кроме этих школ были школы философии Ньяя Гаутамы и продолжателя его Канады, эпикурейская школа Локайятики и другие.

В начале пятого века до Р.Х. в Индии появилась новая философско-теологическая доктрина, выделившаяся из браманизма: это доктрина Сиддартхи Гаутамы, известного более под названием Сакиа-муни (что значит мудрец из рода Сакиев), или Будды, наименование, данное ему впоследствии его восторженными последователями и означающее человека, превосходящего всех остальных людей своими умственными, нравственными и даже физическими качествами. Таких будд до будды Гаутамы насчитывается у буддистов до 94-х, и они являются ни чем иным, как заимствованием из верований браманов в воплощения Браммы под видом и формой Кришны.

Г Л А В А I

ЖИЗНЬ САКИА-МУНИ ДО ОТКРЫТИЯ ИМ ОСНОВ ЕГО УЧЕНИЯ

Место рождения Сакиа-муни, его генеалогия, рождение, детство, воспитание. Вступление в брак. Нравственный кризис. Причины его по буддийским и историческим данным. Сакиа-муни — отшельник. Его жизнь в отшельничестве. Открытие им основных истин его учения.

На северо-западе от царства Косала, между непальскими предгорьями Гималаев и средним течением реки Рапти, на восточном берегу незначительной речки Рохини, притока р. Рапти, находилось небольшое царство Капилавасту, с главным городом того же имени. Оно лежало на плодородной равнине, орошаемой бесчисленными речками и потоками, стекавшими с вершин Гималаев.

Этим незначительным царством владел род Сакиев, еще в древние времена эмигрировавший сюда с дельты Инда.

Цари Сакиев, гордость которых вошла в поговорку, вели свою генеалогию от царя Икшвакулы, сына законодателя Ману, и в числе своих предков насчитывали даже одного святого мудреца по имени Готама. От него они приняли свое фамильное прозвание Гаутама (Гаутама значит происходящий от Готамы, готамид).

Страна Сакиев, управляемая мудрыми и справедливыми царями, достигла очень высокой степени благосостояния и процветания. Главное ее богатство составлял рис, в изобилии произраставший на плодородных полях страны с ее богатым естественным орошением.

В стране среди великолепных бальзаминовых лесов всюду пестрели желтые поля риса. Многочисленные селения лежали среди этих полей, скрываясь в темной зелени магнолий и тамаринд. Бесчисленные торговые пути пересекали это царство и благодаря постоянному приливу караванов еще более увеличивали ее благосостояние и богатство.

Во второй половине шестого века до Р.Х. в этом благословенном уголке земного шара правил славившийся своею справедливостью царь Суддходана. «Царь закона, он управлял по закону. В стране Сакиев не было ни одного царя, более почитаемого и уважаемого всеми классами его подданных», — говорят про него летописи.

Первая, главная жена Суддходаны, обладала необыкновенной физической красотой и выдающимися нравственными и умственными качествами. За ее красоту ее прозвали Майя, что значит «призрак», «иллюзия».

В 623 г.* до Р.Х. у Майи родился сын, ребенку дали имя Сирватасиддартха, сокращенно Сиддартха, что значит «совершенный во всех вещах».

При его рождении, разумеется сопровождавшемся различного рода чудесами, на изобретение которых не покупились фантазия буддистов, один отшельник по имени Асита, предсказал, что новорожденному предстоит в будущем высокая судьба быть властелином всего мира, если он изберет светскую жизнь, или «совершенным, великим» Буддой, если он отречется от мира. Предсказание это Асита сделал на основании найденных им на теле новорожденного 32 главных знаков и 80 второстепенных, характеризующих, по народным воззрениям, великого человека.

Предсказание Аситы произвело сильное впечатление на родителей Сиддартхи и послужило источником тревог и беспокойства для честолюбивой души Суддходаны.

Мать Сиддартхи умерла через семь дней после рождения сына.

О детстве Сиддартхи сохранились очень сказочные сведения. Как сообщает одна древняя летопись, детские годы мальчика прошли среди приволья родных полей, где он часто

*Надо заметить, что летописи буддистов противоречат одна другой в вопросе о времени рождения и смерти их учителя и цифры годов возрастают по мере возрастания благоговения к памяти великого учителя и реформатора. Исторически верный год рождения Сакиа-муни — это 623-й.

отдавался ранним размышлениям под тенью душистого дерева джамбу и, конечно, в то же время он был окружен тою сказочною роскошью, о которой теперь трудно себе составить и понятие. В другой летописи говорится, что мальчик отличался кротким, добрым и задумчивым характером и унаследовал от матери ее физическую красоту.

Когда минул детский возраст, молодого царевича стали обучать различным искусствам и наукам; он быстро усваивал все, чему его учили, и вообще обнаружил блестящие способности как к умственным, так и физическим упражнениям. Отец отделил ему часть своих владений, окружил их блистательным двором и построил для него три великолепных дворца, по числу трех сезонов климатического года Индии — летнего, зимнего и осеннего. Сиддартха жил в этих дворцах в обществе своих сверстников, сыновей знатнейших фамилий страны.

Когда Сиддартхе наступил шестнадцатый год, отец решил женить его и выбрал ему в супруги дочь удельного сакийского князя Сопрабудды, красавицу Ясодхиру.

Но прежде чем сделаться супругом прекрасной Ясодхиры, царевич должен был по древнему арийскому обычаю выдержать состязание на турнире со всеми претендентами на руку Ясодхиры.

Состязание это обыкновенно состояло в стрельбе из лука, в плавании, верховой езде и других гимнастических упражнениях, требующих ловкости и силы.

Царевич вышел победителем из этого состязания.

Кроме Ясодхиры у Сиддартхи впоследствии были еще две жены и несколько наложниц из бывших при его дворе девушек — танцовщиц и музыкантш. Вторую жену его звали Гопа, и, по преданиям, она принадлежала не к касте кшатриев, как того требовал закон, а к касте судр — отец ее был брадобреем.

При выборе второй жены Сиддартха просил, чтобы ему нашли невесту, отличающуюся умственными и нравственными качествами, не обращая внимания на ее происхождение. Черта, очень характерная и вполне допустимая в будущем отрицателе кастовых предрассудков.

Окруженный любящими женами и преданными придворными Сиддартха прожил в своих роскошных дворцах, предаваясь всевозможным удовольствиям и наслаждениям, до 29-летнего возраста.

На 29-м году жизни в царевиче произошел резкий нравственный перелом, в силу которого он решил оставить прежний образ жизни и отдаться новому.

Когда произошел в нем этот нравственный кризис и какие причины побудили его принять это решение, достовер-

но решить нельзя. Буддийские легенды объясняют это решение так: царь Суддходана, боясь, чтобы царевич действительно не сделался отшельником, как предсказал ему Асита, старался держать сына вдали от всего, что могло бы внушить ему мысль о несчастьях и бедствиях, наполняющих этот мир, и царевич до 29 лет прожил в полнейшем неведении о зле и печали, о смерти и страданиях, и даже о старости и болезнях. Но вот прогуливаясь однажды в сопровождении своего верного возничего Чанна в садах, окружавших его дворцы, он случайно встретил согрбленного бременем лет старика, худого, с выступающими наружу жилами, с выпавшими зубами, все члены старика дрожали и от слабости он едва мог говорить.

Пораженный никогда не виданным до сих пор зрелищем, Сиддартха с удивлением спросил Чанну, что это за странное существо? Чанна ответил ему, что это старик «Что же, он и родился в таком виде и такое состояние есть принадлежность его рода?» — продолжал спрашивать царевич. «Нет, — отвечал Чанна, — когда-то и он был так же юн и цветущ, как и ты!».

Царевич, все более и более удивляясь, продолжал предлагать вопросы возничему. «Существуют ли еще подобные люди и каким образом они доходят до такого жалкого положения?» — говорил он. Чанна отвечал, что таких людей очень много и что уже таков порядок вещей, что люди стареют и дряхлеют, если не умирают молодыми. «Так же и я, Чанна?» — спросил в заключение царевич. — «И ты, господин», — ответил ему возничий. Эта встреча произвела на Сиддартху сильное впечатление, — вся красота окружающей его природы потеряла для него всякое значение, и, погруженный в глубокое и печальное размышление, он возвратился домой. Не успело заглухнуть в душе Сиддартхи впечатление первой встречи, как вторая, случившаяся также во время прогулки, еще более открыла глаза царевичу на так тщательно скрываемую от него мрачную сторону человеческой жизни. Он увидел человека, больного проказой; все тело несчастного было покрыто язвами и ранами, а в скором времени после этой встречи он увидел похоронное шествие. Когда ему объяснили значение и этих непонятных для него явлений болезни и смерти и сказали ему, что болезнь и смерть есть удел каждого человека и не щадят никого, он воскликнул: «О горе, к чему же служат царский блеск, роскошь и удовольствия, если они не могут предохранить человека ни от старости, ни от болезни, ни от смерти!? Как несчастны люди! Неужели нет никакого средства прекратить навсегда страдания и смерть!» Одним словом, эти три случая открыли глаза царевичу и произвели на него глубокое впе-

чатление. Он увидел, что в этом лучшем из миров не все так прекрасно, как ему казалось до сих пор. Он убедился в ничтожестве удовольствий молодости и утех жизни, обманчивых и скоропреходящих, он увидел суетность всех забав и наслаждений, которым он так страстно предавался, и покинул их. Он стал размышлять о зле, наполняющем мир, о несчастной судьбе человека, подверженного болезням, старости и смерти. Все его помыслы были устремлены к решению вопроса, как избавить мир от зла, и, наконец, четвертый случай — встреча с покинувшим все земные блага отшельником, поразившим его достоинством, сосредоточенным спокойствием своего вида — указал ему путь, по которому, как он думал, всего легче возможно было достичь решения мучивших его вопросов.

Он решил покинуть свои дворцы, жен, сына, только что родившегося у него, и удалиться в уединение, чтобы там обдумать причины зла, смущающего людей, и найти средство если не уничтожить это зло, то, по крайней мере, смягчить его.

Это решение, разрушая честолюбивые замыслы и надежды, возлагаемые Суддходаной на своего наследника, не могло понравиться ни царю, ни всему гордому роду Сакиев, которые относились к отшельникам с крайним пренебрежением и презрением и нисколько не уважали их. «Нельзя и требовать этого уважения, — говорил впоследствии Сакиамуни, — от потомков Кшатрия, благородного и высокого рода».

Царь всеми доступными ему средствами пытался отклонить Сиддартху от принятого им намерения. Он окружил его еще большим великолепием, приказал развлекать его танцами, пением, играми, надеясь, что эти средства отвлекут царевича от гнетущих его мозг мыслей и он забудет о них.

Но, несмотря ни на что, царевич остался непреклонным, и в одну ночь после роскошного празднества тайно покинул дворец, сопровождаемый только своим верным Чанной. На своем любимом коне Кантаке скакал он в продолжение целой ночи и только на рассвете остановился на берегу реки Аномы, в окрестностях города Кумнигары, в стране Маллаав. Здесь он отдал свои драгоценности и коня слуге и отправил его обратно в Капилавасту.

Так повествуют буддийские легенды о душевном кризисе Сиддартхи. И действительно, весьма возможно, что однообразие бездеятельной жизни и пресыщенность наслаждениями возбудили в богато одаренной натуре царевича стремление нарушить эту жизнь, вызвали в нем жажду борьбы ради достижения высших целей. Безграничная доброта и искреннее сострадание к человеку, о которых свидетельству-

ет все учение Сиддартхи, также могли послужить побудительными мотивами покинуть светскую жизнь. Он, конечно, ясно сознавал невозможность достигнуть желанных целей среди суеты мирской жизни и ничего не дающих, кроме утомления, наслаждений, и потому принял решение, как требовали понятия того времени, порвать все родственные и семейные узы и в уединении отыскать желанное осуществление заветных стремлений.

Но вместе с тем, наравне с хорошими побуждениями, здесь могли играть роль и другие, менее блестящие стороны человеческого характера, и весьма возможно, что принятое Сиддартхой решение было естественным результатом политических условий его родины, а также, как предполагает профессор Васильев, семейных неурядиц.

Дело в том, что отчизна Сиддартхи, Капилавасту, и несколько других мелких самостоятельных государств и вольных городов Средней Индии являлись не более как уцелевшими остатками существовавшего некогда союза государств и городов. Эти небольшие владения по своему географическому положению с течением времени мало-помалу входили в состав постепенно усиливавшихся царств Косалы и Магадхи, находившихся в центре Средней Индии. Как то, так и другое государство стремились образовать одну общую монархию. Государи Косалы сильно стеснили граничащее с их владениями царство Капилавасту с его западной и юго-западной границы. Они даже охотились на земле Сакиев, как на своей собственной, а современник Суддходаны и Сиддартхи насильно заставил Сакиев выдать за себя девицу из их рода по имени Моли, что было против обычая, издавна практиковавшегося у потомков Икшвакулы, не выдавать девушек своего рода замуж в чуждый род, а также не брать себе жен из чужого рода. Это насилие было тем более оскорбительно для гордого рода Сакиев, что государи Косалы не могли похвалиться своими предками: они происходили из низкой касты.

Сакии чувствовали свое бессилие и на притеснения и унижения своего рода могли отвечать только чувством глубокой ненависти к притеснителям.

При таких-то обстоятельствах наследник Суддходаны отказался от своих прав на престолонаследие — бегство Сиддартхи как раз совпадает со временем нанесенного его роду оскорбления. Сиддартха, конечно, хорошо сознавал непрочность политического положения своей родины и предвидел скорое ее падение, что действительно и случилось еще при жизни Сиддартхи.

Но какие бы ни были причины, побудившие царевича принять решение отдаться служению человечеству, оно да-

лось ему, конечно, не без тяжелой нравственной борьбы. Мирская жизнь представляла для него так много привлекательного, что отрешиться от нее раз навсегда было нелегко — ему пришлось покинуть могущество, власть, честь, славу, богатство, любовь — одним словом, все, что делает жизнь человека прекрасной, и изменить это спокойное существование на суровую и аскетическую жизнь отшельника; но, как бы то ни было, Сиддартха расстался навсегда со своим прежним положением и сделался отшельником.

Прибыв в окрестности города Кусинагары, он, прежде всего, обменялся с встретившимся ему нищим своим царским одеянием, оставив для себя только желтый охотничий плащ, который он постоянно носил (желтый цвет был присвоен в Индии одежде членов царских фамилий), и обрезал свои длинные волосы (тоже знак высокого и благородного происхождения).

Он пробыл в окрестностях Кусинагары семь дней, обдумывая, куда направить ему дальнейший путь, и, наконец, решил направиться к г. Раджагрихе. Сиддартха, конечно, слышал об отшельниках, живших вблизи этого города и славившихся своею мудростью.

Прибыв сюда, он сперва вступил в общество произвольных тружеников и сделался преврачумкой (так назывались люди, покидавшие мир с душеспасительной целью) под именем аскета Гаутамы.

Под руководством тружеников он усердно принялся изнурять свое тело жестокими истязаниями, с величайшим терпением переносил зной полуденного солнца и холод тропических ночей, бури и дожди, голод и жажду, и вообще все, что предписывалось правилами аскетизма для умерщвления плоти, но в конце концов увидел, что все эти истязания нисколько не приближают его к желанной цели; он убедился в их бесплодности, и жар к труженичеству охладел в нем; он покинул общество произвольных тружеников и перешел к созерцателям, последователям философа Санкхии.

Во главе созерцателей в то время стояли два брамана — Алара и Удаха. Как мы знаем, все усилия созерцателей устремлены были к достижению бесстрастия; они думали, что достигнут совершенства, приучая душу к твердому и безмятежному покою.

Спокойный образ жизни созерцателей очень понравился Сиддартхе, и он решил среди них возможно долгое время. Под их руководством царевич постепенно стал усваивать метод их усовершенствования; он прошел все степени символической лестницы мистических созерцаний, с помощью которых постепенно умиротворял свой дух, научился освобождать его от чувственных волнений и мыслей,

предохранять от влияния внешних впечатлений и водворять в нем непоколебимый покой.

Целые дни проводил Сиддартха в бездействии, с наслаждением погружаясь в мечтательный мир, и так полюбил это занятие, что не оставлял его в продолжение всей своей жизни.

Но и учение созерцателей не удовлетворило Сиддартху; он не мог согласиться с главным принципом их учения, что душа созерцателя, его «я», восходя по степеням созерцания, остается неизменной и что в самых выпренных самопогружениях, когда прекращается всякая деятельность и всякое движение в душе, «я» могло также существовать.

Поэтому он покинул и созерцателей и решил в одиночестве совершить труд предварительного подвижничества.

Он направился на юг Магадхи и поселился в окрестностях города Гайи, в лесу, вблизи деревни Урувелы. Здесь он в полном уединении с большей страстью стал предаваться столь полюбившимся ему созерцаниям...

В одно из подобных самосозерцаний Сиддартха наконец нашел разрешение всех мучивших его ум и совесть вопросов, разрешение, которое он тщетно искал до сих пор. Он понял наконец и разгадал тайну страданий, удручающих человека; он нашел и средство к избавлению его от этих страданий. В этом мгновенном разрешении мучивших Сиддартху вопросов нет ничего удивительного и сверхъестественного: люди, одаренные чувствительною и восприимчивою натурою, с сильно развитою фантазиею, способны переживать подобного рода ощущения и под влиянием сильного нравственного или умственного возбуждения или потрясения, под влиянием внезапно озарившей их мысли при этом возбуждении они приходят к решению занимавших их ум вопросов, находят ответы на эти вопросы. Сиддартха-Гаутама, как и большинство индусов, обладал крайне чувствительной и восприимчивой натурою и пылкой фантазиею, отшельническая жизнь могла только развить в нем эти качества, и весьма естественно, что при одном из сильных психических экстазов в его мозге могла зародиться идея, разом осветившая, как ему казалось, все то, что до того времени было для него темным и неясным. С этого времени Сиддартха-Гаутама сделался Буддою, т. е. просвещенным, а со временем его восторженные поклонники совместили в нем все совершенные нравственные, умственные и физические качества, какие только возможно допустить в человеке. Сам новоявленный Будда не думал так высоко о себе, но тем не менее был глубоко убежден в верности и основательности открытых истин и надеялся, что с помощью их ему удастся искоренить

предрассудки и заблуждения рода человеческого. Он смотрел на себя только как на единственного и общего руководителя в духовной жизни и мудрого наставника в изыскании истины. Рассмотрев всесторонне озарившую его идею, Сакиа-муни выработал свой собственный взгляд как на философию, так и на аскетику и составил новое учение, значительно отличавшееся от существовавших при нем философско-религиозных систем.

Легенды повествуют, что Сакиа-муни долго обдумывал вопрос, должен ли он возвестить достигнутое им с таким трудом знание человечеству, скованному цепями неведения и греха, или нет, и что, наконец, движимый состраданием к страждущему миру, решил возвестить ему свое учение.

Г Л А В А II

СУЩНОСТЬ УЧЕНИЯ САКИА-МУНИ

Сходные черты учения Сакиа-муни и браманов. Догматическая часть его учения: 4 истины о страдании и избавлении от них. Нирвана. Закон непостоянства. Закон воздаяний и справедливости. Мораль или аскетика учения. 10 нравственных правил. 10 целей. Отношение к кастам. Взгляд на некоторые вопросы метафизики. Форма изложения учения. Односторонность учения Сакиа-муни.

Учение свое Сакиа-муни разделил на три части: теорию, или догматику, нравственность, или аскетику, и практику, или созерцание. По своей сущности учение Сакиа-муни являлось собственно логическим выводом из учения браманов и выделившейся из браманства философии Санкхьи. Его учение также проникнуто мыслью, общей всем индусам и не чуждой всем вообще людям в известные моменты душевного состояния, о ничтожестве жизни и о том, что род человеческий обречен на страдания. Сакиа-муни только развил эту идею более глубоко и приложил ее ко всему, что имело какую бы то ни было форму существования. Все его учение сосредоточивается преимущественно на этом одном чувстве ничтожества жизни и стремлении освободиться от нее — с ней он является на проповедь своего учения и с ней и умирает.

Также нет большого различия между стремлениями браманов к поглощению души в соединении с вечным — Бра-

мою и конечным пунктом учения Сакиа-муни — уничтожением, поглощением души в нирване, между требованиями браманов насильно убить в себе все чувственные порывы жестокими самоистязаниями и созерцанием и требованием Сакиа-муни уничтожить их одним только самосозерцанием. Наконец, признаваемое обоими учениями верование в переселение душ и закон воздаяния были также общими чертами учения браманов и учения Сакиа-муни.

Но этим сходство и ограничивается.

В дальнейшем развитие учения Сакиа-муни является вполне самостоятельным и несогласным с догматами браманской теологии. Сакиа-муни совершенно отрицал браманский центр бытия, мировую душу, Брамму; он понял, что сущность бытия браманов не что иное, как отвлеченное представление, пустота, и что на самом деле существуют только дробные явления, не имеющие никакой устойчивости, подвергнутые вечному изменению.

Отсутствие постоянства в мировой и земной жизни составляет одну из максим учения Сакиа-муни и, по его мнению, есть величайшее из всех зол — это «огонь, пожирающий весь мир».

Слова его, когда он касался этой максимы, поражают свою безнадежностью и горьким, печальным тоном. Он говорил: «сложное должно рано или поздно распасться, родившееся — умереть. Явления исчезают одно за другим, прошедшее, настоящее и будущее уничтожаются, все преходяще, над всем закон разрушения. Быстрая река течет и не возвращается, солнце безостановочно совершает свой путь, человек переходит из предшествовавшей жизни в настоящую, и никакие силы не в состоянии возвратить его в прошедшую жизнь. Утром мы видим какой-нибудь предмет, к вечеру его уже не находим. Зачем гнаться за призрачным счастьем? Иной стремится изо всех сил достигнуть его в настоящей жизни, но тщетны его усилия, он бьет палкой по воде, думая, что, расступившись, вода останется в таком положении навсегда. Смерть владеет над всем миром, и ничто, ни воздух, ни моря, ни пещеры, никакое место во вселенной не скроет нас — ни богатства, ни почести не защитят нас от нее; все земное должно рассеяться, исчезнуть. Пред смертью все равны — богатый и бедный, благородный и низкий; умирают и старые, и молодые, и люди средних лет, младенцы и даже зародыши в утробе матери; умирают все без разбора и срока. Мы идем к смерти прямой и верной дорогой. Тело человека, произведение четырех стихий, есть скудельный сосуд, распадающийся на части при первом сильном толчке. В течение всей жизни оно служит источником страстей, волнений и мучений. Наступает ста-

рость, а вместе с нею являются и болезни — старик мечется в предсмертных судорогах, как живая рыба на горячей золе, пока, наконец, смерть не кончит его страдания. Жизнь — то же, что созревший плод, готовый упасть при первом порыве ветра; каждое мгновение мы должны опасаться, что течение ее прекратится, подобно тому как прекращаются гармонические звуки арфы, когда струны ее лопаются под рукою музыканта».

Но и смерть не освобождает человека от мира страданий и постепенного изменения — он вновь возраждается к новой жизни и вновь умирает, и так без конца вертится «вечно кружасьщееся колесо» перерождений, и от этого круговорота есть одно только прибежище и защита — нирвана. К нирване должен стремиться всякий, кто хочет освободиться от мира страданий; к ней должны быть направлены все помыслы человека — она вожденная цель для всех людей. «Нирвана — это вода жизни, утоляющая жажду желаний, это лечебница, врачующая от всякого рода страданий».

«После беспрестанного круговорота в бесчисленных формах существования, после бесчисленных перемен состояний, после всех трудов, беспокойств, волнений, страданий, неразлучных с переселением души, мы наконец свергаем с себя узы страстей, освобождаемся от всякой формы существования, времени и пространства и погружаемся в покой и безмолвие, в убежище от всех печалей и страданий, в ничем не нарушаемое благополучие — нирвану».

Итак, Сакиа-муни, придя к убеждению, что всякое бытие есть страдание, учил, что для уничтожения страдания должно уничтожить само бытие, разрушить его до основания, «погасить в нирване».

Но каким же образом можно было достигнуть этого состояния совершеннейшего покоя? Познанием четырех высоких истин, открытых Сакиа-муни и лежащих в основании его учения, — истины страдания, истины происхождения страдания, истины уничтожения страдания и истины о пути, ведущем к уничтожению страдания.

В первых двух истинах он излагает теоретическую часть своего учения и в 2-х последних практическую, именно необходимость избавления от страданий и средства к избавлению от них.

Сам Сакиа-муни так излагает эти четыре истины: «Братья, мы блуждаем по печальному, пустынному пути перерождений только потому, что не знаем четырех истин спасения. Вот, братья, высокая истина страдания: рождение есть страдание, старость есть страдание, болезнь есть страдание, смерть есть страдание, разлука с людьми любимыми

есть страдание, близость людей нелюбимых есть страдание, недостижимость желаний есть страдание (короче, все существование индивидуума есть страдание). Вот, братья, высокая истина о происхождении страдания: это жажда бытия (танха), ведущая от перерождения к перерождению; это влечение к удовлетворению чувственности, влечение к индивидуальному счастью. Вот, братья, высокая истина об уничтожении страданий: это — совершенное уничтожение жажды бытия: уничтожение вожелений, их должно уничтожить, отрешиться от них, положить им предел. Вот, братья, высокая истина о пути, ведущем к уничтожению страдания, — это высокий осьмеричный путь, который называется истинной верой, истинной решимостью, истинным словом, истинным делом, истинной жизнью, истинным стремлением, истинными помыслами и истинным самопознанием».

Познанием этих истин можно достигнуть вечного успокоения от страданий, мудрости, просвещения, нирваны, т. е. такого душевного состояния, когда уничтожается всякая жажда бытия и исчезают все страсти, — состояния, которому ничто не соответствует в мире, оно выше всякой действительности, в нем существо, отрешенное от всякого движения жизни, погружается в совершеннейший душевный покой, и наоборот, неведение, незнание этих истин служат источником всех зол жизни. Кроме познания этих четырех истин, люди для достижения нирваны должны были освободиться еще от следующих «десяти цепей», приковывающих их к существованию: во 1-х, от заблуждения, что «я», индивидуальность или душа, неизменны; во 2-х, от сомнения в том, что существует путь к освобождению от перерождений; в 3-х, от убеждения в том, что разные религиозные обряды — молитвы, жертвы, почитание религий и прочие обряды и церемонии ведут к спасению; в 4-х, от чувственных страстей и желаний; в 5-х, от ненависти и недоброжелательства к своим близким; в 6-х, от любви к земной жизни; в 7-х, от желания будущей жизни на небе; в 8-х, от гордости; в 9-х, от высокомерия и, наконец, в 10-х, от неведения. Познавший четыре истины спасения и освободившийся от «десяти цепей», по учению Сакиа-муни, мог достигнуть последней степени нравственного совершенства, совершенства Будды и вместе с тем нирваны. Низшие степени совершенства, присущие людям, не вполне познавшим истину и освободившимся от 10 цепей, но близко стоявшим к достижению совершенного познания, присваивали этим людям познания арахатов (высшая степень) и анагаминов (низшая степень).

Но этого совершенства в постоянной жизни может достигнуть очень незначительная часть людей и именно тех, которые решатся покинуть мирскую жизнь; большая же часть людей, преданная суетной и мирской жизни, не в состоянии достигнуть совершенства, а может только, смотря по своим делам, улучшить или ухудшить свою будущую жизнь и, следовательно, приблизить или удалить блаженную минуту вечного успокоения в нирване, и только в редких случаях и при особенно благоприятных условиях человек, ведя мирской образ жизни, мог достигнуть степени анагамина.

Здесь, как мы видим, Сакиа-муни признает верование браманов в переселение душ и в соединенный с этим верованием закон воздаяний.

По легендам, во время своих созерцаний Сакиа-муни часто видел целый ряд своих перерождений, а также и перерождений других существ. В своих беседах с учениками он часто упоминает о них. Он говорил: «В такое-то время я был там-то и там-то, говорил на таком-то месте, носил такое-то имя, принадлежал к таким-то фамилии и касте, жил столько-то лет так-то и так-то, то окруженный счастьем и богатством, то нищетой и бедствиями. После смерти я возвратился в мир в таком-то месте, у меня была такая-то судьба, наконец, я увидел свет здесь и сделался учителем».

Трудно допустить, чтобы Сакиа-муни нарочно выдумывал подобного рода рассказы, скорее, они являлись результатом галлюцинаций, испытываемых им во время созерцания, или же он прямо брал их из народных преданий и пользовался ими для выражения своих нравственных истин, сближая события давнего времени с происшествиями, которых он был очевидцем.

Вообще он придавал верованию в переселение душ и закону воздаяния только нравственное значение.

Последний был одним из основных принципов учения Сакиа-муни, и он при всяком удобном случае говорил о нем.

Всякое существование зависело от дел, добрых или злых, совершенных в предыдущие рождения. «Черное, — говорил Сакиа-муни, — отличается черным, белое — белым. Дело — начало и причина всякого существования». Сумма дел, совершенных существами, поддерживала существование вселенной со всеми ее степенями и разрядами, а качество дел определяло для существа будущую форму рождения. Кто совершал злые дела, за тем следовало страдание, как «колесо следует за шагом вьючного животного», кто же творил

добрые дела, за тем следовали счастье и блаженство, «подобно тени, никогда его не покидая».

Этот закон воздаяний обуславливался моральным порядком вещей (кармой), законом связи причины и следствия.

«Строгая постоянная справедливость царствует в мире повсюду. Каждое дело приносит свой плод, и ничто не может спасти человека от последствий его поступков. Ни в отдалении неизмеримого мирового пространства, ни в пучине моря, ни в глубине горных пропастей не найдешь ты места, где бы мог избежать последствий твоих поступков», — говорится в Дхаммападе*

Таким образом, мы видим, что Сакиа-муни придавал большое значение личности человека, его воле, — всякий человек, ведя справедливую и строгую жизнь и исполняя нравственные правила, данные Сакиа-муни, мог надеяться достигнуть со временем избавления от страданий. В одном из своих изречений он советует дорожить формой благородного человека, в которой только и возможно освобождение от переселений и которая достается в удел существу редко, через тысячелетия.

В этом отношении учение Сакиа-муни сильно рознится от учения браманов.

Отрицая бытие Браммы, к которому все сводилось в браманстве, Сакиа-муни вместе с тем отвергнул и первобытный идеалистический пантеизм (он не признавал божества как чего-то неизменного, как и остальные существа) и все источники браманского религиозного учения — Веды с их объяснениями, всю браманскую теологию с ее запутанною, софистическою диалектикой, с ее многообразной обрядностью и жертвоприношениями.

Расходясь с большею частью принципов браманского учения, Сакиа-муни расходился в то же время и с воззрениями других, современных ему философских школ Индии. Особенно сильно нападал он на учение о существовании неизменной души, неизменного положения, принятого почти всеми философскими школами того времени. Сакиа-муни, как мы знаем, признавал в душе творческую силу, так сказать, *raison d'être* всякого бытия — она может нисходить до степени души существа животного и даже растительного царства и уничтожиться в нирване, смотря по заслугам. В этом заключалась догматическая часть учения Сакиа-муни.

* Дхаммапада — собрание изречений Сакиа-муни для светских последователей.

Перейдем теперь к его аскетике, или нравственности.

Вместо продолжительных, тяжелых покаяний и жестоких истязаний браманов Сакиа-муни ввел мягкий аскетизм, выражавшийся главным образом в соблюдении нравственной чистоты.

Сакиа-муни установил, что желающий спастись должен был соблюдать следующие правила: охранять жизнь всякого живого существа и не причинять ему никакого зла, уважать чужую собственность, быть целомудренным, правдивым, воздержанным в питье и еде (Сакиа-муни запрещает пить спиртные напитки и советует принимать пищу в определенное время дня и по возможности раз в день), удаляться от всех светских удовольствий и развлечений, а также воздерживаться от разного рода украшений, мазей и т. п. Вот все правила аскетики, которые считал Сакиа-муни за необходимые для достижения возрождения при благоприятных обстоятельствах и которые он преподавал своим светским последователям.

От своих учеников он, кроме исполнения этих правил, требовал еще соблюдения двух следующих: 1) спать на жестком и низком ложе и воздерживаться от мясной пищи и 2) жить в добровольной бедности.

Отсюда мы видим, что Сакиа-муни, ясно сознавая, что не все люди способны отрешиться от мира и достигнуть нирваны, попытаться дать им нравственные правила, стремящиеся сделать более сносными невзгоды обыденной жизни и внушить людям живое и искреннее сострадание к их ближним и тем смягчить, по крайней мере, их горести и печали.

Он не оставил людей, не способных отрешиться от мирской суеты, их собственной судьбе, подобно своим предшественникам по философии. Он учил, что каждый человек, стремясь уменьшить тяжесть неизбежного зла для себя, должен стараться и для себе подобных и вообще для всех одушевленных существ; что люди должны быть кроткими, снисходительными, сострадательными и делать все, что возможно, для облегчения участи других, ввиду своего собственного благополучия; советовал не предаваться скорби о своих собственных бедах, но заботиться о других людях. Он говорил, что следует быть щедрым, давать милостыню и творить дела милосердия, доставлять пропитание бедным, заботиться о больных.

Добрый, совершаемый без всякой своекорыстной цели делам Сакиа-муни придавал большое значение и относился с презрением к людям, поступающим хорошо только на словах. Он говорил: «Подобно прекрасному цветку, поражающему блеском своей окраски, но не имеющему благо-

ухания, красивые слова человека, не поступающего согласно с ними, не приносят плода».

Ввиду того же облегчения участи людей он, кроме того, давал весьма практические и очень полезные для обывденной жизни советы, например рассаживать по сторонам дорог целебные травы, сажать деревья, разводить рощи и сады плодовых деревьев, где бы бедные путешественники находили плоды для утоления голода и тень для отдыха, рыть колодцы, строить гостеприимные дома и т. п.

Одна древняя надпись гласит: «Воздерживайся от всякого зла, твори добро, обуздывай свои мысли» — в этих немногих словах, можно сказать, заключается весь смысл учения Сакиа-муни о нравственности, или аскетике.

В нем, как мы видим, он проповедовал те начала человеколюбия и братства, которые существовали как бы в зародыше и в законах Ману, но были там совершенно подавлены началом каст. Сакиа-муни развил и смягчил моральные начала браманизма.

Провозгласив равенство людей по происхождению в смысле общедоступности спасения и кроткое снисхождение к человеку во имя общей для всех горькой участи бытия, Сакиа-муни сильно поколебал авторитет каст.

Впрочем, надо оговориться, что Сакиа-муни не имел намерения нападать на политическое учреждение каст и даже придавал им большое значение в том отношении, что они имеют свои выгоды и невыгоды в смысле нравственного самоусовершенствования — высшие касты при их материальном обеспечении имели более шансов достигнуть его и в то же время у них было и больше соблазнов нарушить предписанные Сакиа-муни нравственные правила, а это, как мы знаем, было очень важно для будущей жизни.

Сакиа-муни преследовал только одну цель — цель спасения человечества путем его нравственного улучшения. В древнейших легендах и духовных буддийских книгах, где приводятся изречения Сакиа-муни, не встречается ни одного возражения против существования каст; напротив, он смотрит на это учреждение как на установленный факт, которого он и не думал изменять, он не проповедовал общественного равенства, но провозгласил его начало — равенство религиозное. Браманы считали науку благочестия, спасения как бы своею наследственной собственностью; прочие касты были принуждены исполнять только внешние обязанности, духовную пищу они получали от браманов, а достигнуть спасения они могли только возродившись в касте браманов. Напротив того, Сакиа-муни призывает людей всех каст пользоваться духовною жизнью и всем обещает спасение за благочестивую жизнь. Мы видели, что основатели других

школ уже положили начало этому делу, нападая на предписанные браманами правила, как на совершенно бесполезные, и один из них (Капила) сделал для каждого доступным имя аскета, которое до него было почти исключительным правом брамана. Сакиа-муни пошел далее — он всех людей призывал к равенству духовной жизни и, таким образом, признавал между различными кастами духовное равенство, и религию и благочестие сделал не преимуществом одной какой-либо касты, но правом добродетели, знания и заслуги.

Эти принципы, хотя и не были направлены непосредственно против системы каст, но все-таки значительно ее потрясли; главным же образом они были направлены против касты браманов. В одной из древних легенд говорится: «браман не отличается так, как камень отличается от золота или свет от мрака. И в самом деле, он произошел не из эфира, не из ветра — он, как и чандала, родился от женщины. Почему же один должен быть благородным, а другой нечистым? Ведь и брамана по смерти покидают, как презренную и нечистую вещь; с ним в этом отношении происходит то же, что и с людьми других каст. Где же различие?»

Оканчивая этот краткий очерк сущности догматики и аскетички учения Сакиа-муни (мы не говорим о третьем отделе его учения — о созерцании, потому что оно сходно с учением о созерцании Капилы, о котором было упомянуто во введении, и отличалось от него только принципом изменяемости души, «я»), прибавим, что он положительно отказывался решать некоторые метафизические вопросы, например, откуда произошел мир и жизнь существа, есть ли начало мира или нет и т. д.

На подобные вопросы он отвечал, что они не имеют отношения к нравственным обязанностям человека, что драгоценным и скоротечным временем надо дорожить и не следует тратить его на подобные рассуждения, а необходимо готовиться к достойной встрече смерти. «Представьте себе человека, — говорил он, — раненного стрелой в грудь. Спасение его зависит от искусства врача, который легко может вынуть смертельное орудие. Неужели раненый станет спрашивать, из какого дерева сделана стрела, в какой цвет и какой краской она окрашена, и какой птицы перья к ней прикреплены?.. Неужели он станет заниматься подобными вопросами, зная, что время проходит и ему грозит неперемнная смерть?»

В другой легенде приводится следующий ответ на подобные же вопросы, предложенные ему учениками: «Вопросы эти бесплодны, потому что неразрешимы». И в подтверждение своих слов рассказал следующую древнюю историю о

слепцах: «Один царь приказал собрать к себе во дворец слепых от рождения, и спросить их, каков вид слона. Слепцы отвечали, что они слепы и потому ничего не могут сказать ему. Царь приказал вывести слона и подвести к нему слепцов. Каждый из слепцов ощупал ту часть слона, к которой прикасалась его рука. Затем царь опять их подозвал и спросил, узнали ли они теперь, какой вид имеет слон. “Узнали, — отвечал один, ощупавший туловище слона, — он похож на ведро!” — “Нет, — прервал его другой, ощупавший ногу, — он похож на столб!” Третий, ощупавший хобот, утверждал, что слон похож на канат. Между слепцами возник бесконечный спор. Тогда царь сказал: “Толпа людей, лишенных зрения! К чему безумно спорить о форме слона, когда вы сами не знаете, кого осязали!”».

Сакиа-муни редко вообще произносил длинные речи, что было результатом его долгой отшельнической жизни, большая часть которой прошла в безмолвном созерцании; в большинстве случаев он высказывал свои поучения в кратких, но сильных афоризмах (судры), украшая их поэтическими сравнениями и аллегориями. Своим афоризмам он часто придавал числительную форму, что сильно облегчало их запоминание. Вот, например, один из его афоризмов: «Три печати моего учения — всякое явление скоротечно, ни в чем нет постоянства, нирвана есть покой». Учил Сакиа-муни преимущественно на трех туземных наречиях, которые он знал в совершенстве, — магадхском, тамульском (ныне дровирское) и млечча.

На предыдущих страницах мы изложили сущность учения Сакиа-муни. Как метафизик он смотрел на жизнь и ее явления сквозь призму субъективного мировоззрения. Глубоко разочарованный в жизни, он пришел к отрицательному, безотрадному и одностороннему взгляду на жизнь и, как результату этого взгляда, учению о нирване. Он совершенно упустил из виду, что жизнь человека не должна быть пассивной, что цель ее заключается не в бездействии и снe, а в энергичной деятельности и борьбе, в стремлении к развитию нравственных идеалов человека и в уничтожении всего, что противодействует этому развитию, и, смотря на жизнь с собственной точки зрения, создал нравственное учение, высший идеал которого состоит в подавлении всякого жизненного ощущения, в *смерти заживо*, в уничтожении мысли и чувства.

Мораль Сакиа-муни дает краткое, но точное изложение этой морали. Вот оно: «Сидеть лучше, чем ходить, спать лучше, чем бодрствовать, всего лучше смерть».

УЧИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ее неудачное начало, причины неуспеха. Касьяпа-огнепоклонник и его ученики. Сакиа-муни склоняет к принятию своего учения Касьяпу и делается главой 600 учеников. Вторичное вступление на арену учительской деятельности. Ложные слухи о политических замыслах Сакиа-муни и опровержение им этих слухов. Смерть отца Сакиа-муни. Покровители и враги его. Диспуты с антагонистами. Преследования со стороны браманов и Девадатты, одного из учеников Сакиа-муни. Девадатта — основатель секты.

Как мы сказали, Сакиа-муни после долгих колебаний решил возвестить миру открытое им учение. Для этой цели он опять вернулся в покинутый им свет.

Но начало его учительской деятельности было неудачно — его ждало горькое разочарование: вместо ожидаемого успеха он встретил только насмешки и презрение. Когда он в первый раз выступил в г. Варенаси с публичную проповедью об открытых им истинах избавления от страданий, многие из слушавших его громко выражали сомнение в здравости его умственных способностей и говорили, что «царский сын сошел с ума». Между прочим, в Варенаси он встретил своих родичей и хотел на них испытать силу своего учения и красноречия. Но и родичи ответили ему насмешками и укоряли его в непостоянстве и легкомыслии, с каким он менял род своей жизни во время отшельничества. Они доказывали ему, что у него еще нет ни необходимого авторитета в деле проповеди, ни опытности, каким обладают другие философы.

Действительно, Сакиа-муни совершенно терялся среди массы философов различных школ и отшельников, бродивших, поучая и нищенствуя, по стране и имевших большую часть своих учеников и последователей среди народа.

Народ смешивал его с этими нищенствующими философами, и когда последние из опасения найти в новом философе опасного соперника, способного внушить народу недоверие к ним и лишить их таким образом средств к существованию, стали преследовать его, то народ недоумевал и спрашивал: «Чего вы хотите от него? Разве он не такой же нищий, как и вы?»

Одному, без последователей, Сакиа-муни трудно было выделиться из толпы отшельников и бороться с влиянием

других философов, более опытных и пользовавшихся известностью и уважением в народе.

Неудачное начало общественной деятельности* заставило Сакиа-муни обратить внимание на шаткость своего положения. Он стал приискивать средства, с помощью которых он мог бы подействовать на общественное мнение, и нашел, что самым лучшим средством будет приобретение возможно большего числа последователей. Для достижения этого средства он решился склонить к принятию своего учения кого-нибудь из наиболее известных и имевших своих учеников и последователей философов.

Выбор его пал на аскета Касьяпу. Он вновь возвратился на берега реки Нираньчжары, где жил Касьяпа-огнепоклонник, последователь учения, которое считало огонь самым могущественным деятелем в целом мироздании. Вместе с поклонением огню Касьяпа соединял поклонение небесным светилам. В известные часы дня Касьяпа и его ученики приносили животных в жертву огню, а ночью разводили на жертвенниках огонь и зажигали лампы. Недалеко от Касьяпы жили его младшие брата — Галя и Нати. Они также поклонялись огню и хотя имели своих учеников, но признавали авторитет старшего брата.

Касьяпа славился необыкновенной строгостью жизни, и к нему ежегодно стекались на поклонение жители г. Раджагрихи.

Сакиа-муни решил употребить все усилия, чтобы склонить Касьяпу к принятию своего учения.

Он отправился к Касьяпе, но последний, заметив, что имеет дело с аскетом, а не учеником, принял его холодно и недоверчиво и во время беседы старался отклонить Сакиа-муни от высказанного последним намерения поселиться вблизи Касьяпы.

Но ни холодная встреча, ни недоверие Касьяпы не повлияли на Сакиа-муни, он продолжал настойчиво стремиться к поставленной цели. Поселившись недалеко от Касьяпы, он терпеливо и осторожно старался заслужить внимание знаменитого анахорета. Он оказывал ему знаки внимания и уважения и разнообразные услуги, простер даже свою угодливость до того, что разводил огонь на жертвенниках при поклонениях Касьяпы. Когда к Касьяпе стекались пилигримы, Сакиа-муни постоянно удалялся на другой берег Нираньчжары и жил в уединении, пока последователи Касья-

* По некоторым легендам, Сакиа-муни удалось во время его пребывания в Варенаси сделать последователями своего учения 5 аскетов, бывших его товарищами во время жизни Сакиа-муни среди произвольных тружеников.

япы были при своем учителе. Когда они удалялись, он вновь возвращался к Касьяпе.

Сакиа-муни поступал так, чтобы отклонить тень всякого подозрения со стороны Касьяпы и показать ему, что он вовсе не имеет намерения подрывать его авторитет как учителя и доверие к нему его последователей.

Подобным поведением он постепенно приобрел доверие и дружбу Касьяпы. Дружеские отношения философов еще более окрепли, когда Касьяпа спас жизнь Сакиа-муни во время переправы вброд через р. Нираньчжару. Тогда в разговорах и беседах Сакиа-муни начал постепенно оспаривать воззрения Касьяпы и доказывать ему их несостоятельность. Наконец цель его была достигнута.

Касьяпа, а вместе с ним его ученики признали учение Сакиа-муни истинным и сделались его учениками. За Касьяпой последовали и его братья.

Таким образом, Сакиа-муни разом встал во главе шестисот учеников, и теперь он мог смело еще раз попытаться возвестить миру открытое им учение.

С чашею для подаяний в руках Сакиа-муни и его ученики покинули берега Нираньчжары и направились к г. Раджагрихе, питаясь на пути добродетельными подаяниями жителей встречающихся деревень.

— Многие, — говорил Сакиа-муни, обращаясь к своим слушателям во время пути, — мучимые страданиями, ищут избавления от них в горах и лесах, спасаясь в уединении. Но и здесь не находят они желанного успокоения и избавления от страданий. И только тот, кто примет мое учение, кто познает найденные мною четыре высокие истины, тот избавится от страданий и приобретет истинное успокоение и блаженство... Двух крайностей следует избегать стремящемуся к спасению — жизнь среди сладострастных наслаждений — это низко и ничтожно, и жизнь среди жестоких самоистязаний — это бесполезно и мучительно. Среднее между этими крайностями должен избрать стремящийся к спасению, и он познает истину и избавление от страданий!..

В подобных поучениях проводил Сакиа-муни время на пути в Раджагриху. Направляясь в Раджагриху, он помимо других соображений имел в виду опровергнуть пред царем Бимбисарою приписываемые ему политические замыслы.

Дело в том, что в народе уже было известно, что среди отшельников подвизается аскет из царского рода Гаутамы.

Когда же Сакиа-муни явился во главе многочисленных учеников, то в народе распространилась молва, что он намерен приобрести сан Чакравартина, т. е. монарха всей Индии.

Слух этот дошел до Раджагрихи и возбудил здесь некоторые опасения. Поэтому Сакиа-муни, тотчас же по прибытии в окрестности Раджигрихи, поспешил в город и здесь прежде всего постарался опровергнуть слух о его мнимых политических замыслах. Он публично заявил, что житейские страсти уже давно покинули его сердце и что мирская слава не есть Удел анахорета. Когда Сакиа-муни явился к Бимбисаре, последний принял его благосклонно. Внимание царя имело для Сакиа-муни очень важные последствия. Один из придворных, по имени Коланда, видя милость царя к Сакиа-муни, подарил философу загородную бамбуковую рощу, которую он сначала отдал было отшельникам школы Ниргронта. Он принудил последних отказаться от дара и передал рощу во владение Сакиа-муни.

Эта роща называлась Велувана. В ней находились раскинутые в разных местах дома, беседки, кладовые, окруженные прудами и скрывающиеся в чаще душистых магнолий и зонтичных пальм, одним словом, здесь было готовое и удобное помещение для Сакиа-муни и его учеников.

При таких благоприятных обстоятельствах случилось второе вступление Сакиа-муни на поприще учительской деятельности. О продолжении этой деятельности сохранилось мало достоверных сведений. Большинство сказаний о жизни Сакиа-муни переходят от времени его прихода в Раджагриху прямо к повествованию о последних событиях из его жизни.

Впрочем, одно из этих сказаний передает, что Сакиа-муни вскоре после прибытия в Раджагриху узнал, что отец его находится при смерти и, предчувствуя близкую кончину, выразил желание видеть сына. Сакиа-муни, все еще сохранивший нежную привязанность к своему отцу, несмотря на долгую разлуку, поспешил отправиться в Капилавасту, покинутый им двенадцать лет назад. Он застал отца уже на смертном одре. Жители города и окрестных селений, пораженные грозившей им потерей, толпились у ворот царского дворца, и когда Сакиа-муни вошел в город, то прежде чем достичь дворца, ему пришлось пробиваться сквозь тесную толпу людей, бывших некогда его подданными. Многие из них, узнавшие царевича, не могли воздержаться от слез, видя его в нищенском одеянии. С трудом проникнув во внутренние покои дворца, все обитатели которого были в большом смятении, Сакиа-муни подошел к умирающему. Царь слабым голосом приветствовал сына и просил, чтобы Сакиа-муни прикоснулся рукой к его пылающей голове. Сакиа-муни высвободил руку из-под плаща и, приложив ее к пылающему лихорадочным жаром лбу больного, держал ее в таком положении до тех пор, пока тот не умер. Пока

умирающий находился еще в полной памяти, Сакиа-муни в утешение ему говорил о высоких истинах избавления от страданий. Сакиа-муни пробыл в Капилавасту все время, пока длились похоронные церемонии. Когда труп усопшего был возложен на костер, Сакиа-муни сам подложил огонь и по окончании сожжения сказал: «Ничего нет вечного на земле, ничего нет твердого, жизнь проходит, как призрак, как обманчивое видение».

Затем он покинул Капилавасту.

Буддийские сказания утверждают, что жизнь Сакиа-муни протекала спокойно, что он беспрепятственно рассеивал в стране семена своего спасительного учения.

Но с этим нельзя согласиться. Существуют некоторые факты, показывающие, что жизнь его была полна тревог и огорчений, и что только его личный характер и приобретенные им из среды царей и вельмож могущественные покровители ограждали его честь и безопасность. Благодаря им и своей необыкновенной доброте он благополучно прошел сквозь все испытания. Сакиа-муни так говорил о людях, относившихся к нему враждебно: «Человека, причиняющего мне вред, я поставлю под защиту моей незлопамятной любви, и чем более зла он мне наносит, тем более добра я ему окажу».

Мы уже упоминали, что с первого года учительской деятельности Сакиа-муни ему начал покровительствовать царь Бимбисара. Царь Косалы Прасенаджати также был сторонником Сакиа-муни, и столица Косалы Сравасти являлась в северной части реки Ганга центром и очагом нового учения, подобно тому как Раджагриха в ее южной части. В окрестностях г. Сравасти находилась роща Джетавана, подаренная Сакиа-муни купцом Анатгапиндикой. Джетавана была любимым местопребыванием Сакиа-муни; здесь он чаще всего проводил сезон дождей.

Кроме этих царей сказания упоминают имена еще некоторых царей Индии, но мы не будем их здесь приводить; ограничимся указанием, что Сакиа-муни пользовался у этих царей большим уважением и почетом.

Тем не менее покровительство сильных мира сего не спасло Сакиа-муни от преследований его врагов.

Сакиа-муни уже при первом своем вступлении на арену учительской деятельности был встречен недружелюбно со стороны представителей браманизма и разных философских школ, подвизавшихся на том же поприще. Когда же он стал во главе многочисленных учеников и приобрел сильных покровителей, недружелюбное отношение к новому философу обратилось в открытую вражду. Мотивы вражды были очень разнообразны, здесь играли роль и принципы нового

учения, поражавшие своею оригинальностью и новизною, и опасения потерять своих последователей, и, наконец, то обстоятельство, что Сакиа-муни, хорошо изучивший нравы и обычаи большинства этих философов во время отшельнической жизни, относился к ним с величайшим презрением.

Антагонистами, оспаривавшими начала учения Сакиа-муни, являлись большею частью представители эпикурейской школы Локаятика и некоторых других философских школ. Первые защищали самослучайность, вторые — преимущественно неизменность души в человеке и в мире. Сакиа-муни часто вступал в спор и большею частью оставался победителем. Легенды повествуют, что однажды в г. Сравасти Сакиа-муни вступил в диспут с целою полудюжиною «святых кающихся», отличавшихся своею мудростью. После долгого и горячего спора Сакиа-муни опровергнул все доводы своих противников; главный из них, добавляют легенды, в досаде на неудачный исход диспута, покончил жизнь самоубийством.

Но одним диспутом дело не ограничивалось, антагонисты Сакиа-муни прибегали и к интригам в надежде уничтожить соперника. Благодаря этим интригам, некоторыми царями были изданы грозные эдикты, направленные против нового учения. Интригам же браманов приписываются легендами и исключения из браманской касты тех ее членов, которые ходили слушать поучения Сакиа-муни.

Последнее обстоятельство показывает, что и в среде браманов находились последователи Сакиа-муни. Действительно, браманы при Сакиа-муни не представляли цельного и сплоченного общества, которое могло бы единодушно защищать свои интересы. Как нам известно, некоторые из браманов отвергали принципы браманской теологии и составляли свои системы теолого-философии, другие же были заняты чисто светскими обязанностями и мало обращали внимания на религиозные вопросы, занимая важные государственные места министров или правителей княжеских уделов с правом жизни и смерти и правом собирать подати с подведомственных им владений.

Вследствие этого главными соперниками и врагами Сакиа-муни из браманов являлись те, которые по роду жизни и питания могли опасаться обличений Сакиа-муни, который мог отнять у них хлеб. Этим браманов Сакиа-муни называл бродячими и уклонившимися от первоначального рода жизни. Они назывались «изучающими Веды», потому что верили и следовали тому, чему учили их письменна и устные предания, заключавшиеся в Ведах. При Сакиа-муни они, впрочем, ограничивались изучением в Ведах только тех

предметов, которые имели связь с верованиями и суеверными привычками народа, т. е. занимались гаданием и астрологией. Затем не менее длительными и ненавистными врагами Сакиа-муни были последователи школы Нягронта. Эта школа отличилась тем, что соединила в одну систему различные способы самоусовершенствования. Она учила трем способам достижения совершенства — просвещением ума, созерцанием и труженичеством. Вступающий в эту школу должен был начать с труженичества и провести несколько лет в произвольных истязаниях для искоренения чувственности. Затем он приступал к глубокому и спокойному созерцанию и, наконец, к упражнениям в размышлении об истинах и просвещении своего ума. Сакиа-муни прошел все три степени и во время отшельничества хорошо изучил привычки и тайные побуждения этих аскетов. Последние не могли простить ему презрения, с каким он относился к ним, особенно к труженикам, составлявшим наибольшее число принадлежавших к этой школе аскетов, и платили ему насмешками и обидами, где только возможно. Сакиа-муни отвечал им обличениями и не жалел позорных названий для характеристики их поведения. Как характерную иллюстрацию приведем здесь сказание, повествующее об одной из этих бесед.

Недалеко от г. Раджагриха, в саду богатой женщины, собралась толпа тружеников вместе со своим учителем Нягронтой. Наслаждаясь прохладой, они вели громкий и оживленный разговор. Темы разговора были разнообразны: управление министров, сражения, колесницы, лошади, женщины, наряды, вкусные кушанья и тому подобное беспрестанно упоминались в их беседе. Когда они разговаривали, к ним подошел некто Сантана, один из почитателей Сакиа-муни. После взаимных приветствий Сантана заметил им, как неприличны подобные разговоры для их звания, и при этом хвалил Сакиа-муни за его безукоризненное поведение и мудрость. — «Как мы можем знать о мудрости твоего срамана* Гаутамы, — заметил один из тружеников, — когда он более любит молчать, чем говорить с посторонними людьми. А между тем он величает себя великим мудрецом, грозит поразить одним своим словом всех противников и сделать их безгласными, подобно черепахе, и не советует никому задевать его, иначе тот не найдет себе безопасного места от стрел его красноречия. Пусть придет он сюда, мы поздравим его с новым названием подслеповатой коровы, да вот он и сам!» — «Смотрите же, — воскликнул другой труженик, —

*Сраманами назывались отшельники из каст кшатрий и ваисьев.

не вставайте с места и не здоровайтесь с ним! Пусть сядет, как хочет!» Сакиа-муни пришел в тот же сад освежиться после продолжительного созерцания. Несмотря на уговоры, при приближении Сакиа-муни труженики встали с места и, приветствуя его, пригласили отдохнуть вместе с ними. Сакиа-муни вежливо принял приглашение и сел на разостланном ковре. Нягорода, учитель тружеников, преднамеренно завел речь об учении Сакиа-муни и просил Сакиа-муни объяснить им начала его учения. — «Не спрашивайте меня об этом, — отвечал Сакиа-муни, — мое учение глубоко и обширно, и вам не понять его!» Тогда Нягорода сказал, что ему желательно знать мнение Сакиа-муни о правилах жизни тружеников. Сакиа-муни отвечал: «Что касается ваших правил, то я знаю их очень хорошо и в состоянии оценить их. Все ваши правила низки и смешны».

«Иной ходит нагой, прикрывая себя только руками; иной ни за что не станет есть из кувшина или блюда, не сядет за стол между двумя собеседниками, между двумя ложами или за общий стол; иной не примет подаяния из дома, где есть беременная женщина...» И затем Сакиа-муни указал еще много примеров тщеславия, суеверия и пустых предрассудков тружеников и строго порицал их. — «Что же вы, труженики, — закончил он свою речь, — ожидаете за свои труды, — вы ожидаете подаяний и уважения, достигнув же цели, привыкаете к удобствам временной жизни, не имеете сил расстаться с ними, да и не знаете средств. Предаваясь пороку и страстям, вы, однако же, надеваете личину скромности!»

Враждебные отношения браманов к Сакиа-муни ограничивались только ожесточенными нападками на его учение и оскорблениями его и его учеников. Совершенно иной характер имели преследования, возникшие в среде его учеников и постигшие Сакиа-муни уже на склоне его жизни, когда ему было более 60 лет.

Между учениками Сакиа-муни был один из его близких родственников, двоюродный брат, по имени Девадатта.

Девадатта уже в юности был соперником Сакиа-муни во всем и постоянно завидовал успехам и счастью своего двоюродного брата. Девадатта отличался энергичным самостоятельным характером и был одарен от природы выдающимися умственными и физическими качествами. Но все эти блестящие качества затмевала одна черта характера Девадаты — его необыкновенное честолюбие. Его тяготило зависимое положение среди учеников Сакиа-муни, несмотря на то что он, благодаря своему обширному уму и необыкновенной строгости жизни, пользовался большим значением и уважением среди остальных учеников Сакиа-муни, и он

задумал занять место Сакиа-муни. С этой целью он сблизился с сыном царя Бимбисары, Аджатасатрою. Последний отличался, подобно Девадатте, честолюбием и независимым характером; он тоже сильно тяготился своим положением наследника престола и стремился быть вполне самостоятельным. Девадатта искусно воспользовался слабой стороной царевича и, рисуя перед ним блестящими красками картину ожидаемого их величия и могущества, когда они, сделавшись самостоятельными и опираясь один на другого, приобретут огромное влияние на дела Индии — один как светский повелитель, другой — как повелитель духовный, вполне овладел доверием царевича.

Аджатасатра свергнул своего отца с престола (в 551 г. до Р. Х.) и заключил его в башню, где он и умер, по преданиям, от голодной смерти.

Со своей стороны Девадатта составил себе партию из недовольных почему-либо своим учителем учеников и открыто восстал против Сакиа-муни. Несколько раз, по словам легенд, он пытался лишить Сакиа-муни жизни, но последний каждый раз счастливо избегал грозившей ему опасности или же отделялся только незначительными ранами или ушибами.

Сакиа-муни с большим терпением и кротостью переносил свои бедствия. Братья несколько раз мирились и затем опять расходились. Девадатте удавалось даже склонить на свою сторону и других учеников Сакиа-муни, но при посредстве Сарипутры, другого отличавшегося красноречием ученика и действовавшего в пользу учителя, перебежчики возвращались обратно. Впрочем, преследования продолжались недолго. Сделавшись царем, Аджатасатра из преследователя Сакиа-муни превратился в его ревностного последователя и защитника и покинул Девадатту. Тем не менее Девадатта основал свою секту и является, таким образом, первым лицом, внесшим раскол в учение Сакиа-муни. Отличительной чертой сектантского учения Девадатты был введенный им более строгий аскетизм. Он не допускал употребления в пищу рыбы, потому что и она была таким же живым существом, как и другие животные; не пил молока, так как оно назначено для телят; одежду носил из цельных полотнищ, чтобы не доставлять портным лишнего труда на сшивание лоскутьев; кроме того, он жил постоянно внутри города, тогда как последователи Сакиа-муни жили вне городской черты.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ УЧЕНИЯ САКИА-МУНИ

Успех учения. Причины этого успеха. Духовные и светские последователи Сакиа-муни. Бикшу и бикшуни. Община. Правила приема. Правила общежития. Образ жизни Сакиа-муни и его учеников.

Между тем, несмотря на преследования и интриги врагов Сакиа-муни, число его учеников и светских последователей все увеличивалось, и его учение все более и более распространялось в массе народа. Причины успеха Сакиа-муни легко объяснимы: некоторые присоединились к числу его последователей ввиду покровительства, оказываемого Сакиа-муни сильными и знатными лицами, что обещало им безопасность и безбедное существование; большинство же привлекала к его учению не милость царей, но новизна и доступность проповедуемых Сакиа-муни принципов, что легко понять, если припомнить, какой барьер традиций отделял в продолжение целых веков народ от учения браманов. Со своим учением Сакиа-муни обращался не к одним только ученикам, подобно браманам, но ко всему народу, без различия каст, что было совершенно новым явлением в Индии.

Браманы учили на языке недоступном народу, — на языке Вед и ученых. Сакиа-муни всегда говорил на языке, понятном толпе, и в форме, легко усваиваемой даже невежественными умами. Как было уже упомянуто, он говорил преимущественно в форме кратких изречений. Все метафизические тонкости своего учения Сакиа-муни оставлял для более подготовленных слушателей, желавших разрешить интересовавшие их философские вопросы; обращаясь же к народу, он говорил ему о строгих и чистых нравственных правилах обыденной жизни, и сам первый применял их на деле.

Всего же более в Сакиа-муни поражали и привлекали индусов его необычайная кротость, его гуманность, столь противоположные гордости и высокомерию браманов, его безграничное сострадание ко всем бедным, несчастным, угнетенным и главным образом проповедуемые им равенство и солидарность людей. Поэтому в числе его учеников, простиравшемся до 1200 человек, было много людей, известных по своему происхождению, уму, образованию или строгому образу жизни, но были и люди, совершенно неизвестные,

принадлежавшие к кастам низшим, нечистым, до того времени всеми презираемым.

В числе его учеников были Касьяпа, уважаемый Сакиа-муни за суровый аскетизм, Судути, известный индусский метафизик, Сарипутра, красноречивый истолкователь идей Сакиа-муни, историк Могаллана, известный как совершенный созерцатель, аскет Конданья, по прозванию «познавший»; все эти аскеты и ученые присоединились к Сакиа-муни вместе со своими учениками.

Но, с другой стороны, между этими знаменитыми мужами летописи указывают как на одного из наиболее верных и преданных учеников на некоего Упали. Упали принадлежал к касте судр и до приближения к Сакиа-муни был брадобреем, т. е. занимался одним из наиболее нечистых и наиболее презираемых в Индии ремесел.

После смерти отца Сакиа-муни присоединил к своему учению всех своих двоюродных братьев, кроме Маханамы, оставшегося править царством, и других членов рода Сакиев. Из них укажем на известного уже нам Девадатту и Ананда. Ананда был самым любимым и наиболее близким учеником Сакиа-муни. Несмотря на то что Ананда не отличался особенно строгой нравственностью, Сакиа-муни очень любил его за мягкий и кроткий характер. Называют также в числе учеников Сакиа-муни его сына Рагулу и зятя Нанду. Сакиа-муни присоединил Нанду к обществу своих учеников насильно. Нанда принужден был покинуть молодую жену и, скучая по ней, несколько раз пытался бежать, но неумолимый учитель всякий раз возвращал его обратно.

Женщинам доступ к учению Сакиа-муни был вполне открыт. В одной из легенд говорится, что однажды Ананда, утомившись от долгого пути и почувствовав жажду, попросил воды у встретившейся ему дочери чандалы. Когда та сказала, что она дочь чандалы и, боясь осквернить его, не смеет к нему прикоснуться, Ананда ответил: «Сестра моя, я не спрашивал ни о твоей семье, ни о твоей касте... Прошу тебя, дай мне воды, если можешь!» Впоследствии эта девушка вступила в общину Сакиа-муни.

Эта легенда вполне обрисовывает отношение Сакиа-муни и его учеников к женщинам. Первой последовательницей учения Сакиа-муни была Прачусапати, кормилица Сакиа-муни, а за ней последовали и другие из рода Сакиев.

Сделавшись главою значительного числа духовных последователей, Сакиа-муни установил правила образа их жизни и поддерживал эти правила личным примером.

Общество духовных последователей Сакиа-муни называлось *санчха*, члены его — *бикшу*, что значит нищий, потому

что вступившие в общество давали обет соблюдать бедность и не иметь собственности, исключая, конечно, необходимых для жизни вещей. Звание бикшу пользовалось большим уважением среди светских последователей Сакиа-муни.

Кастового различия в обществе не признавалось — все были равны и только прежде поступившие в общество имели большее значение, чем вновь поступившие. Кшатрия, или браман, принявший обет бикшу после ваисьи и судры, во всем и везде уступал последнему первенство.

В общине своих учеников Сакиа-муни совершенно отвергнул разного рода произвольные истязания и заменил их строгою нравственной дисциплиной, касавшейся всех мелочей обихода жизни учеников. Он вменил бикшу в обязанность вести строгую и приличную жизнь, не нарушая обета бедности. Бикшу должен был отличаться прямодушием, правдивостью, быть постоянно ласковым, спокойным и беспристрастным, держать себя с сознанием своего достоинства. Платье бикшу обязаны были носить сшитое из старых, брошенных, но чисто вымытых лоскутьев. Оно должно быть желтого цвета, шилось по образцу того охотничьего плаща, какой Сакиа-муни носил со времени своего бегства, и постоянно должно было содержаться в чистоте. По примеру учителя, бикшу брили голову и подбородок. Все имение бикшу заключалось в трех одеждах (по числу времени года), коврике, чаше для подаваний, игольне и иглой и нитками и в паре чулок с башмаками. До каких-либо драгоценных вещей бикшу не должен был касаться.

В общину имели право вступать все люди, обнаружившие твердое намерение стремиться к спасению, за исключением больных заразительными или неизлечимыми болезнями, несовершеннолетних (без разрешения их родителей), рабов, пока они не приобретали свободы законным путем, и тяжких преступников. Также не принимались в санчху должники, пока не уплатили своих долгов, и состоявшие на службе воины и чиновники.

При поступлении в общество новичок (саманера) должен был пробыть под наблюдением избранного им самим из среды бикшу руководителя известное время испытания. Это испытание для взрослых, уже принадлежавших к какому-нибудь обществу аскетов продолжалось четыре месяца, для несовершеннолетних — до достижения ими совершеннолетия.

Впрочем, время испытаний зависело также от мнения духовного руководителя саманеры и способностей последнего. Вступая в братство, саманера обязывался совершенно отказаться от светской жизни, соблюдать десять нравственных правил, строго исполнять все правила общежития и

стремиться к одной цели — достижению нравственного совершенства.

Правила общежития, данные Сакиа-муни, кроме внешней дисциплины и порядка образа жизни бикшу, т. е. правильного распределения пищевых продуктов и обращения с платьем и другими принадлежностями житейского обихода, правильного распределения времени дня, состояли также в разного рода наставлениях для преодоления чувственных желаний и страстей и для достижения высшего назначения и самоусовершенствования.

Когда саманера вполне постигал эти правила, он делался бикшу. Если почему-либо жизнь в обществе ему не нравилась, он всегда мог оставить ее — выход из общества был свободен (насильственное присоединение Нанды можно объяснить родственными чувствами Сакиа-муни, желавшего обратить во что бы то ни стало на путь спасения легкомысленного юношу). Из наказаний в обществе допускалось только одно — исключение из членов общества только в том случае, когда бикшу нарушал одно из десяти главных правил.

Члены общества жили в монастырях (вихари) или же вели отшельническую жизнь в лесах. Женщины (бикшуньи) жили отдельно от бикшу и в образе жизни несколько не отличались от последних, впрочем, с той разницей, что жить в одиночестве им не позволялось.

Жилища бикшу и бикшуньи находились всегда за городом, в загородных рощах и садах. Сакиа-муни благодаря своему знатному происхождению имел легкий доступ к сильным мира сего и среди них, как мы знаем, у него было много покровителей и денапати, т. е. людей, обязавшихся доставлять ему и его братству средства к существованию. Они-то и дарили ему загородные рощи, где находились жилища его духовных последователей и последовательниц. Эти загородные рощи, занятые учениками и ученицами Сакиа-муни, назывались санхчарами, т. е. садами братства. Они находились всегда вне городов и селений. Сакиа-муни находил городскую жизнь с ее постоянным шумом и развлечениями несогласной со спокойствием духа и глубокими размышлениями, каких требовало звание бикшу. Он допускал пребывание в селениях и городах только в продолжение того времени, какое нужно было для сбора потребного на один день количества пищи, или когда он и его ученики были приглашаемы на званые обеды.

День Сакиа-муни и его ученики проводили следующим образом: они вставали вместе с проблесками утренней зари и ранее утро проводили в духовных занятиях или беседах. Затем они направлялись в ближайший город или селение с

чащей для подаяния в руках, с опущенным к земле взором. При входе в город или селение бикшу расходились и шли по улицам, сохраняя глубокое молчание. Они никогда не произносили просьб и только протягивали свои чаши в ожидании подаяния. Они так же спокойно принимали отказ в подаянии, как и богатую милостыню, и брали подаяние без различия состояний как у бедных, так и у богатых, по порядку домов.

Подаяние состояло обыкновенно из вареного риса или из каких-либо других съестных припасов.

К полудню бикшу возвращались обратно.

Одна часть набранных подаяний уделялась бедным, другую предназначали для хищных зверей и диких птиц, остальное же, разделенное на число участвующих, шло на обед.

Остаток дня бикшу проводили в беседах или предавались созерцанию в уединенном месте, сидя в поджатыми ногами и держа тело прямо и неподвижно, в позе, какую можно видеть на статуях и изображениях Сакиа-муни. По буддийским легендам, подобную позу имел Сакиа-муни еще в чреве матери. Так проводили день Сакиа-муни и его ученики, когда они жили более или менее продолжительное время на одном и том же месте, что обыкновенно случалось в зимний сезон.

Летом, когда наступали периодические дожди и сообщение делалось трудным, Сакиа-муни и его ученики расходились по различным местам во избежание недостатка в пропитании.

Каждый бикшу выбирал себе какую-нибудь деревню и здесь в полном уединении проводил четыре долгих месяца.

Это было так называемое летнее сидение.

По окончании сезона дождей они опять сходились вместе, преимущественно в окрестностях Раджагрихи или Сраvasti, где, как было сказано, жили наиболее могущественные и богатые покровители Сакиа-муни. Собравшись вместе, каждый из бикшу отдавал отчет в своем духовном самоусовершенствовании, достигнутом им в продолжение уединенной жизни. С началом осеннего сезона бикшу расходились партиями по Индии для распространения учения. Сам Сакиа-муни странствовал в это время преимущественно по Косале и Магадхе — редко посещал области З[ападной] Индии, колыбель ведийского культа и браманства; границ же собственно Индии от никогда не переходил.

ПОСЛЕДНИЕ СОБЫТИЯ ИЗ ЖИЗНИ САКИА-МУНИ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гибель родины Сакиа-муни. Он — свидетель разрушения родного города. Его последние странствия. Болезнь. Завещание ученикам. Путешествие к Кусинагару. Смерть и сожжение его праха. Спор учеников об останках учителя. Заключение. Дальнейшая судьба учения Сакиа-муни.

Так прожил Сакиа-муни до 80 лет. К концу жизни ему привелось быть свидетелем разгрома его родины и гибели близких ему людей.

Мы уже говорили о шатком политическом положении царства Капилавасту и о причине ненависти Сакиев к могущественному царю Косалы, Прасенаджати, и его наследнику Виручжаки. С течением времени эта вражда все более обострялась. Чтобы унижить Виручжаку, Сакии стали распространять слух, что мать его Моли, взятая насильно из рода Сакиев, вовсе не принадлежала к этому роду, а была простой рабыней-цветочницей. Кроме того, они не ограничились одними словесными оскорблениями, а несколько раз делали покушения на жизнь Виручжаки.

Разумеется, все эти обиды возбудили в сердце наследника глубокую ненависть и желание мести — он поклялся жестоко отплатить Сакиям за их гордость и презрение к нему и стереть род их с лица земли.

Вступив на престол по смерти отца, Виручжаки поспешил начать приготовления к войне с Сакиями. При первых слухах о враждебных намерениях Виручжаки, Сакии обратились с просьбою к Сакиа-муни посетить родину — они надеялись на его влияние в случае крайней опасности. Кажется, что Сакиа-муни и сам был не чужд этой мысли и принял горячее, хотя бесплодное участие в последних событиях истории его отчизны. Судьба, до сих пор покровительствовавшая ему, в последнем несчастье отказалась служить ему и не пожалела для него самых жестоких ударов. В надежде отклонить Виручжаку от его враждебных намерений, Сакиа-муни пошел в Косалу. На пути он встретил Виручжаку и его войско. Он попытался примирить царя со своей родиной, но эта попытка кончилась неудачно.

Виручжаки не внял убеждениям Сакиа-муни и продолжал свой поход. Он взял г. Капилавасту, персбил всех его

жителей, которых было около 100 тысяч, и возвратился с войны с богатой добычей и новым приобретением для своих владений.

Цветущая страна Сакиев опустела и потеряла навсегда свое политическое значение, уцелевшие от резни Сакии бежали в Непал и другие соседние страны.

Во время разграбления города Сакиа-муни вместе с верным Анандой находился невдалеке, в одной из пригородных рощ. До него доносились шум битвы, звуки мечей, крик и вопли сражавшихся и умиравших людей.

«Да исполнится судьба их», — сказал он и, жалуясь на сильную головную боль, лег на землю, прикрывшись плащом; он хотел скрыть от своего ученика овладевшие им скорбь и тоску.

Когда враги удалились, он ночью проник в город и бродил по его опустевшим улицам, покрытым развалинами и усеянным трупами его соотечественников. В дворцовом саду, где он играл в детские годы, были разбросаны тела молодых девушек, которым враги отрубили руки и ноги. Некоторые из них были еще живы и издавали жалобные стоны. Сакиа-муни жалел и утешал их, обещая им в следующем возрождении лучшую жизнь. Затем он удалился от места горестных сцен.

Странствуя в продолжении 45 лет из города в город и повсюду распространяя свое учение, он перед смертью еще раз посетил г. Раджагриху, место начала его учительской деятельности. Отсюда он направился в г. Вайсали; здесь, чувствуя, что его земной путь приближается к концу, он обратился к ученикам с речью, в которой просил их ревностно поддерживать его учение и, сохраняя в чистоте, распространять его во всех странах. Вблизи г. Вайсали, в деревне Белуво, он отпустил учеников и провел в уединении дождливый сезон года. Здесь он опасно заболел, но, не желая умереть, не поговорив еще раз с учениками, он энергично воспротивился развитию болезни и поборол ее. «Не следует мне, — сказал он, — погружаться в нирвану, не обратившись с последней речью к моим ученикам. Присущую мне силою воли я поборю эту болезнь, я удержу на время дыхание жизни».

Несмотря на слабость, он по окончании летнего сидения, направился к Бхайенагаре, и здесь он еще раз завещал ученикам сохранять и распространять его учение и, кроме того, советовал им относиться терпимо к убеждениям и верованиям других людей. Он убеждал их относиться без всякого предубеждения к словам других людей и с глубоким вниманием обдумывать их и, лишь убедившись в их полной

неосновательности, отбрасывать как негодные, в противном же случае принимать, как бы его собственные.

После этой беседы он, сопровождаемый Анандой, направился в страну Малласов, к г. Кусинагаре, где он начал свою отшельническую жизнь.

На пути к г. Кусинагаре, в г. Паве, он, поев вяленой свинины, предложенной ему Чундою, кузнецом, у которого Сакиа-муни обедал, сильно заболел, но, несмотря на болезнь, продолжал путь свой.

Удрученный болезнью, он шел по бесплодным и пустынным местам, изредка обращаясь к своему спутнику со словами, показывающими печальное настроение его духа. Он говорил о недолговечности и о смерти, о непрочности счастья и надежд и оплакивал горестную судьбу людей.

Принуждаемый сильною болью в спине, болью, которою он страдал всю жизнь, он часто останавливался на пути и отдыхал под тенью деревьев и, наконец, с трудом дошел до окрестности Кусинагары.

Здесь силы совершенно покинули его, он почувствовал сильную, невыносимую жажду. Ананда принес ему воды, чтобы несколько утишить страдания Сакиа-муни, и затем приготовил ему ложе из ковра под тенью дерева Сала.

Сакиа-муни, по индусскому обычаю, лег на него головою на север. Наступила последняя минута жизни Сакиа-муни; перед смертью он еще раз завещал Ананде строго хранить его учение и затем погрузился в созерцание.

Ананда с горестью смотрел на предсмертное томление своего брата, друга и наставника — жизнь постепенно оставляла изможденное тело великого учителя; перед тем, как испустить последний вздох, Сакиа-муни произнес:

— Ничто не вечно!

Он умер около 543 года до Р. Х.

Ананда, оплавав смерть учителя и покрыв его труп, отправился с печальной вестью в Кусинагару.

По просьбе Ананды жители Кусинагары приготовили все необходимое для торжественного сожжения праха усопшего учителя и воздали смертным останкам его царские почести.

Узнав о смерти учителя, Касьяпа и другие ученики поспешили прибыть в Кусинагару.

После семидневных приготовлений тело с большою торжественностью и великолепием было вынесено к восточным воротам города и возложено на костер для сожжения.

После сожжения пепел был собран в золотую урну, и в честь милосердного, просвещенного, великого учителя было устроено семидневное торжество. Впоследствии на месте сожжения тела Сакиа-муни был поставлен столб (ступа) с надписью. По некоторым легендам, из-за дележа и чести

хранения печальных останков великого учителя между последователями его возникли споры, и в жару их ученики забыли даже преподанные им покойным учителем правила кротости и милосердия.

Так умер великий религиозный реформатор Индии, провозгласивший равенство и солидарность всех людей в духовном отношении и сильно пошатнувший кастовые традиции.

Сакиа-муни не оставил после себя никаких письменных сочинений; сохранению его учения потомство обязано счастливой памяти его постоянного спутника Ананды и его других учеников. В последнем обстоятельстве нет ничего удивительного — необыкновенная память индусских браманов признается очень многими известными европейскими ориенталистами. Например, Макс Мюллер говорит, что если бы по какому-либо случаю все священные книги браманов вдруг были уничтожены, то их легко можно было бы восстановить с помощью знающих наизусть эти книги браманов слово за словом, слог за слогом. Так передавалось и учение Сакиа-муни. По смерти учителя Касьяпа, занявший его место, собрал всю его метафизику, Ананда — правила морали и афоризмы и Упали — правила аскетики. Устно учение передавалось около 300 лет. Наконец, при царе Асоке (259—222 г. до Р. Х.), после Третьего Буддийского собора в Паталипутре учение было записано на пальмовых листьях по приказу царя. Все учение Сакиа-муни было собрано в трех книгах, известных под названием «трипитака» (три корзины) — Сутра, Винайя и Абхидарма-питака.

В первой заключаются поучения, проповеди и афоризмы Сакиа-муни, предназначенные и для духовных, и для светских последователей его учения. Во второй, т. е. в Винайя-питаке, содержатся предписания и правила образа жизни бикшу и, наконец, в третьей — Абхидарма-питаке находится метафизическая часть учения Сакиа-муни, доступная только людям, достигшим высшей степени духовного и нравственного совершенства.

При Асоке учение Сакиа-муни достигло апогея своего развития в Индии и сильно распространилось в соседних странах, но затем значение его в Индии стало умаляться, и хотя оно еще долгое время держалось в ней рядом с браманизмом, но наконец последний вытеснил его из Индии, и в настоящее время собственно в Индии, как это видно по статистическим данным о народонаселении, взятым нами из «India office», буддистов насчитывается всего около 3 1/2 миллионов из 270 миллионов всех жителей, последователей браманской религии 190 миллионов. Но зато он утвердился в других странах. К таким странам принадлежат Индокитай, Китай, Япония, Монголия, о. Цейлон и др., где всех после-

дователей учения Сакиа-муни насчитывается около 400 миллионов (по другим сведениям всего только 150 миллионов). Но и в тех странах, где буддизму удалось водвориться, он не сохранился в первоначальном виде. Повсюду он смешивался с туземными религиозными верованиями и таким образом в течение своего продолжительного существования выродился почти в такую же чудовищную систему нелепых суеверий и жреческого деспотизма, как и браманство.

Простое учение Сакиа-муни под влиянием чуждых религий обратилось даже в грубое идолопоклонство; развитие внешних форм, обрядности заменило основную черту этого учения — мораль, сильно затемнило первоначальный смысл учения и сделалось не только для большинства верующих, но и для избранного меньшинства сущностью религии. Например, мы знаем, что Сакиа-муни совершенно не признавал богов в смысле браманской теологии и сам себя не выдавал за божество, а только за обладателя мудрости и истины, но большинству его последователей было трудно отрешиться от проникших в кровь и плоть прежних религиозных убеждений, и они признали многих богов браманской и других религий, и сам учитель в их глазах делался постепенно все более и более необыкновенным существом и, наконец, божеством, ставшим во главе других богов. Сначала на него смотрели только как на образец нравственного совершенства, затем как на властителя мира и, наконец, он сделался чисто отвлеченным догматическим понятием.

В настоящее время буддизм распадается на две главные группы — буддизм северный и буддизм южный.

Главным центром северного буддизма является Тибет, а затем Китай, Япония, Непал, Монголия, а также он распространен среди бурят и калмыков. Северный буддизм является полнейшим извращением основного учения Сакиа-муни.

Южный буддизм, распространенный в Сиаме, Бирмане и на о. Цейлоне, сохранил Сакиа-муни в большей чистоте.

За последнее время среди южных буддистов стали возникать попытки совершенно очистить учение Сакиа-муни от всех наплывных элементов и вместе с тем объяснить это учение с точки зрения современной науки, например с точки зрения теории эволюции, исходя из того основного положения буддийской религии, что всякое существование есть результат закона воздаяний, закона связи причины и следствия.

С. Ф ОЛЬДЕНБУРГ

ЖИЗНЬ БУДДЫ

Вы услышите* повествование о жизни Будды, великого индийского учителя, основавшего первую из трех мировых религий — буддизм; но раньше чем приступить к этому рассказу, я должен объяснить вам, как я понимаю свою задачу: Будда, как и два других основателя мировых религий — Иисус Христос в Палестине и Мухаммед в Аравии, — действительно существовал: он жил в Индии в VI и V веке до Рождества Христова.

Мы имеем много рассказов о жизни Будды, так же как о жизни Христа и Мухаммеда, но мы совершенно не можем сказать, что из этих рассказов передает действительно бывшее, а что есть только предание, ибо все эти рассказы составлены последователями великих учителей, которые передавали в них свои представления, не думая совершенно о том, что мы называем теперь строгой исторической правдой.

И вовсе не потому, чтобы они хотели что-нибудь скрыть или исказить, хотя и это могло произойти у отдельных верующих, а просто потому, что они безусловно верили тому, что слышали, и потому, что та историческая правда, о которой мы теперь так заботимся, не имела для них никакого значения: мы ищем и сомневаемся, а они считали, что знают, и не сомневались.

Ученые делают попытки разобраться в преданиях о мировых учителях и выяснить, какая часть исторической правды в них заключается; работа эта не бесполезная, и некоторые крупницы точных исторических сведений получаются, но только крупницы и не больше — цельный образ Будды, Христа, Мухаммеда получит только тот, кто узнает их такими, какими их представляли и представляют себе буддисты, христиане, мусульмане. И только эти образы для нас важны, потому что на самом деле в жизни и в истории остались только Будда буддистов, Христос христиан, Мухаммед мусульман, они живы и поныне, а те неопределенные тени, которые мы попытаемся очертить при помощи отдель-

*Академик Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934), выдающийся русский и советский буддолог, был не только ученым с мировым именем, но и талантливым популяризатором науки. В 1919 году по его инициативе в Петрограде была организована первая буддийская выставка, где с публичными лекциями выступили крупнейшие отечественные востоковеды — Ф.И. Щербатской, Б.Я. Владимирцов, О.О. Розенберг, С.Ф. Ольденбург. Лекции, излагавшие сложные религиозно-философские идеи в максимально доступной форме, были изданы отдельными брошюрами тогда же, в 1919 году. Сейчас они стали библиографической редкостью. Предлагаем вниманию читателей полный текст лекции С.Ф. Ольденбурга.

ных крупиц того, что считаем историческою правдою, только тени и больше ничего.

И потому тот Будда, о котором я вам расскажу, будет Будда буддистов, и лишь два указания, что он жил в Индии в VI—V в. до Рождества Христова я черпаю не только из буддийских преданий, но и утверждаю на основании современных исторических разысканий.

Чтобы вам понятен был далее мой рассказ, нужно предварительно объяснить одно индийское понятие и одно индийское слово.

Индийцы верят в то, что живые существа постоянно перерождаются, что после каждой смерти наступает новая жизнь, за нею новая смерть, и так без конца. Буддисты полагали, что только Будда открыл тайну, как избежать навсегда перерождений, и что его земная жизнь как Будды была его последнею жизнью. Перед тем он пребывал на одном из небес, которое зовется «Радостным», и с этого неба он спустился на землю и здесь родился человеком.

Когда будда готовится стать буддою, он называется бодисатвою, и это индийское слово, которое часто будет нам встречаться, надо запомнить.

Сообщу вам теперь вкратце повествование о жизни Будды, как его преподают буддисты.

Когда бодисатва пребывал на небе в «Радостном» граде Тушита, поднялся «Клич Будды». В мире бывает три великих клича: «Клич Века», «Клич Будды» и «Клич царя Миродержца».

Когда божества сознают, что через сто тысяч лет должен наступить новый «век», они устремляются к людям, рыдая, с распущенными волосами, утирая руками слезы, в красных растерзанных одеждах, и возглашают клич: «Через сто тысяч лет наступит новый век, этот мир уничтожится, великий океан иссякнет, погибнет земля, погибнет царь гор Сумеру, погибнут и боги. О люди, творите милосердие, являйте доброту, удовлетворение и внимание, чтите отцов ваших и матерей, чтите старших в роде вашем». И клич этот называется «Клич Века».

Когда боги сознают, что через тысячу лет на земле родится всеведущий будда, они идут к людям и возглашают клич: «Через тысячу лет явится в мире будда». И клич этот зовется «Клич Будды».

И когда боги сознают, что через тысячу лет родится царь миродержец, они идут к людям и возглашают: «Через тысячу лет явится в мире царь миродержец». И клич этот зовется «Клич Миродержца».

И услышали все боги «Клич Будды», и собрались они и отправились в небесный «Радостный» град и преклонились

перед бодисатвою и сказали ему: «Когда ты стремился к десяти совершенствам, ты не думал стать богом или миродержцем, ты стремился лишь ко всеведению для спасения людей, настало ныне время стать буддою, это время настало».

Не ответил им бодисатва и погрузился в размышление относительно пяти великих рассмотрений, которые должен иметь в виду бодисатва перед последним своим перерождением.

Первое великое рассмотрение — рассмотрение времени: во благовремени ли ему родиться среди людей? В век, когда возраст людей превышает сто тысяч лет, неблагоприятно родиться будде, ибо живя так долго, люди не понимают, что они подчинены закону рождения, старости и смерти, и потому не могут воспринять учение будды. Когда возраст, достигаемый людьми, менее ста лет, то тоже неблагоприятно явление будды, ибо люди тогда вполне греховны и тоже не могут воспринять его учения. Благовременно его проявление, когда возраст людей менее ста тысяч лет и более ста лет. И так как тогда возраст людей достигал ста лет, то бодисатва уразумел, что наступило для него время.

И второе великое рассмотрение было рассмотрение части света, в которой надлежало ему родиться, и уразумел бодисатва, что надлежит ему родиться в Индии.

И третье великое рассмотрение было рассмотрение места рождения, и определил бодисатва, что это будет в средней части Индии в городе Капилавасту.

И четвертое великое рассмотрение было рассмотрение семьи, в которой бодисатве надлежало родиться; он увидел, что наиболее чтимы семьи кшатриев-воинов и решил возродиться в семье кшатриев, Шакиев, от царя Шуддоданы; оттого, когда он стал потом отшельником-муни, его называли Шакия-муни, «отшельник из рода Шакиев».

Пятое великое рассмотрение было рассмотрение того, кто станет его матерью, и он решил, что матерью его будет Махамая, супруга царя Шуддоданы, в течение ста тысяч веков перерождавшаяся, достигая совершенства; и бодисатва увидел вместе с тем, что осталось ей жить десять лунных месяцев и семь дней.

Уяснив себе пять великих рассмотрений, бодисатва сказал: «Настало, боги, для меня время стать буддою» — и отпустил их.

И потом он вступил, окруженный богами, в рощу Веселия — Нандана, ибо роща Веселия всегда есть на небесах. И в этой роще боги напоминают покидающим их для нового перерождения о всем благом, что ими содеяно, и желают им счастья в новой жизни. И теперь боги окружили бодисатву,

желая ему блага. Бодисатва покинул небесный «Радостный» град, чтобы возродиться в последний раз на земле от Махамаи, супруги Шакия царя Шуддоданы, в срединной Индии, в городе Капилавасту.

В городе Капилавасту жена царя Шуддоданы увидела чудесный сон: ей приснилось, что боги, стражи четырех стран света, перенесли ее на ложе на горы Гималаи и здесь оставили под тенистым деревом. Явились затем богини, супруги тех богов, и омыли ее в священном озере Анаватапта и одели в небесные одежды, и она вновь возлегла, и вдруг явился белый слон и вошел в ее правый бок.

Наутро царица рассказала свой сон царю; позвал он звездочетов объяснить чудесный сон, и сказали они, что у царицы родится сын, и если он останется в миру, то будет царем миродержцем, царем всей земли, а если станет отшельником, то будет Буддою и учением своим просветит весь мир.

И стала царица ждать рождения сына, и когда пришло время, она захотела отправиться в загородный сад; и здесь, стоя под деревом, она родила сына, который чудесным образом вышел из правого ее бока. И много тогда произошло чудес, но главное это было то, что младенец сделал семь шагов и кинул победный клич, возглашая как победитель в борьбе.

Отвезли затем мать и ребенка во дворец. В то время жил мудрый отшельник Асита, понял он из совершавшихся в мире чудес, что родился тот, кому суждено было стать Буддою, радостный поспешил он в город и во дворец и попросил позволения увидеть мальчика-царевича. Царь велел принести сына, и мальчик положил ноги свои на голову отшельника, который преклонился перед младенцем, ибо понял, что перед ним тот, кто будет спасать людей. И просиял Асита от счастья, но тотчас же затем силою провидения он узнал, что не дожить ему до того дня, когда царский сын станет Буддою, и горько заплакал Асита. Спросил его царь, какая причина его слезам, не грозит ли несчастье мальчику? Мудрец ответил, что мальчику ничего не грозит, что он станет Буддою, но Асита плачет потому, что не доживет до этого счастливого дня.

Наступил пятый день, когда, по обычаю, предстояло наречение имени новорожденному. И было устроено великое празднество. Нарекли имя царевичу Сарвартасидда — «Цели вполне достигший», или «Сиддарта», «Цели достигший». И прорицатели сказали, что станет он отшельником и Буддою. Когда царь спросил их, что же побудит царевича стать отшельником, прорицатели ответили: «Четыре встречи: со стариком, больным, мертвецом и монахом». Решил царь во

что бы то ни стало уберечь царевича от этих встреч, дабы остался он в миру, и велел он поэтому окружить Сиддарту стражею и не допускать его никогда к старикам, больным, мертвецам или монахам.

По обычаям той страны праздновался праздник начала полевых работ, и сам царь начал пахотьбу и вспахивал сам поле. Понесли на праздник младенца-царевича, и нянюшки посадили его под деревом. Когда празднество было в разгаре, захотелось нянюшкам посмотреть на него вблизи, и оставили они младенца одного под деревом. Младенец, будущий Будда, сидел тихо, скрестил ножки и погрузился в раздумье и созерцание. Долго не возвращались нянюшки, солнце далеко прошло по небу, и тени от всех деревьев уже легли по другому, только то дерево, под которым сидел ботисатва, бросало тень по-прежнему и покрывало тенью младенца. Когда прибежали назад нянюшки, они увидели чудо и сказали о нем царю, и царь и народ дивились чуду.

И не одно это чудо совершалось, а много других: так, когда однажды понесли мальчика в храм на поклонение богам, изображения их поднялись и преклонились перед бодисатвою. Когда он стал старше и его повели в школу, то он проявил такие удивительные способности и такие удивительные знания, что учителя дивились тому, как великому чуду.

Мать мальчика после его рождения умерла на седьмой день, и его воспитывала тетка, сестра его матери, и сам царь.

Мальчик вырос и стал юношей, и царь захотел его женить. Перед тем он построил ему три дивных дворца, по одному для каждого времени года, ибо в Индии в то время считали три времени года: лето, время дождей и зиму. Дворцы были полны прислужников и прислужниц и было в них много плясуний, которые услаждали царевича плясками. Дворцы стояли среди садов, в садах были пруды, покрытые лотосами: белыми, голубыми, красными. Бодисатва был одет в тончайшие и драгоценнейшие ткани, драгоценные камни блестели в его головном уборе, на запястьях и кольцах. Над царевичем держали белый зонт, дабы не касались его лучи солнца, капли дождя, зерна пыли.

Когда царь задумал женить сына, он прежде всего подумал о своих родичах Шакихах и стал среди них искать жену бодисатве. И нашел он царевну Гопа — красавицу, умную, добродетельную, которая нравилась царевичу. Но когда царь посватался за нее для своего сына, то отец царевны не хотел согласиться и говорил, что юноша изнежен и не знает ни воинского и никакого другого ремесла, а тот, кто хочет жениться, должен быть в состоянии независимо поддерживать свою семью. Когда огорченный царь пере-

дал это бодисатве, то тот успокоил отца и сказал ему, что он знает и воинское дело, и ремесла, и искусства и готов состязаться в этом с кем угодно. Послали всюду глашатаев звать людей на состязание с царевичем в воинском деле, в науках, искусствах, ремеслах. И сколько ни состязалось с бодисатвою людей, всех он победил, и все охотно признали себя побежденными, кроме одного — царевича Девадатты, который с этого времени возненавидел ботисатву и стремился его уничтожить, но не смог этого сделать и сам погиб после многих покушений на ботисатву, а потом и на Будду.

Отпраздновали свадьбу победителя царевича, и зажил он счастливо в трех своих дворцах. Но близилось уже время, когда предстояло ботисатве покинуть отчий дом и семью и радости семейной жизни и идти искать одному в пустыне ответ на вопрос о том, как спасти людей от смерти, страданий и перерождений. И вот испытал он четыре встречи, о которых звездочеты предсказали его отцу, царю Шуддодане, при рождении сына.

Захотелось однажды царевичу поехать по садам и рощам, и велел он запрячь колесницу. И когда он ехал и наслаждался деревьями и цветами, он вдруг увидел перед собою старика, седого, беззубого, согбенного, который с трудом двигался, опираясь на посох. Спросил царевич возницу, что это за человек, который не похож на других людей? «Это старик», — ответил возница. «А я тоже буду стариком?» — спросил бодисатва. «И ты будешь стариком и я буду, — ответил возница, — все подвержены старости». «Довольно на сегодня прогулки, — сказал царевич, — вернемся». И когда они вернулись, царевич сел в своем дивном дворце и стал думать. «Горе тому, что рождается, ибо в том, что рождается, проявляется старость». Узнал царь про встречу царевича, смутился, велел певцам и плясуньям увеселять ботисатву и строго приказал следить за тем, чтобы не было новой встречи, дабы не сбылись предсказания звездочетов. А царевич сидел и не слушал пения, не глядел на пляски и думал о юности, о старости, и вся радость юности, которою живут юноши, исчезла в нем.

И опять прошло время и поехал царевич по своим садам и рощам и увидел он больного: страждущего, мучающегося, лежащего, другими поддерживаемого, и спросил царевич возницу: «Кто это?» И возница ответил: «Больной». «А я избегну болезни?» — спросил тогда ботисатва. «Нет, ни ты, ни я и никакое рожденное существо не избежит болезни». «Вернемся», — сказал царевич. И еще глубже погрузился он в думу и думал о старости и о болезни, и радость силы и здоровья, которая была в нем, исчезла. И ничем не могли отвлечь его от этих трудных мыслей.

В третий раз выехал царевич, увидел он толпу народа и кого-то лежащего, как бы увядшего. «Это кто?» — спросил он. «Это умерший, это тот, кто ни мать, ни отца и никого из близких никогда уже не увидит». Подъехал царевич ближе к покойнику и опять спросил: «А что такое умерший человек?». «Умерший это тот, кого ни мать, ни отец, никто из близких никогда уже не увидит». «А так будет и со мною?». «Да, и с тобою, и тебя не увидят более близкие, когда ты умрешь, и ты их не увидишь». «Вернемся», — сказал царевич.

И опять, в четвертый раз выехал бодисатва, и увидел он человека бритого, в коричнево-красном платье, и спросил возницу: «Кто этот человек, у которого голова не как у других людей, и одежда не как у других людей?». «Это отшельник». «А что такое отшельник?» «Отшельник — человек, живущий благою жизнью, сострадательный ко всем существам, следующий истинному учению».

Возвратился царевич в свой дворец и погрузился в думы. Пробовали развлечь его певцы и плясуньи, но он все сидел в раздумьи. Наконец он задремал. Когда это заметили занимавшие его женщины, они тоже расположились ко сну, кто где находился. Светильники, горевшие благоуханными маслами, начали потухать. Проснулся царевич и оглянулся: в громадном, пышном покое было полутемно, всюду лежали разметавшись спящие женщины. И показалось царевичу, что он на кладбище и вокруг него одни трупы. И сердце его преисполнилось горести и отвращения, и почувствовал он, что настало время для полного отречения от прежней жизни, для вступления на путь отшельничества. Пошел он к двери и позвал, и откликнулся его возничий Чанна, и велел он ему оседлать коня.

Тем временем бодисатва сказал себе: «Взгляну еще раз на сына», а сын его только что перед тем родился. Бодисатва открыл дверь в комнату, где спала молодая мать с младенцем.

В ту минуту светильник в комнате погас, но царевич рассмотрел, что мать держит рукою головку сына и потому лица его не видно. Бодисатва тогда подумал: «Если я подниму ее руку, она проснется, и может возникнуть препятствие к моему уходу; когда я стану Буддою, вернусь и увижу сына».

И он вышел из дворца и сел на коня и поехал с ним к городским воротам; весь город был погружен в глубокий сон. Ворота открыло божество города, и бодисатва выехал. И в то же время перед ним предстал Мара-искуситель, бог любви и бог смерти, и воскликнул: «Вернись, через семь дней ты станешь царем Миродержцем и будешь владычествовать над

всею землею!» Ответил ему бодисатва: «Не нужна мне власть царя Миродержца, я иду, чтобы стать Буддою». И сказал тогда Мара: «Отныне ни на шаг не отойду от тебя и буду следить за тобою, чтобы знать, когда у тебя явится даже хоть мысль о страсти, недоброжелательстве или о зле». С того времени Мара следовал за ним как тень.

Отъехал царевич далеко от родного города и сошел тогда с коня; и от горя предстоящей с бодисатвою разлуки конь тут же умер. Бодисатва мечом отрезал себе волосы, отдал меч и драгоценности Чанне и велел ему известить родных об уходе своем. По дороге у встречного человека он обменял свое платье на рубище. Таким образом бодисатва стал отшельником и вступил на путь искания истины.

Пошел бодисатва к мудрым учителям и у ног их слушал учение, слушал и вдумывался в него, но ни один учитель не удовлетворил его. «Не приводят они к спасению, к освобождению, к нирване», — думал бодисатва. И стал он тогда в одиночестве предаваться созерцанию, подавляя в себе все желания, все потребности. Остались от него только кости да кожа, и стал он весь черный от голода и изнурения. Всячески скрывался он от людей, чтобы никого не видеть и никто не видел его. А иногда он спал на кладбище среди трупов. Но сколько он ни истязал себя, сколько ни уничтожал свою плоть, не получил бодисатва этими истязаниями просветления, не достиг он высшего разумения.

И вот снова предстал перед ним Мара-искуситель, бог любви и бог смерти, и стал искушать его: «Ты худ, ты бледен, близка к тебе смерть. Одна только часть жизни в тебе, а тысячу частей смерти. Для живущего жизнь лучше. Живя, ты станешь добрые дела делать». Но отверг бодисатва искусителя, который уже семь лет преследовал его. И послал к нему тогда Мара своих трех дочерей: Вожделение, Неудовлетворенность и Страсть, и явились дочери Мары перед бодисатвою в образе прекрасных девушек и стали искушать его. Но бодисатва молчал и не обратил на них даже внимания.

Все далее и далее размышлял бодисатва и понял он, что не голоданием и самоистязанием достигнет он высшего познания, ибо голод только обессилил его, и сказал он себе: «Приму пищу». И вкусил он рису и похлебки. В то время, когда он подвизался, около него было пять нищих монахов, которые ждали, что самоистязаниями бодисатва достигнет истины. Когда они увидели, что бодисатва вкусил обильной пищи — рису и похлебки, сказали они: «Излишествует монах Гаутама, оставил он искание главного». И ушли от него.

Освободившись от ослабления телесных сил, которое мешало созерцанию и размышлению, бодисатва углубился

мыслями в рассуждение о том, где искать спасения, освобождения от страдания. И вспомнил он одно за другим свои прежние существования, и всегда было одно и то же — рождение, счастье или страдание, или и счастье и страдание, а потом неизменно — смерть. И понял бодисатва тогда, что сущность преграды к спасению в существовании и в неведении и в дурных промыслах, дурных словах, дурных делах. И беспокойствие в нем стало сменяться спокойствием, ведение победило неведение и наступило для него прозрение: «Неразрушимо отныне мое освобождение, это мое последнее перерождение, нет для меня другого существования». И стал он тогда прозревшим, просветленным — Буддой.

И у Будды явилась такая мысль: «Я достиг высшего разума, трудно достигаемого. Люди утешаются страстями и трудно им, увлеченным страстями, понять, что составляет причину этих страстей, и еще труднее понять им успокоение всех действий — нирвану. И стану я их учить, а они не признают меня, и будет в этом мое мучение, будет в этом мое истязание». И начал он склоняться к тому, чтобы отказаться от проповеди истины.

Бог Брахма на небе познал направление мысли Будды и испугался отказа его от проповеди, спустился с неба и предстал перед Вещим и стал умолять его: «Возврати, господи, учение, гибнут люди, не зная его, вонмут они учению. Как стоящий на скале, на вершине горы обозревает людей кругом, так и ты, о мудрый, всевидящее око имеющий, взойди на чертог учения и воззри, бесскорбный, на людей, в скорбь погруженных, рождению и старости подчиненных. Встань, герой, одержавший победу, гряди в мир. Возвести, господи, учение, явятся его последователи».

Услышал Будда слова Брахмы и внял им: исполнилось сердце его сострадания ко всем существам и оком прозревшего взглянул он на мир. И обозревая мир оком прозревшего, увидел он существа малострастные, многострастные, с острыми и с нежными чувствами, увидел благочестивых и нечестивых, легко и трудно научаемых, и увидел некоторых живущих и со страхом взирающих на путь в тот мир. Как в пруду лотосов или водяных роз или белых лотосов некоторые лотосы, или водяные розы или белые лотосы родившись и выросши в воде, не выходят из воды, но зреют, погружаясь в воду, иные же стоят на уровне воды, другие же над водою, не касаясь воды, такими Будда увидел и людей, взирая на них оком прозревшего. И сказал он тогда Брахме:

«Отверсты врата бессмертия для них, да уверуют внемлющие учению». И понял тогда Брахма, что Вещий принял подвиг проповеди учения, преклонился перед Вещим и вознесся на небо.

И стал Будда думать о том, кому и как он впервые возвестит закон, и вспомнил он пять нищих, которые ждали его просветления, и, увидев его вкусившим рису и похлебки, ушли, потеряв веру в его искание истины. И решил он в первую свою проповедь сказать им и пошел к ним, ко граду Бенаресу, в Рощу Ланей. Увидели его издали пять нищих отшельников и решили не кланяться ему, как нарушителю обетов и не говорить с ним; но когда Будда подошел, они невольно встали и пошли ему в сретение, один взял от него монашескую чашу и верхнюю одежду, другой предложил ему воду для омовения ног, третий подушку под ноги, четвертый седалище, пятый подсыпал песку под ноги. И начал им проповедовать господь Будда:

— О братие, в две крайности не должен впасть вступивший на Путь. В какие же две? Одна из них в страстях, соединена с наслаждением страстями, низкая, грубая, свойственная человеку не просвещенному. Другая соединена с самоистязанием, скорбная, не святая и связана со тщетою. Будда, отойдя от крайностей, избрал средний путь, дающий прозрение, знание, ведущий к успокоению, высшему разумению, нирване. Прежде всего надо познать четыре святые истины: первая истина — что существование есть страдание, вторая — что источник существования жажда жизни, третья — что уничтожением жажды жизни уничтожается и существование, четвертая истина — что жажда жизни уничтожается вступлением на Путь, который состоит из восьми частей: истинных воззрений, истинных стремлений, правдивой речи, доброго поведения, честного способа добывания средств к существованию, истинного страдания, верной памяти, истинного самоуглубления». И прибавил Будда: «Возникло у меня знание и ведение, незлобие и свобода мысли. Вот мое последнее рождение, не будет вновь бытия».

Возрадовались пять нищих словам Учителя, первой его проповеди закона Будды, и из их Каундинья первый сказал: «О возлюбленный, в твоей близи вступаю на Путь и у тебя прошу посвящения». «Гляди, нищий, — отвечал ему Господь, — закон ясно изложен, исполняй обеты целомудрия, чтобы положить предел величайшей скорби». И стал тогда Каундинья первым монахом общины Будды.

Началась теперь для Будды новая пора его жизни: он сделался Учителем жизни и должен был проповедовать свое учение всем людям. И действительно, до самой смерти своей в течение долгой жизни он учил людей, учил и примером и словом, странствуя по Индии. Жизнь его была простая, постоянно занятая жизнь Учителя: то он жил с учениками-монахами в общежитии, то предпринимал странствования, чтобы проповедь его распространялась шире по стране. Когда

он жил в общежитии, то день его обыкновенно располагался так.

Учитель вставал очень рано, совершал омовения и затем перед отправлением в обход за подаянием пребывал один, в размышлении. Затем приготавливался к выходу и брал монашескую чашу. Он шел то один, то окруженный толпою монахов. И брали миряне чашу его и наполняли ее едою. Тогда Будда принимал пищу, а после того проповедовал народу. После проповеди от возвращался в общежитие, здесь он садился на особо для него приготовленное сидалище и ждал, пока все монахи не кончат трапезу. После того он обращался к монахам с увещанием, а они предлагали ему вопросы и просили у него объяснений и советов; а затем расходились каждый к своим занятиям или местам, так как некоторые из них жили в горах, другие в лесу или под деревом. Будда возвращался к себе и короткое время отдыхал. Потом начинал собираться народ, и Будда шел в главный покой, где произносил проповедь. После проповеди он купался, немного времени посвящал созерцанию, а затем опять приходили монахи с вопросами, испрашивая объяснений в делах учения. Часто приходили другие существа беседовать с Буддою, и часто это были боги, которые хотели научиться у него спасающей истине. Так проходили первые две стражи ночи. В третью стражу Будда немного ходил взад и вперед, чтобы расправить утомленные долгим сидением члены, затем он ложился и некоторое время отдыхал; после того он вставал и обдумывал, кто из живых существ на следующий день будет нуждаться в нем и его проповеди. Так проходили его дни и ночи: в великом труде и малом отдыхе.

Часто Будда странствовал, ибо чувствовал, что проповедь его нужна многим, а годы человеческой жизни коротки. Всюду народ собирался и слушал Учителя, и он говорил, сообразуясь с пониманием каждого: с мудрыми и знающими он рассуждал и выслушивал их вопросы и сомнения, с малознающими и не привыкшими думать отвлеченно он говорил обыкновенно притчами общепринятыми и занимательными, а часто рассказывал о своих прежних перерождениях и на примере своих ошибок или, напротив того, правильных поступков показывал, как надо жить честно и хорошо и как, с другой стороны, надо избегать зла, чтобы найти путь к спасению. И все слушали его, и все возрастала община и монахов и мирян.

Из воспоминаний учеников и последователей составились записи проповедей Будды и передались потомству.

Вспомнил однажды Будда про встречи, которые побудили его покинуть отчий дом и стать отшельником, и произнес он проповедь о «Вестниках смерти»:

— Смерть, о монахи, имеет трех вестников. Каких же трех?

Здесь, о монахи, человек грешит делом, словом, помышлением и, согрешив, попадает после смерти в ад и стражи адовы ведут его к богу смерти Яма и говорят: «О царь, этот человек не чтит ни друзей, ни монахов, никого из людей, накажи его, владыка». И начнет царь Яма испытывать его и спросит его: «Разве ты не видел первого вестника смерти среди людей?» «Не видел, владыка». И скажет ему бог смерти, царь Яма: «Разве не видел ты стариков и старух, согбенных, искривленных, опирающихся на посох, трясущихся, беззубых, плешивых, покрытых морщинами?» «Видел, владыка». «И что же, ты, сознательный, взрослый человек, не подумал — и для меня существует старость, и я не избежну старости? И думая так, неужели ты не сказал себе: сотворю благое делом, словом, помышлением?» И отвечает человек: «Не мог я, владыка, не понимал я». И скажет ему тогда бог Яма: «По недомыслию, человек, ты не творил благого делом, словом, помышлением; истинно, человек, поступят с тобою, согласно недомыслию твоему: не матерью твоею, не отцом твоим, не братом, не сестрою, не друзьями, не советчиками, не родными, не свойственниками, не богами, не монахами, но тобою самим содеян грех и возмездие за него испытаешь ты сам». И о втором вестнике спросит тогда человека бог Яма: «Не видел ты разве больного, страждущего, мучащегося, лежащего так, что другие должны поднимать и укладывать его?» «Видел, владыка». «И что же, ты, сознательный и взрослый человек, не подумал, что и для тебя существует болезнь? Не подумал о том, чтобы творить благое?» «Не мог, владыка, не понимал». И скажет ему царь Яма, что за все он будет отвечать сам, и никто другой. О третьем вестнике спросит человека владыка смерти: «Разве не видел ты людей, умерших день, два, три тому назад, чье тело вздулось, почернело, начал разлагаться?» «Видел, владыка». «И что же, ты, сознательный и взрослый человек, не подумал — и для меня существует смерть, и я не избежну смерти? И подумав так, не стал творить благое?» «Не мог я, владыка, не понимал я». «По недомыслию не делал ты благих дел, и возмездие за грехи твои испытаешь ты сам». И замолкнет царь Яма, и возьмут человека того стражи адовы и ввергнут его в страшные муки адские.

И слушали монахи и миряне слова Учителя и думали о них, думали о жизни, о делах человеческих и о смерти, о которой надо думать непрестанно, но которой не надо бояться никогда.

И Будда понимал, что мысль о смерти особенно мучит и страшит людей, и потому часто говорил он о ней. Однажды,

когда он был в городе Шравасты, у одной молодой матери умер ребенок; она не видела никогда смерти и потому не позволила унести ребенка, чтобы сжечь его, и сказала: «Пойду спрошу лекарство для сына».

И стала ходить с трупом ребенка из дому в дом, спрашивая: «Не знаете ли вы лекарства для моего сына?» Но люди говорили ей: «Милая, ты, верно, обезумела, что ходишь и спрашиваешь лекарство для умершего сына?» Она же говорила: «Наверное, я найду человека, который будет знать лекарство для моего сына».

Один мудрый человек увидел ее и подумал: «Она, наверное, родила первого сына и не видела смерти». Сказал он ей: «Сам я не знаю лекарства, но знаю знающего лекарство». «Отец, скажи мне, кто же знает?» «Учитель, милая, знает, поди и спроси его».

Пошла она к Учителю, преклонилась перед ним и спросила: «Знаешь ли ты действительно лекарство для моего сына?» «Да, знаю», — ответил Будда. «Что же надо взять?» «Надо взять щепотку горчичных зерен». «Возьму, господи, но из чьего дома надо взять?» «Из дома того человека, у которого не умерли ни сын, ни дочь, ни кто-либо другой». Она сказала: «Хорошо», преклонилась перед Учителем, взяла мертвого ребенка и вошла в город.

Став у первой же двери, она спросила: «Есть ли в этом доме горчичные зерна? Они лекарство для моего сына». Ей ответили: «Есть». «Так дайте». Когда дали горчичные зерна, она спросила: «Что, в этом доме, не умирал ли сын или дочь, или кто-либо другой?» Ответили: «Милая, что ты говоришь, живущих мало, а мертвых много». «Так берите ваши горчичные зерна, они не лекарство для моего сына». И пошла она дальше, спрашивая в каждом доме горчичных зерен.

И ни в одном доме не могла она взять их и к вечеру начала думать: «Увы, тяжкое это дело, я думала, только мой сын умер, а вот, во всем городе умерших больше, чем живых». И когда она размышляла так, сердце ее, мягкое от нежности к сыну, стало твердым. Пошла она в лес, оставила там труп и предстала затем перед Учителем.

«Что же, — спросил ее Будда, — получила ты хоть одну щепотку горчичных зерен?» «Нет, господи, не получила: во всем городе больше мертвых, чем живых». Сказал Учитель: «Ты думала — только мой сын умер, а вот, это непреложный закон для живых существ: владыка смерти, как поток, вырывает все существа, даже те, чьи намерения не исполнены, и ввергает их в море погибели. Внемли: смерть уносит с собою человека, приверженного к детям своим, стадам своим, преданного наслаждениям, подобно тому, как бурный поток уносит спящую деревню».

И вняла молодая мать слову Учителя, поняла слова учения, вступила на Путь — стала монахиней, а впоследствии известною старицею, учившею других тому, чему ее научил Учитель; многих женщин она привела на Путь, указывая на причину их тяжкой женской доли, учила жить настоящею жизнью, которая не боится смерти.

Будда любил напоминать людям о том, что надо думать о ближнем, надо думать о всем, и бедным и богатым, и людям простым и людям у власти, и однажды он рассказал собравшемуся народу притчу о «Царе и великом барабане»:

— Некий царь сказал однажды: «Велю изготовить великий барабан, такой, что, если в него ударить, будет слышно на несколько дней пути. Кто сможет мне его изготовить?» «Мы не можем», — сказали царские советники.

Пришел тут один из вельмож, преданный государю, который всегда старался помогать неимущим. Он сказал:

«Государь, я смогу сделать такой барабан, но обойдется это очень дорого».

«Хорошо», — сказал царь и велел открыть царскую казну и дать тому человеку все, что он спросит. Вынесли сокровища из дворца, и вельможа велел огласить по всей стране: «Царь, любящий своих подданных, хочет всячески помочь всем, кто беден, пусть все бедные придут ко дворцу».

И потянулись ко дворцу царя со всех концов страны бедные и неимущие. Прошел год, и царь спросил: «Готов барабан?»

«Готов», — отвечал вельможа.

«Отчего же я не слышал его звуков?» — спросил царь.

«Государь, прошу тебя выйти из дворца и поехать по твоему государству. Ты услышишь тогда барабан закона Будды, который звучит во всех странах света».

Царь велел приготовить колесницу и отправился в объезд по стране, и увидел он, как со всех сторон спешит народ, удивился и спросил: «Откуда эти огромные толпы?» И ответил ему тот вельможа:

«Государь, в прошлом году ты велел мне изготовить громадный барабан, звуки которого были бы слышны на несколько дней пути, дабы во всем царстве была слышна слава о твоих добродетелях. Я подумал, что сухое дерево и высохшая кожа не смогут истинно распространить хвалу твоих благодеяний. И вот богатства, которые ты передал мне, я разделил, как пищу и одежду, между бедными и между монахами и брахманами, дабы помочь наиболее нуждающимся в государстве твоём. Все они были созваны оглашением раздачи, и со всех концов страны они теперь сошлись к источнику благостыни, как голодные дети бегут к матери».

Будда чувствовал, что люди увлечены стяжанием и что любовь к деньгам и вещам развращает людей, и когда однажды пришел народ слушать проповедь учения, он рассказал притчу о «Пахаре и куске золота»:

— Однажды Ананда путешествовал со мною по царству Шравасты, и у одного поля мы нашли кучу чистого золота, и я сказал Ананде: «Это лежит ядовитый змей».

И Ананда сказал: «Действительно, это ядовитый змей».

Наши слова услышал пахарь и пошел посмотреть на то, что мы назвали ядовитым змеем, посмотрел, увидел золото и удивился: «Ведь то, что монах назвал ядовитым змеем, — чистое, прекрасное золото!» Собрал и отнес его домой. Этот человек, который сперва был так беден, что не имел пищи и одежды, стал теперь богачом, облегся в великолепные одежды, вкушал отборные яства. Царские соглядатаи, видя, что он внезапно разбогател, заподозрили его и посадили в тюрьму. Он растратил все свои деньги и не мог освободиться и ему угрожали казнью. Тогда он воскликнул: «Это истинно ядовитый змей, о Ананда, это истинно ядовитый змей, о Будда».

Сторожившие его люди донесли царю о странных словах заключенного, и царь велел позвать его к себе и спросил о смысле сказанного им.

«О царь, — сказал он, — когда я был еще пахарем, я услышал, как Будда сказал Ананде: «Это сокровище — ядовитый змей». Теперь я понимаю, что сокровище — истинно ядовитый змей».

Иногда Будда любил простым или забавным рассказом дать людям какое-либо наставление. Так, однажды он рассказал им басню о «Болтливой черепахе» по поводу того, что надо уметь молчать:

— На берегу пруда жили два гуся, которые свели дружбу с черепахою. С течением времени пруд начал высыхать, и гуси сказали: «Пруд высыхает, наш друг верно страдает», отправились к черепахе и сказали: «Вода в пруде высохла и тебе тут нечем жить, возьми в рот эту палку посередине, а мы ее схватим по концам и так перенесем тебя в другое место, где много воды. Только смотри, пока держишь палку во рту, не говори».

Взяли и понесли черепаху, полетели с нею над городами и селами. Увидели их мальчишки и стали кричать: «Гуси черепаху несут, гуси черепаху несут!...»

Рассердилась черепаха, крикнула: «Вам какое дело?» Но чтобы крикнуть, она выпустила изо рта палку, упала и разбилась о землю.

В другой раз Будда говорил о том, что надо делать в меру, и рассказал притчу о «Земледельце и соли»:

— Жил земледелец и никогда не видал соли. Однажды он увидел, как какой-то человек ел мясо и овощи и клал в них соль. «Что это такое?» — спросил земледелец. «Это соль, которая дает прекрасный вкус всякой пище».

Тогда земледелец сказал себе: «Если соль дает прекрасный вкус всякой пище, то наверное она сама по себе особенно вкусна». Взял он горсть соли и проглотил ее, и соль острою своею обожгла ему рот. Тогда он сказал тому человеку: «Как мог ты мне сказать, что у соли прекрасный вкус?»

Тот человек ответил ему: «Надо всегда уметь соразмерять количество, которое берешь. В известном количестве соль имеет прекрасный вкус и сообщает его еде. Зачем ты съел целую пригоршню?»

Будда любил указывать, что дело не в самоистязании, а в самообуздании, и однажды он рассказал рассказ о «Брахмане и монахиня»: Жил брахман, который истязал свое тело, носил одежду из самой жесткой ткани и прижигал свое тело в пяти местах. Увидела его монахиня и сказала: «Ты не жжешь того, что должно жечь, а жжешь то, что не надо жечь».

Рассердился брахман и сказал: «Жалкая, бритая женщина, что же ты разумеешь под тем, что надо жечь?»

Монахиня ответила: «Если ты хочешь знать, что надо жечь, жги гнев твоего сердца. Если не сможешь сжечь свое сердце, то оно станет сердцем чистым и искренним. Когда бог запряжен в телегу и телега не двигается, то ударяют по быку, а не по телеге. Тело подобно телеге, а сердце — это бык движущий. Ясно отсюда, что жечь надо сердце. Зачем же жечь тело? Тело как кусок дерева, как мачта корабля, зачем его жечь?»

Но что бы ни проповедовал Будда, он всегда возвращался к тому, что не надо бояться смерти, надо относиться к ней спокойно и равнодушно, даже если это смерть близких людей, и однажды он рассказал о «Пахаре, сын которого умер»:

— Крестьянин и его сын пахали вместе на поле; змея укусила юношу, и он умер; отец не обратил внимания на смерть сына и продолжал работать. Мимо проходил брахман и спросил: «Чей это юноша?» «Мой сын», — ответил крестьянин. «Как же ты не оплакиваешь его?» «Человек, рождаясь, делает уже первый шаг к смерти — скорбь и слезы не помогут умершим», — так ответил отец, и никто из семьи не оплакал умершего; мать сказала: «Жизнь — гостиница, сегодня пришел человек, завтра уйдет»; сестра сказала: «Люди подобны бревнам плота, плывущего по морю, пришла буря, разбила плот, разогнала по морю бревна, и им уже

никогда не встретиться — на мгновение люди сходятся и расстаются навсегда»; жена сказала: «Две птички летали вместе целый день и на вечер сели отдохнуть на ту же ветку, утром они вспорхнули: может быть они встретятся вновь, а может быть и нет».

И неустанно и непрестанно проповедовал Учитель, помня о великом учительском долге, ибо тот, кто знает, должен делать все, что может, дабы узнали и другие. И особенно, если человек знает, как надо жить, если он знает, что такое смерть и что такое жизнь.

Так шли долгие годы, и община разрасталась, и проповедь Будды всюду была на радость и назидание людям; но сам Учитель начал уставать и начал чувствовать, что приближается для него час избавления, и пошел он в последнее странствование, из места в место, проповедуя учение. И в одном месте, во время дождей он тяжело заболел, и страдания его были велики, но он сказал себе, что силою воли должен подавить страдания и болезнь, ибо не подготовил он еще учеников к своей смерти. Встал он с одра болезни и сел в размышлении.

Пришел к нему любимый ученик его Ананда и сказал ему о том, какая тревога наполнила его сердце при виде болезни Учителя. «Но, — прибавил Ананда, — меня немного успокоила мысль о том, что ты, Учитель, не уйдешь в нирвану, не сделав распоряжений относительно общины».

Будда ответил ему: «Нет, Ананда, я не думаю делать распоряжений относительно общины, я не считаю, что она связана со мною. Тому, что я знал, я учил, учил всему, не утаивая ничего. Теперь, Ананда, я дряхл и стар, я прошел свой путь, я достиг конца жизни, мне восемьдесят лет. Подобно тому, как обветшалая повозка может везти, только когда ее хорошо скрепят, так и тело Будды только тогда будет поддержано, когда его укрепят, а для этого теперь надо, чтобы оно было в покое, чтобы Будда мог не обращать внимания на внешний мир и, погруженный в созерцание, не касался ничего вещественного. Поэтому, Ананда, будьте вы сами себе светильниками, на себя одних полагайтесь, на других не полагайтесь. Да будет светильником вам учение, к учению прибегайте, ни к чему другому не прибегайте».

При мысли о близкой смерти Учителя его любимый ученик Ананда, горячо к нему привязанный, отошел в сторону и горько плакал. Не видя Ананды, Учитель спросил, где он? Позвали Ананду, и сказал ему Будда: «Не смущайся, не плачь. Не говорил я тебе разве раньше, что в природе вещей лежит, что мы должны расставаться с тем, что нам дороже всего, покидать его, отделять себя от него? Как же возможно, Ананда, когда все, что рождается или является к бытию,

носит в себе самом разложение, как же возможно, чтобы существо не разлагалось? Иначе и быть не может. Долгое время, Ананда, ты был со мною мыслями, словами, деяниями любви, добра и нежности, неизменными, постоянными. Благо тебе, Ананда. Стремись и старайся и скоро ты освободишься от неведения».

Ананда скорбел о том, что Учитель умирает в каком-то неизвестном городке, и Учитель рассказал ему в утешение последнюю джатаку про Великого Царя Славы, последний рассказ об одном из прежних перерождений:

Не называй, Ананда, этот город Кушинару ничтожным городком. Некогда здесь был великий город Кушавати, семью стенами был он окружен, и одна стена была из золота, и другая из серебра, и третья из берилла, четвертая из хрусталя, пятая из агата, шестая из коралла, а седьмая из всей драгоценных камней. Из драгоценных камней были ворота, и семь рядов драгоценных пальм окружали великий город.

И царем в нем был тогда я, Великий Царь Славы, и бесчисленные и бесконечные были сокровища мои, и дворец мой построил великий зодчий богов Вишвакарман. И долго наслаждался я своим городом, своими сокровищами, своим дворцом, пока не пришел час моей кончины. И вышел я тогда из дворца моего и пошел в пальмовую рощу, отринув все страсти, всю ненависть, все недоброжелательство. И пришла ко мне в рощу царица и стала увещевать меня, напоминая о всех наслаждениях земли, о власти моей, о богатстве, говоря: «Вспомни об этом всем, пусть проснется в тебе желание, пусть захочешь ты жить».

«О царица, — ответил я ей, — много лет говорила ты мне речи ласковые, нежные, желанные, а сегодня последняя речь твоя ко мне, и та не ласковая, дурная, не желанная». «Что же сказать мне тебе, о царь?»

«Скажи: природа вещей та, что мы должны расставаться со всем, что нам мило и близко, покидать его, оставлять его. Не умирай, царь, полный желаний, ибо печальная кончина того, кто полон желаний, недостойна кончина того, кто полон желаний. Твои все эти города, твоя эта великая столица Кушавати, все это твое. Брось желать, не жажди жизни».

И пока я говорил, царица плакала и проливала слезы, а когда я кончил слова свои, она утерла слезы и сказала мне: «Природа вещей та, что мы должны расставаться со всем, что нам мило и близко, покидать его, оставлять его. Не умирай, о царь, полный желаний, ибо печальна кончина того, кто полон желаний, недостойна кончина того, кто полон желаний. Твои все эти города, твоя эта великая столица

Кушавати, все это — твое. Брось желать, не жажди жизни». И тотчас я, который был тогда Великим Царем Славы, скончался в столице своей Кушавати.

И там, где стоял этот великий город, теперь стоит Кушинара. Не называй его поэтому, о Ананда, ничтожным городком.

Потом Учитель сказал Ананде: «Быть может, среди вас явится мысль: кончено слово Учителя, нет у нас больше Учителя. Не думайте так: истины, которые я преподавал вам, и правила, которые я дал общине, пусть они будут для вас учителем, когда меня не станет.

И еще раз он опросил братию, прося высказать ему все сомнения в Будде, в Истинах, в Пути, если у кого какие были. «Пусть никто из вас, — добавил он, — не упрекнет себя впоследствии, думая: Учитель был с нами и мы не спросили Учителя; пока он был еще с нами». Но все молчали, ибо ни у кого не было сомнений.

И тут Учитель сказал последние слова свои: «Внемлите, братья, говорю вам: все, что составилось, то и разложилось. Бдите, стремитесь к спасению».

После того Будда погрузился в созерцание и, переходя постепенно от одной ступени созерцания к другой, Учитель умер.

Будда умер, но не умерло не только учение его, не умерла и память о нем самом и теперь, через две с половиной тысячи лет во всех странах мира говорят и пишут о великом индийском Учителе и о его жизни, которая для нас пример того, как надо жить, любя и заботясь о всех людях, кто бы они ни были.

Но особенно знаменательно в этой жизни Будды то, что в течение долгих столетий во многих странах Азии, в Западной Европе и у нас в России, где никто не знал о существовании индийского Учителя Будды, рассказ о его жизни уже был хорошо известен, ибо во всех почти странах, у христиан, манихейцев, последователей Зороастра, мусульман, читали и рассказывали житие индийского царевича Йосафа, или Будасфа, которое не что иное, как жизнь Будды.

И когда взрослые и дети читали и читают очаровательные сказки 1001 ночи, то и среди этих сказок находится одна, про «Субботника», благочестивого сына великолепного халифа багдадского Харуна ар-Рашида, где говорится о подвигах молодого царевича-отшельника. Сказка эта опять не что иное, как рассказ о жизни того же Будды. Но этого, однако, не знали ни писавшие рассказ и сказку, ни рассказавшие, ни читавшие их, ибо то, что царевич «Субботник» и Йосаф-Будасф есть бодисатва, т. е. будущий Будда, до

этого доискались только ученые, и то лишь лет 70 тому назад, уже в середине XIX века.

Все доброе и прекрасное никогда в жизни не забывается, а жизнь Будды действительно была полна добра и красоты. Учителем жизни Будда был для людей не только учением своим, а и всю свою жизнь.

**АРАЖАННАЯ
СЮТРА**

Так я слышал. Однажды Будда жил в роше Джета в саду Анатхапиндады. Вместе с тем там была великая община¹ бхикшу — всего тысяча двести пятьдесят человек. Когда приблизилось время трапезы, Превосходнейший в мире оделся, взял патру и отправился в великий город Шравасты за подаением. После сбора подаения в городе он возвратился обратно и совершил трапезу, после чего снял утреннее одеяние и отложил патру, омыл ноги, приготовил себе место и сел. В это время бывший среди членов великой общины старейший² Субхути встал со своего места, обнажил правое плечо, преклонил правое колено, почтительно сложил ладони и обратился к Будде:

— Удивительно, о Превосходнейший в мире³, что Так Приходящий⁴ своей благостью охраняет всех бодхисаттв, милостиво относится ко всем бодхисаттвам. О Превосходнейший в мире, в чем должны пребывать добрый муж или добрая женщина⁵, возымевшие мысли об аннутарасамьяк — самбодхи⁶, как они должны овладевать своим сознанием?

Будда ответил:

— Хорошо сказано, хорошо сказано. Да, Субхути, так и есть, как ты говоришь. Так Приходящий своей благостью охраняет всех бодхисаттв, милостиво относится ко всем бодхисаттвам. Сейчас вникай в мои слова и постигай то, что я тебе скажу, в чем должны пребывать добрый муж или добрая женщина, возымевшие мысли об аннутара-самьяк-самбодхи, как должны они овладевать своим сознанием.

— Так, о Превосходнейший в мире, я желаю слышать твои наставления.

Будда сказал Субхути:

— Все бодхисаттвы-махасаттвы должны так овладевать своим сознанием: сколько бы ни было существ, должны они думать, рождающихся из яиц, рождающихся из утробы, рождающихся из сырости или вследствие превращений, имеющих цвето(форму)⁷ или не имеющих ее, мыслящих или не мыслящих, или не мыслящих и не не-мыслящих, всех их должен я привести в нирвану без остатка⁸ и уничтожить их⁹, даже если речь идет о несчастном, незримом и бесконечном числе живых существ. Однако в действительности ни одно существо не может быть уничтожено. И по какой причине?

Если бодхисаттва имеет образ “Я”, образ “человек”, образ “существо” и образ “долгожитель”, то он не является бодхисаттвой. Субхути, бодхисаттва, упроченный в Законе¹⁰, не должен совершать даяние, пребывая в цвето(форме),

не должен совершать даяние, пребывая в звуке, запахе, осязательных ощущениях или же пребывая в “законах”¹¹. Субхути, бодхисаттва, таким образом совершающий даяние, не имеет какого-либо образа. И по какой причине? Если бодхисаттва, не имея образа¹², совершает даяние, то его благодать счастья нельзя мысленно измерить. И по какой причине? Субхути, как ты думаешь, можно ли мысленно измерить ширь пустоты восточного пространства?

— Нет, о Превосходнейший в мире.

— Субхути, а ширь пустоты южного, западного, северного пространства, пустоты пространства со всех четырех промежуточных сторон, пространства верхнего и нижнего — можно ли мысленно измерить?

— Нет, о Превосходнейший в мире.

— Субхути, благодать счастья того бодхисаттвы, который, не имея образов, совершает даяние, также нельзя мысленно измерить. Субхути, бодхисаттва должен пребывать в том учении, которое сейчас проповедано мною. Субхути, как ты думаешь, можно ли распознать Так Приходящего по телесному образу?

— Нет, о Превосходнейший в мире, нельзя по телесному образу распознать Так Приходящего. И по какой причине? То, о чем Так Приходящий проповедовал как о телесном образе, не есть телесный образ.

Будда сказал Субхути:

— Когда есть образ, то есть и заблуждение. Если же смотреть на это с точки зрения образа, который не есть образ, то тогда и распознаешь Так Приходящего.

Субхути сказал Будде:

— О Превосходнейший в мире, родится ли истинная вера у существ, если они услышат такого рода речи?

Будда сказал Субхути:

— Не говори так. Через пять сотен лет после кончины Так Приходящего будут придерживаться обетов, приносящих благо, в которых тщательное изучение подобного рода речей сможет породить разум, исполненный веры, если к этим речам они будут относиться, как к истине. Знай, что благие корни этих людей посеяли не один будда, не два будды, не три, или четыре, или пять будд, но бесчисленное количество тысяч и десятков тысяч будд посеяли их благие корни. И это будут люди, которые, услышав и тщательно изучив эти речи, достигнут единой мысли, которая породит в них чистую веру. Так Приходящий точно знает, точно видит, что существа таким образом обретут неизмеримое количество благодати счастья. И по какой причине? По той, что для этих существ не будет существовать ни образа “Я”, ни образа “человек”, ни образа “существо”, ни образа “дол-

гожитель“, а также не будет для них существовать ни образа “закон“, ни образа “не-закон”¹³. И по какой причине? Если сознание существ схватывает образ, то тогда они и облакаются в “Я“, “человек“, “существо“, “долгожитель“. Если же охватывается образ “закон“, то именно тогда и облакаются они в “Я“, “человек“, “существо“, “долгожитель“. И по какой причине? Если схватывается образ “не-закон“, то тогда и облакаются они в “Я“, “человек“, “существо“ и “долгожитель“. Именно по этой самой действительной причине Так Приходящий часто проповедовал тебе и другим бхикшу: Знающие, что я проповедую Закон, подобный плуту, должны оставить восхваление “законов“, а затем более “не-законов“. Субхути, как ты думаешь, достиг ли Так Приходящий аннутара-самьяк-самбодхи и проповедовал ли Так Приходящий какой-нибудь Закон?

Субхути сказал:

Если я уяснил смысл проповеданного Буддой, то нет никакого установленного “закона“, который назывался бы аннутара-самьяк-самбодхи, а также нет никакого установленного Закона, который мог бы проповедовать Так Приходящий. Тот Закон, который проповедовал Так Приходящий, нельзя взять, нельзя проповедовать. Он не есть ни Закон, ни не-Закон. И почему это так? Всемудрые личности разнятся [от всех прочих] тем, что [опираются] на недеятельные “законы”¹⁴.

— Субхути, как ты думаешь, если человек наполнит три тысячи большой тысячи миров семью сокровищами¹⁵ и таким образом принесет их в дар, то много ли в награду получит он благодати счастья?

Субхути ответил:

— В высшей степени много, о Превосходнейший в мире. И по какой причине? По той, что благодать счастья не является опять-таки природой счастья. И по той причине Так Приходящий и проповедовал, что они получают много благодати счастья.

— И если также будет человек, который твердо усвоит все в этой сутре и возьмет из этой сутры даже только одну гатху их четырех стихов и проповедует ее другим людям, то превзойдет его благодать счастья всякую другую? И по какой причине? По той, что из этой сутры и произошли все будды и Закон аннутара-самьяк-самбодхи всех будд. Субхути, то, что называют Закон Будды, не есть закон Будды¹⁶. Субхути, как ты думаешь, может ли сротапанна¹⁷ иметь такую мысль: “Обрел я плод вступления в поток или же нет?”

Субхути сказал:

— О нет, Превосходнейший в мире! И по какой причине? Этим именем называют вступившего в поток, но он никуда

не вступил; он не вступил в цвето(форму), звуки, ароматные запахи, осязательные ощущения, “законы“. Это и называют “сротапанна“.

— Субхути, как ты думаешь, у сакридагамина может ли быть такая мысль: “Обрел я плод сакридагамина или нет?“

Субхути сказал:

— О нет, Превосходнейший в мире. И по какой причине? Этим именем называют возвращающегося один раз, но в действительности нет никакого возвращения, и это называют сакридагамином.

— Субхути, как ты думаешь, может ли быть у анагамина¹⁸ такая мысль: “Обрел я плод анагамина или нет?“

Субхути сказал:

— О нет, Превосходнейший в мире. И по какой причине? Анагамином называют того, кто не возвращается, но в действительности нет никакого возвращения; это и называют анагамином.

— Субхути, как ты думаешь, может ли у архата¹⁹ быть такая мысль: “Я достиг архатства или нет?“

Субхути сказал:

— О нет, Превосходнейший в мире. И по какой причине? В действительности нет никакой мерки, по которой называют архатом. О, Превосходнейший в мире, если бы у архата была мысль: “Я достиг архатства“, то он облекся бы в “Я“, “человек“, “существо“ и “долгожитель“.

О Превосходнейший в мире, Будда сказал, что я достиг несомненного самадхи и что я первый среди людей, первый свободный от желаний архат, но у меня нет мысли, что я достиг архатства. О, Превосходнейший в мире, в противном случае не говорилось бы, что Субхути является действующим в аранье²⁰, но Субхути в действительности не действует где-либо, и из-за этого и говорит, что Субхути действует в аранье.

Будда сказал Субхути:

— Как ты думаешь, есть что-нибудь в Законе, что Так Приходящий прежде получил бы от Будды, Зажигающего Светильник²¹?

— О, Превосходнейший в мире, Так Приходящий в действительности не получил у Будды, Зажигающего Светильник, ничего из того, что было бы в Законе.

— Субхути, как ты думаешь, бодхисаттва украшает земли Будды или же нет?

— Нет, о Превосходнейший в мире. И по какой причине? Украшающий земли Будда не украшает их, поэтому и называют это украшением.

— По этой причине, Субхути, все бодхисаттвы-махасаттвы должны именно так породить в себе чистое сознание,

сознание, не пребывающее в цвето(форме), не пребывающее в звуке, запахе, вкусе и в “законах”, такое сознание должны они породить. Они должны не пребывать где-либо и породить это сознание. Субхути, как ты думаешь, если будет человек, чье тело будет подобно Сумеру²², царю гор, то будет ли его тело большим?

Субхути сказал:

— Чрезвычайно большим, о Превосходнейший в мире. И по какой причине? Будда говорил, что нет тела, которое называлось бы большим телом.

— Субхути, как ты думаешь, если бы существовало столько Гангов, сколько песчинок в одном Ганге, то в этих Гангах было бы много песчинок или же нет?

Чрезвычайно много, о Превосходнейший в мире. Уже этих Гангов бесчисленное количество, а тем более песчинок в них.

— Субхути, я сейчас поистине поведаю тебе, что если добрый муж или добрая женщина наполнят семью сокровищами столь же бесчисленные три тысячи большой тысячи миров, что и число песчинок в этих Гангах, то через это даяние получают ли оно много благодати счастья?

Субхути сказал:

— Чрезвычайно много, о Превосходнейший в мире.

Будда сказал Субхути:

— Если добрый муж или добрая женщина возьмут из этой сутры хотя бы только одну гатху в четыре стиха, заучат ее и проповедуют другим людям, то приобретенная ими благодать счастья превзойдет заслуженную предыдущим деянием. Еще скажу, Субхути, что следует знать, что то место, где была взята из этой сутры гатха в четыре стиха, должно быть лелеемо всеми небожителями и асурами²³ всех мировых периодов как место, в котором находятся пагоды Будды²⁴. Тем более, если человек возьмет, заучит и прочтет весь текст полностью, Субхути, и изучит его, то следует знать, что этот человек преуспеет в изучении высшего, первейшего и удивительнейшего Закона, а место, где находится эта сутра, является местопребыванием Будды, или его достопочтенного ученика.

Тогда Субхути сказал Будде:

— О Превосходнейший в мире, а как надлежит назвать эту сутру? Как следует мне воспринимать ее?

Будда ответил Субхути:

— Название этой сутры “Алмазная праджняпарамита”²⁵, и под этим названием и в соответствии с ним тебе следует воспринимать ее. И благодаря чему это так? Субхути, когда Будда проповедовал праджняпарамиту, то она тогда была не

праджняпарамитой. Субхути, как ты думаешь, проповедовал ли Так Приходящий какой-нибудь Закон?

Субхути сказал Будде:

— Нет ничего, что проповедовал бы Так Приходящий.

— Субхути, как ты думаешь, много ли пылинок в трех тысячах большой тысячи миров?

Субхути сказал:

— Чрезвычайно много, о Превосходнейший в мире.

— Субхути, о всех пылинках Так Приходящий проповедовал как о не-пылинках²⁶. Это и называют пылинками. Так Приходящий проповедовал о мирах как о не-мирах. Это и называют мирами. Субхути, как ты думаешь, можно ли по тридцати двум телесным признакам распознать Так Приходящего?

— Нет, о Превосходнейший в мире, нельзя по тридцати двум телесным признакам распознать Так Приходящего. И по какой причине? Так Приходящий учил о тридцати двух признаках как о не-признаках. Это и называют тридцатью двумя признаками.

— Субхути, пусть добрый муж или добрая женщина будут жертвовать жизнью столько же раз, столько песчинок в Ганге, а какой-нибудь человек проповедует людям пусть даже только одну гатху в четыре стиха, извлеченную из этой сутры, и счастье его будет во много раз больше.

Тогда Субхути, постигнув глубину проповедуемой сутры и ее смысл, пролил слезу и сказал Будде:

— Удивительно, о Превосходнейший в мире. От глубокого смысла сутры, произнесенной Буддой, у меня открылось око мудрости. Ранее не слышал я такой сутры. Превосходнейший в мире, если будет человек, который услышит эту сутру, его исполненный верой разум очистится, и тогда родится у него истинный образ, и я знаю, что он обретет превосходнейшие и удивительнейшие заслуги. Но этот истинный образ тогда не будет образом. По этой причине Так Приходящий так и назвал его истинным образом. О, Превосходнейший в мире, сейчас я сподобился услышать такую сутру. Уверовать и принять ее учение нетрудно. Если в последующие времена, через пять столетий будут существа, которые услышат эту сутру, уверуют в ее учение и примут его, то эти люди будут прежде всего достойны восхищения. И каким образом? У этих людей не будет образа “Я”, образа “человек”, образа “существо”, образа “долгожитель”. И каким образом? Образ “Я” есть не-образ. Образ “человек”, образ “существо”, образ “долгожитель”, также есть не-образы. И по какой причине? Они удалят все образы, и их тогда назовут всеми буддами.

Будда сказал Субхути:

— Это так, это так. Если также будут люди, которые услышат эту сутру и не будут ошеломлены, не ужаснутся и не устроятся, то это будут люди, в высшей степени достойные восхищения. И по какой причине? Субхути, Так Приходящий проповедовал о высшей парамите как о не-высшей парамите. Это и называют парамитой. Субхути, о парамите терпения Так Приходящий проповедовал как о не-парамите терпения²⁷. И по какой причине? Прежде, когда царь Калики разрезал мою плоть²⁸, я не имел образа “Я”, образа “человек”, образа “существо”, образа “долгожитель”. И по какой причине? Если бы во время этих событий для меня существовали бы образы “Я”, “человек”, “существо”, “долгожитель”, то необходимо родились бы у меня злоба и гнев. Субхути, кроме того, я помню, что пятьсот рождений тому назад я был отшельником²⁹, исполненным терпения. В то время я также не имел образа “Я”, образа “человек”, образа “существо”, образа “долгожитель”. И поэтому, Субхути, бодхисаттва должен удалить все образы и возыметь мысли об аннута-самьяк-самбодхи. Он не должен породить сознание, пребывающие в цвето(форме), не должен породить сознание, пребывающее в звуке, запахе, осязательном ощущении и “законах”. Он должен породить сознание, не пребывающее ни в чем. Если сознание пребывает в чем-либо, то именно тогда оно не имеет пребывания. По этой причине Будда и говорил, что сознание бодхисаттвы не должно пребывать в цвето(форме), и только тогда следует совершать даяние. Субхути, бодхисаттва должен для блага всех существ именно таким образом совершать даяние. Так Приходящий учил о всех образах как о не-образах и еще учил о всех существах как о не-существах. Субхути, Так Приходящий является говорящим истинные речи, говорящим должные речи, говорящим действительные речи, а не говорящим лживых речей, не говорящим иных речей. Субхути, в Законе, который обрел Так Приходящий, в этом Законе нет ни действительного, ни “пустого”. Если мысль бодхисаттвы пребывает в “законах” при осуществлении даяния, то он подобен человеку, вошедшему во мрак и ничего не видящему. Если же мысль бодхисаттвы не пребывает в “законах” при осуществлении даяния, то он подобен зрячему, видящему разнообразные цвета при ярком свете солнца.

— Субхути, и далее, если добрый муж или добрая женщина смогут в будущем взять эту сутру, прочесть и заучить ее, то Так Приходящий премудростью Будды будет знать всей этих людей, будет видеть этих людей. И тогда приобретут они бесчисленные и безграничные заслуги.

— Субхути, если бы добрый муж или добрая женщина жертвовали бы своей жизнью так же много раз, сколько

песчинок в Ганге по утрам, жертвовали бы своей жизнью так же много раз, сколько песчинок в Ганге в полдень, жертвовали бы своей жизнью так же много раз, сколько песчинок в Ганге по вечерам, и если бы они жертвовали своей жизнью бесчисленное число миллиардов и десятков миллиардов раз, и если бы другой человек услышал бы эту сутру и его разум, исполненный верой, не противился бы ее учению, то его счастье превзошло бы счастье ранее упомянутых людей. А тем более это относится к тем людям, которые запишут, возьмут, прочтут, заучат и проповедуют ее другим людям. Субхути, исходя из этого, должно говорить, проповедовать ее. Эта сутра имеет сверхмыслимые, превышающие всякое наименование и безграничные достоинства. Так Приходящий произнес ее для последователей Великой Колесницы³⁰, для последователей Величайшей Колесницы. Если будут люди, которые смогут взять ее, прочитать ее, заучить всю ее и проповедовать ее другим людям, то Так Приходящий будет знать всех людей, будет видеть всех этих людей, и они приобретут неисчислимые, превышающие всякое наименование и безграничные заслуги. Такие люди обретут аннута-ра-самьяк-самбодхи Так Приходящего. И по какой причине? О Субхути, если люди, радующиеся малому Закону³¹, облакаются в воззрение “Я”, воззрение “человек”, в воззрение “существо”, в воззрение “долгожитель”, то они тогда не смогут услышать уже эту сутру и понять ее, не смогут прочитать и заучить ее, не смогут проповедать ее другим людям. Субхути, все те места, где имеется эта сутра, должны почитаться небожителями и асурами всех мировых периодов. Следует знать, что эти места тогда станут достойными почитания, подобно местам расположения пагод, достойными обхождения вокруг со всевозможными благовоениями и цветами. И еще, Субхути, даже если добрый муж или добрая женщина, заучившие, прочитавшие и изучившие эту сутру, будут презираемыми людьми, если эти люди будут презираемы по причине содеяния в прежних жизнях преступных дел, ведущих по пути зла³², то все равно в этой жизни (следствия) тех дурных дел будут уничтожены и эти люди обретут аннута-ра-самьяк-самбодхи.

— Субхути, я помню, что в прошлом, бесчисленное количество кальп тому назад, еще до Будды, Зажигающего Светильник, всего появлялась восемьдесят четыре тысячи сто миллиардов других будд, которых я почитал, и это почитание не прошло бесследно. И опять же, Субхути, если какой-нибудь человек в последние времена сможет заучить, прочитать и изучать эту сутру, то полученные им заслуги будут настолько больше моих заслуг от почитания всех будд прошлого, что эти мои заслуги не составят и одной сотой их

и все эти заслуги, даже если сосчитать до десяти или десяти тысяч миллионной части, нельзя будет и сопоставить с моими. Субхути, если добрый муж или добрая женщина в последние времена заучат, прочтут и изучат эту сутру, то их заслуги будут поистине таковыми, как я сказал. Но будут и люди, разум которых при слушании ее помутится, их обяжут сомнения, и они не уверуют. Субхути, следует знать, что как смысл этой сутры нельзя оценить умом, так и плод ее нельзя оценить умом.

Тогда Субхути спросил Будду:

— Превосходнейший в мире, когда добрый муж или добрая женщина возымели мысли об аннутара-самьяк-самбодхи, то в чем должны они пребывать, как должны они овладевать своим сознанием?

Будда сказал Субхути:

— У доброго мужа или доброй женщины, возымевших мысли об аннутара-самьяк-самбодхи, должна родиться такая мысль: “Я должен привести в уничтожение все существа. После же уничтожения живых существ в действительности ни одно существо не бывает уничтожено“. И по какой причине? Если у бодхисаттвы есть образ “Я“, образ “человек“, образ “существо“, образ “долгожитель“, то он не является бодхисаттвой. Вот по какой причине, Субхути, в действительности нет никакого способа стать возымевшим мысли об аннутара-самьяк-самбодхи. Субхути, как ты думаешь, Так Приходящий имел ли способ обрести у Будды, Зажигающего Светильник, аннутара-самьяк-самбодхи?

— Нет, о Превосходнейший в мире. Если я уяснил смысл сказанного Буддой, то Будда не имел способа обрести у Будды, Зажигающего Светильник, аннутара-самьяк-самбодхи.

Будда сказал:

— Это так, это так. В действительности, Субхути, нет никакого способа, которым Так Приходящий мог бы обрести аннутара-самьяк-самбодхи, то Будда, Зажигающий Светильник, не мог бы сказать обо мне: “В будущем ты станешь буддой по имени Шакья-Муни“. И таким образом, в действительности нет способа обрести аннутара-самьяк-самбодхи. И по этой причине будда, Зажигающий Светильник, сказал обо мне: “В будущем ты станешь буддой по имени Шакья-Муни“. И по какой причине? Так Приходящий — это Таковая Истина всех “законов“³³. Если люди говорят, что Так Приходящий обрел аннутара-самьяк-самбодхи, то в действительности нет способа, которым мог бы Будда обрести аннутара-самьяк-самбодхи. В том аннутара-самьяк-самбодхи, которое обрел Так Приходящий, нет ни действительного, ни “пустого“. И по этой причине Так Прихо-

дящий учил, что все “законы” являются “законами” Будды. Субхути, то, о чем говорят как обо всех законах, не есть все “законы”. Субхути, это можно сравнить с человеком, обладающим огромным телом.

Субхути сказал:

— О Превосходнейший в мире, если Так Приходящий говорит об огромном теле, то тогда это относится не к огромному телу. Это и именуют огромным телом.

— Субхути, это же касается и бодхисаттвы. Если он говорит: “Я приведу к уничтожению все бесчисленное количество существ”, — то тогда его нельзя назвать бодхисаттвой. И по какой причине? Субхути, в действительности нет никакого способа, чтобы называться бодхисаттвой. Вот по какой причине Будда говорил, что все “законы” лишены “Я”, лишены “человека”, лишены “существа”, лишены “долгожителя”³⁴. Субхути, если бодхисаттва имеет такую мысль: “Я украшаю земли Будды”, то его нельзя назвать бодхисаттвой. Так Приходящий проповедовал, что украшающий земли Будды не украшает их. Это и именуют украшением. Субхути, если же бодхисаттва является убежденным в том, что “законы” лишены “Я”, то Так Приходящий называет его настоящим бодхисаттвой.

— Субхути, как ты думаешь, имеет ли Так Приходящий телесное око?

— Это так, о Превосходнейший в мире, Так Приходящий имеет телесное око.

— Субхути, как ты думаешь, имеет ли Так Приходящий небесное око?

— Это так, о Превосходнейший в мире, Так Приходящий имеет небесное око.

— Субхути, как ты думаешь, имеет ли Так Приходящий око премудрости?

— Это так, о Превосходнейший в мире, Так Приходящий имеет око премудрости.

— Субхути, как ты думаешь, имеет ли Так Приходящий око “законов”?³⁵

— Это так, о Превосходнейший в мире, Так Приходящий имеет око “законов”.

— Субхути, как ты думаешь, имеет ли Так Приходящий око Будды?

— Это так, о Превосходнейший в мире, Так Приходящий имеет око Будды.

Субхути, как ты думаешь, о песчинках, которые есть в Ганге, говорил ли Будда как о песчинках?

— Это так, о Превосходнейший в мире, Так Приходящий говорил, что это песчинки.

— Субхути, как ты думаешь, если бы было столько Гангов, сколько песчинок в одном Ганге, и число песчинок в этих Гангах было бы равно числу миров Будды, то много ли было бы миров?

— Чрезвычайно много, о Превосходнейший в мире.

Будда сказал Субхути:

— Сколько бы ни было мыслей у существ в землях и странах (этих миров), все их ведает Так Приходящий. И по какой причине? Так Приходящий говорил о всех мыслях, поэтому их и именуют мыслями. По какой причине? Субхути, нельзя обрести прошлую мысль, нельзя обрести настоящую мысль, нельзя обрести еще не пришедшую мысль. Субхути, как ты думаешь, если какой-нибудь человек наполнит семью сокровищами три тысячи миров и принесет их в дар, то по этой причине много ли счастья обретет он?

— Да; о Так Приходящий, этот человек по такой причине обретет чрезвычайно много счастья.

— Субхути, если обретение счастья в действительности существует, то Так Приходящий не говорил, что обретается много благодати счастья. Из-за того, что у благодати счастья нет причины, Так Приходящий и говорил, что обретается много благодати счастья.

— Субхути, как ты думаешь, можно ли распознать Так Приходящего по всему видимому облику?

— Нет, не так, о Превосходнейший в мире. Не следует распознавать Так Приходящего по всему его видимому облику. И по какой причине? Так Приходящий проповедовал обо всем его видимом облике. Поэтому его и именуют всем его видимым обликом.

— Субхути, как ты думаешь, можно ли распознать Так Приходящего по совокупности всех признаков?

— О нет, Превосходнейший в мире. Не следует распознавать Так Приходящего по совокупности всех признаков. И по какой причине? Так Приходящий говорил, что совокупность всех признаков не есть совокупность. Это и именуют совокупностью всех признаков.

— Субхути, не говори, что у Так Приходящего есть такая мысль: “Есть Закон, который я проповедую”. Нельзя иметь такую мысль. И по какой причине? Если люди говорят, что есть Закон, который проповедовал Так Приходящий, то они клеветают на Будду по той причине, что не могут понять то, что я проповедую. Субхути, проповедующий Закон не имеет Закона, который можно было бы проповедовать. Это и именуют проповедью Закона.

Тогда умудренный Субхути сказал Будде:

— О Превосходнейший в мире, будут ли в последние времена существа, услышавшие проповедь этого Закона, в которых он породит верующее сознание?

— Субхути, они и не существа и не не-существа. И по какой причине? Субхути, о существах Так Приходящий говорил как о несуществах. Поэтому их и называют существами.

Субхути сказал Будде:

— О Превосходнейший в мире, в том аннута-самьяк-самбодхи, которое обрел Будда, нет ничего, что могло бы быть обретоно.

— Это так, это так. Субхути, что касается аннута-самьяк-самбодхи, обретенного мною, то поистине нет даже и малейшего способа, которым можно обрести то, что именуют аннута-самьяк-самбодхи.

— К тому же, Субхути, этот Закон равновелик, в нем нет высокого и низкого. Это и именуют аннута-самьяк-самбодхи, и из-за этого оно лишено “Я”, лишено чего бы то ни было, что соответствовало бы образам “Я”, “человек”, “существо” и “долгожитель”. Совершенствуй все благие “законы” и тогда обрешь аннута-самьяк-самбодхи³⁶. Субхути, о благих “законах” Так Приходящий говорил как о не-благих. Их и называют благими “законами”.

— Субхути, если какой-нибудь человек соберет в таком количестве семь сокровищ, сколько в трех тысячах большой тысячи миров существует Сумеру, царей гор, и поднесет их в дар и если другой человек извлечет из этой праджняпарамита-сутры хотя бы одну гатху в четыре стиха, заучит, прочтет, изучит и проповедует ее другим людям, то количество благодати счастья, полученного в первом случае, не составит и одной сотой благодати счастья, полученной за второе деяние, не составит и одной стомиллиардной этой благодати счастья, и количество их даже нельзя будет сравнить.

— Субхути, как ты думаешь, ты ведь не говоришь, что у Так Приходящего есть такая мысль: “Я переправлю (в нирвану) все существа”. Субхути, нельзя иметь такую мысль. И по какой причине? В действительности нет никаких существ, которых переправлял бы Так Приходящий. Если бы были существа, которых переправлял бы Так Приходящий, то тогда существовали бы и “Я”, и “человек”, и “существо”, и “долгожитель”. Субхути, когда Так Приходящий говорил, что есть “Я”, тогда это не значило, что есть “Я”. Однако обыкновенные люди считают, что есть “Я”.

— Субхути, когда Так Приходящий говорил об обыкновенных людях, то это тогда означало не-обыкновенных людей. Это и именуется обыкновенными людьми. Субхути, как

ты думаешь, можно ли различить Так Приходящего по наличию тридцати двух признаков?

Субхути сказал:

— Это так, это так, можно различить Так Приходящего по наличию тридцати двух признаков.

Будда сказал:

— Субхути, если различать Так Приходящего по наличию тридцати двух признаков, то и Совершенный Государь, Поворачивающий Колесо, был бы Так Приходящим.

Субхути сказал Будде:

— О Превосходнейший в мире, если я уяснил смысл того, что проповедовал Будда, то не следует различать Так Приходящего по наличию тридцати двух признаков.

Тогда Превосходнейший в мире произнес гатху:

— Если кто-либо по цвето(форме) распознает меня или по звучному голосу ищет меня, то этот человек находится на ложном пути. Ему невозможно увидеть Так Приходящего.

— Субхути, если есть у тебя такая мысль: “Так Приходящий благодаря совокупности признаков обрел аннутара-самьяк-самбодхи“, — то, Субхути, не имей такой мысли. Так Приходящий не по причине наличия совокупности признаков обрел аннутара-самьяк-самбодхи.

— Если, Субхути, у тебя есть следующая мысль: «Возывшие мысли об аннутара-самьяк-самбодхи проповедуют обо всех “законах“, что они прекращают и уничтожают “образы“», — то не имей такой мысли. И по какой причине? Возывшие мысли об аннутара-самьяк-самбодхи никогда не проповедуют о “законах“, что они прекращают и уничтожают образы. Субхути, если бодхисаттва наполнит весь мир семью сокровищами в таком количестве, сколько песчинок в Ганге, и таким образом совершит даяние, и если какой-нибудь человек постигнет, что все “законы“ лишены “Я“, и через это обретет совершенство в терпении, то счастье, полученное этим бодхисаттвой, превзойдет заслуги предыдущего. И по какой причине? По причине того, что бодхисаттвы, Субхути, через это не получают благодати счастья.

Субхути сказал Будде:

— Скажи, о Превосходнейший в мире, как это бодхисаттвы не получают благодати счастья?

— Субхути, бодхисаттве не следует быть алчным по отношению к заслуженной им благодати счастья. По этой причине и называют это не-получением благодати счастья.

— Субхути, если кто-нибудь говорит, что Приходящий пришел, или ушел, или сидит, или лежит, то этот человек не принимает смысла проповеданного мною. И по какой причине? Так Приходящий ниоткуда не приходит и никуда не уходит, поэтому его и именуют Так Приходящим³⁷. Если

добрый муж или добрая женщина превратит в пыль три тысячи большой тысячи миров, то, как ты думаешь, много ли будет пылинок в таком скоплении?

— Чрезвычайно много, Превосходнейший в мире. И по какой причине? Если бы скопления пылинок в действительности существовали, то Будда отнюдь не говорил бы, что это скопления пылинок. И каким образом? Когда Будда проповедовал о скоплениях пылинок, то тогда это были не скопления пылинок. О Превосходнейший в мире, когда Так Приходящий проповедовал о трех тысячах большой тысячи миров, то это были не-миры, это и именуют мирами. И по какой причине? Если бы миры в действительности существовали, то это был бы “образ их гармонии в единстве”. Когда Так Приходящий проповедовал “об образе их гармонии в единстве”, то он не был “образом их гармонии в единстве”. Это и называют “образом их гармонии в единстве”.

— Субхути, “образ их гармонии в единстве” является тем, о чем нельзя проповедовать, однако обыкновенные люди алчны до всех таких дел.

— Субхути, если люди будут говорить, что Так Приходящий проповедовал воззрения о наличии “Я”, “человека”, “существа” и “долгожителя”, то, как ты думаешь, Субхути, поняли ли те люди смысл того, что я проповедую?

— О Превосходнейший в мире, те люди не поняли смысла того, что проповедовал Так Приходящий. И по какой причине? Когда Превосходнейший в мире проповедовал воззрение о (наличии) “Я”, воззрение о (наличии) “человека”, воззрение о (наличии) “существа”, воззрение о (наличии) “долгожителя”, то это тогда не было воззрением о (наличии) “Я”, воззрением о (наличии) “человека”, воззрением о (наличии) “существа”, воззрением о (наличии) “долгожителя”³⁸.

— Субхути, возымевшие мысли об аннугара-самьяк-самбодхи так должны познавать все “законы”, так должны рассматривать их, так должны верить и понимать их: не рождается образ “закон”. Субхути, о том, о чем говорят как об образе “закон”, Так Приходящий проповедовал как о не-образе “закон”. Это и именуют образом “закон”.

— Субхути, если какой-нибудь человек в течение бесчисленных кальп заполнит миры семью сокровищами и принесет их в дар и если добрый муж или добрая женщина, которые возымели мысль бодхисаттвы, извлекут из этой сутры хотя бы одну гатху в четыре стиха, заучат ее, прочтут, изучат и подробно проповедуют ее другим людям, то их счастье превзойдет счастье от предыдущего деяния. Скажи, как же они будут подробно объяснять ее другим людям? Когда не схватывается образ, то и Таковая Таковость не

движется³⁹ И по какой причине? Как на сновидение, иллюзию, отражение (тени) пузырей, как на росу и молнию, так следует смотреть на все деятельные “законы”.

Когда Будда закончил проповедь этой сутры, старейший Субхути и все бхикшу и бхикшуни, упасака и упасика⁴⁰, все небожители и асуры этого мирового периода восприняли все проповеданное Буддой с великой радостью, уверовали и стали следовать этому.

“Алмазная Праджняпарамита сутра“ закончена.

Перевод Е.А. Торчинова

КОММЕНТАРИИ

“Ваджраччхедика Праджняпарамита Сутра“, известная в Европе как “Алмазная Сутра“, принадлежит к наиболее почитаемым буддийским текстам дальневосточной традиции. Всего известно пять переводов сутры на китайский язык: Кумарадживы, Бодхиручи, Парамартхи, Дхармагупты, Сюаньцзана и Ицзина. Наиболее авторитетна для традиции версия Кумарадживы, с которой и выполнен настоящий перевод.

Популярность “Ваджраччхедики“ во многом объясняется ее лаконизмом в сочетании с полнотой содержания и выражения праджняпарамитской доктрины. Эта доктрина (“праджня парамита“ — интуитивная “премудрость, переводящая на другой берег существования“) начала формироваться в Индии на рубеже нашей эры и оказалась тесно связанной с философией школы мадхьямика (шуньявада), которая в известном смысле представляет собой систематизированное и рационализированное праджняпарамитское учение.

“Ваджраччхедика“ была написана, видимо, в III — первой половине IV века нашей эры, хотя существует точка зрения, датирующая ее I—II веками нашей эры, когда возникла потребность в создании обобщенных редакций объемистых ранних сутр. Подобного рода выделение сути доктрины и было дано в малых праджняпарамитских текстах — “Ваджраччхедике“ и “Праджняпарамита хридайя сутре“ (Божоболомидо синь цзин, Сутра сущности — сердце праджняпарамиты).

Основные моменты учения “Ваджраччхедики“ таковы:

1. Не существует никаких самодостаточных “своеприродных“ сущностей—дхарм. Из представления о реальности дхарм возрастают все прочие ложные представления о реальности атмана (кит. *во* — субстанциальное “я“), личности как субстанциальной целостности (санскр. *пудгала*; кит. *жень* — “человек“), существа (*самттва* ; *чжун шэн*) и души (*джива*; *шоу чжэ* — дословно “долгожитель“).

2. Все эти представления (самджня, сян) не представляют никакой реальности и являются лишь ментальными построениями, которые ее подменяют.

3. Наделенный совершенной премудростью бодхисаттва понимает все это, интуитивно познает реальность как она есть, переживает тождество сансары (лунь хуэй) и нирваны (непань) и, руководимый этим знанием, действует на уровне относительной, условной истины, спасая живые существа, хотя с точки зрения высшей истины ни одно существо не может быть спасено по причине ложности самого представления о наличии “сущест^в”, а также изначальной освобожденности, “спасенности” сущего — поскольку сансара и нирвана тождественны.

4. Понятие “Будда” также с высшей точки зрения не говорит ни о чем, но и на уровне условной истины его значение иное, чем считают люди, лишённые мудрости: Будда — не просветленный человек, а “истинная реальность, как она есть”, “таковая истина всех дхарм” (элементов бытия).

Сутра, представляющая собой как бы объективацию пробужденного сознания автора текста и средство порождения такового у читающего (см. труды Л.Э. Мялля), наполнена парадоксальными высказываниями, которые как бы тестируют читателя на понимание текста (для того, кто понял, парадоксальность оказывается мнимой).

¹Mahāsamgha (да чжун).

²Sthavira (наме́йск. *thera*).

³Blagavan, lokavestha.

⁴Tathāgata.

⁵Kulaputra (kuladuhitr).

⁶Совершенное и полное “просветление”

⁷Rūpa.

⁸Anupadhisesa nivāna.

⁹Уничтожить их “эго”.

¹⁰Dharma, в смысле “учение Будды”.

¹¹Dharma в абхидхармистском смысле. В данном случае “дхарма дхату”, “дхармовый элемент”, “вишая” (объект) для “манаса” (ума, *кит.* синь).

¹²Symjñā, ментальный образ, представление-понятие.

¹³У позднейших переводчиков добавлено: “И не будут они иметь ни представления (образа; сян; сянчжуань), ни не-представления (образа)”. Или же: “И не будут они ни иметь представления (образа), ни не иметь представления (образа)”.

¹⁴У-вэй фа — asamskrta dharmā.

¹⁵Семь сокровищ — символические предметы, почитаемые буддистами: круг совершенства, мистический восьмиугольник чандамани, фигура министра, фигура слона с восьмиградусным кругом на спине, лошадь с чандамани на спине и фигура военачальника. По преданию, в Индии эти семь предметов считались регалиями чакравартина (вселенского монарха), а также Будды. В буддизме махаяны имеют сложное символическое значение.

¹⁶Это место может пониматься иначе. Возможен перевод: «То, что называют “законами” Будды, не есть “законы” будды». Тогда иероглиф “фа” имеет не значение “закон, учение”, а значение “дхармы” как элемента абсолютной реальности.

¹⁷Сротапанна (srotāpanna) — первый “плод” на “пути практики” (bhāvanamārga), по учению хинаяны. Дословно означает “вступивший в поток”. По учению хинаяны человеку, “вступившему в поток”, уже обеспечен успех на путях к нирване. Он уже не может попасть в разряд “обычных людей” (pīṭaka — jana).

Сакридагамин (sakrīdagāmin) — “тот, кто вернется один раз” — означает, по учению хинаяны, того, кто еще раз должен возвратиться на ступень желаний (kāmadhātū; юй цзе). Второй плод “пути практики”.

¹⁸Анагамин (anāgāmin) — “тот, кто не придет”, “не возвращающийся”. Третий плод “пути практики”. По учению хинаяны, анагамин уже не будет перерожден в “мире страстей”, не вернется на эту ступень.

¹⁹Архат, по учению хинаяны, — святой, достигший цели, нирваны, и навеки погружившийся в нее. Все вышеназванные подразделения личностей в махаяне подробно не раскрываются, но предполагается, что это стадии первых двух ступеней пути махаянского святого. Идеал же архата считается в махаяне недостаточным и заменяется идеалом бодхисаттвы спасителя всей живых существ.

²⁰Аранья (āgāṇā, аланья; у цзин) имеет следующие значения: 1) жизнь без ссор и грехов (как оппозиция к gaṇa ‘сора, грех’); 2) отсутствие конфликтов и враждебности, мир; 3) свобода от страстей (gaṇa — gaṇa, ‘страсть’); 4) свобода от аффектов, клеш (gaṇa — kleśa); 5) жизнь в уединении; 6) спокойствие, умиротворенность. Араньявихарин (āgāṇa — viharin) — человек, живущий в лесу, в уединенности, спокойствии. Харабхадра, комментатор праджняпарамитских текстов, поясняет этот термин как состояние

сознания, выражающееся во внутренней умиротворенности и добром отношении к окружающим.

²¹Дипанкара (Dipankara) — по буддийскому учению, будда, проповедовавший перед Шакья-Муни и предсказавший последнему, что в будущем, через много перерождений, тот станет буддой по имени Шакья-Муни.

²²Сумеру (Sumeru, суймишань) — по традиционной буддийской (и индийской вообще) космологии, высочайшая вершина мира, центр “земного мира”.

²³Небожители (*санскр.* дэва (deva)) — обитатели высшего уровня “ступени желаний”. По буддийской мифологии, “блаженные боги”, которые, однако, как и все сансарические существа, подвержены рождению и смерти и возможности перерождения в низких сферах.

Асуры (asura) — титаны, воинственные духи, обитатели более низкого уровня. Небесное, “асурическое”, или человеческое “перерождение” в буддизме считается “счастливым”. По буддийскому учению впрочем, именно человек находится в наилучших условиях для обретения нирваны.

²⁴Пагода — китайская модификация “ступы”. В санскритском тексте это место выглядит несколько иначе: говорится не о небожителях и асурах всех мировых периодов, а обо всех небожителях, людях и асурах Вселенной (sadeva — mānusa asurasya lokasya). Впрочем, возможно, что и китайский текст допускает подобный перевод. Тогда ши сянъя является эквивалентом для loka — ‘мир, Вселенная’.

²⁵Цзиньган божо боломи (Vajragājāpāramita) — Премудрость, подобная алмазу (ваджре) и переводящая в “запредельное”.

²⁶Другими словами это можно выразить так, эксплицировав идею сутры: “Когда Будда проповедовал о пылинках, то это были не пылинки, поэтому обо всех пылинках Будда проповедовал как о не-пылинках. Это и называют пылинками”. Это означает: «Когда об “А” говорится, что это не есть “А”, то говорить об “А” следует как о “не-А” (то есть вещь в себе определять через отрицание, ибо ее нельзя обозначить). Это и называют “А”».

Подтверждение этого есть в самом тексте (см. ниже: “Если бы скопления пылинок в действительности существовали, что Будда отнюдь не говорил бы, что это скопления пылинок. И каким образом? Когда Будда проповедовал о скоплениях пылинок, то это были не-пылинки. Это и называют скоплением пылинок”). Но и это не является высшим воззрением, по учению сутры, ибо (см. ниже) “нет ничего, что проповедовал бы Так Приходящий”.

²⁷Парамита терпения — кшантипарамита (ksantiparamitā, женьшу боломи).

²⁸Сказание, восходящее, по всей видимости, к джатакам — повествованиям о прежних воплощениях Шакья-Муни.

²⁹Отшельник — риши (rsi). Вероятно, этот фрагмент сутры также имеет отношение к джатакам.

³⁰Maḥāyāna.

³¹Лэ сяофачжэ — hinādhimuktika. Возможно, намек на хинаянистов, т. е. на тех, кто считает наивысшим и достаточным учение шраваков и пратьекабудд. Но возможно также, что здесь имеются в виду небуддисты.

³²Имеется в виду возможность обрести так называемые неблагие формы перерождения (перевоплощение в животное, “голодного духа“ или обитателя ада).

³³Таковая истина всех “законов“ — чжу фа жу-и, бхутататхата (bhūtataṭhata) всех дхарм. Бхута-татхата — “действительная таковость“, “сущностная таковость“. Данное высказывание связано с махаянским учением о “дхармакае“ будды, о будде как об абсолюте. Таким образом, по учению сутры, слово “татхагата“ (Так Приходящий) следует понимать в смысле абсолютной реальности “дхармового тела будды“, оно соотносится с понятиями “татхата“, “реальность“, “вещь“, как они есть в действительности“, “вещь в себе“.

³⁴Другими словами, не только нет таких дхарм, как “Я“ (атман), “человек“ (пудгала), “существо“ (саттва), “долгожитель“ (джива), но и сами дхармы не являются самосущими (цзы син) единичностями.

³⁵То есть способность распознавать дхармы.

³⁶По всей видимости, имеется в виду одна из “операций“ с дхармами, а именно: развитие уже имеющихся “благих тенденций, связанных с уже актуализировавшимся набором “благих“ (шань фа) дхарм“.

³⁷Сокращенный вариант часто употребляемой формулы. Смысл ее в данном случае, вероятно, таков: “Так Приходящий — понятие, связанное с Таковостью (tathatā; жу), но Таковость незнакова по своей природе, и именно поэтому используют неадекватные обозначения ее, ибо всякое обозначение ее будет неадекватным“.

³⁸У Парамартхи, Дхарнагупты, Сюаньцзана и Ицзина переведено: «Когда Так Приходящий проповедовал воззрение о наличии “Я“, то тогда это было не-воззрение. Это и называют воззрением о наличии “Я“». По-видимому, это место означает, что если бы “Я“ действительно существова-

ло, то его все равно нельзя было бы назвать “Я”, ибо истинно сущее неопишимо, а описуемое нереально. Поэтому когда Будда проповедовал воззрение о существовании “Я”, то он не имел в виду, что это “Я”, поскольку “Я” — только “представление — понятие”, “образ”, а не реальность, могущая быть как-либо обозначенной.

³⁹Это место почти во всех текстах “Ваджраччхедики”, во всех переводах ее выглядит по-разному (это относится и к китайским переводам). Вариант Кумараживы Э. Конзе предлагает переводить так: “Когда он не схватывает знаки, то и Таковость остается непоколебимой” (*санскр.* *asaḥ* (4, с. 62)).

⁴⁰Мирские последователи буддизма, мужчины и женщины.

Е.А. Торчинов

СОДЕРЖАНИЕ

Свет великой жизни (С.А. Комиссаров)	5
А.Ф. Герольд. Жизнь Будды (перевод С.А. Комиссарова)	9
К.М. Карягин. Сакия-муни	142
С.Ф. Ольденбург. Жизнь Будды, индийского Учителя Жизни	196
Алмазная Сутра: Ваджраччхедика Праджняпарамита Сутра — Цзиньган божо боломи Цзин (перевод и комментарии Е.А. Торчинова)	217

Научно-художественное издание

ЖИЗНЬ БУДДЫ

Редактор *Л.В. Островская*

Художник *В.И. Шумаков*

Технический редактор *Л.П. Минеева*

Корректоры *С.М. Погудина, Л.А. Щербакова*

Оператор компьютерной верстки *Л.В. Ермоленко*

ИБ № 50591

ЛР № 020297 от 27.11.91. Сдано в набор 13.09.94. Подписано в печать 17.11.94.
Бумага типографская. Формат 84×108 1/32. Гарнитура таймс. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 12,6+0,8 на мел. бум. Уч-изд. л. 16,1. Тираж 15000 экз. Заказ № 213.

Сибирская издательская фирма РАН. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.

Оригинал-макет изготовлен на настольной издательской системе.

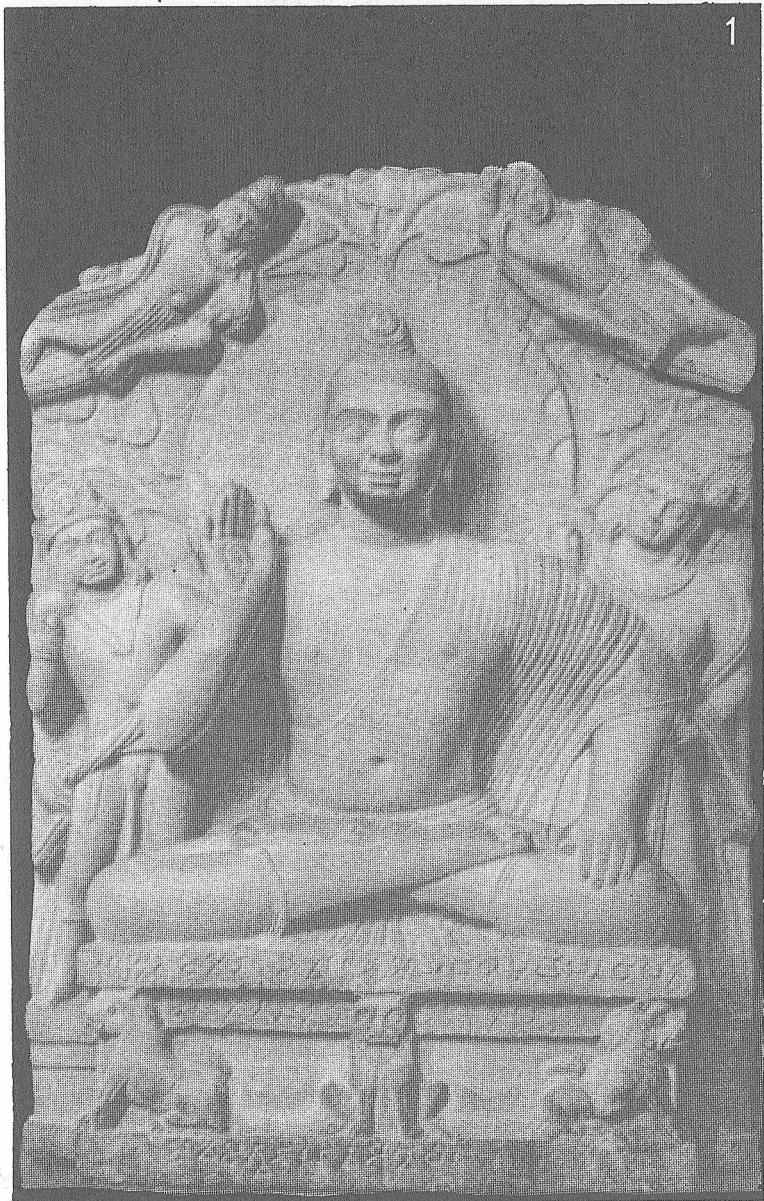
Новосибирская типография № 4 РАН. 630077 Новосибирск,
ул. Станиславского, 25.

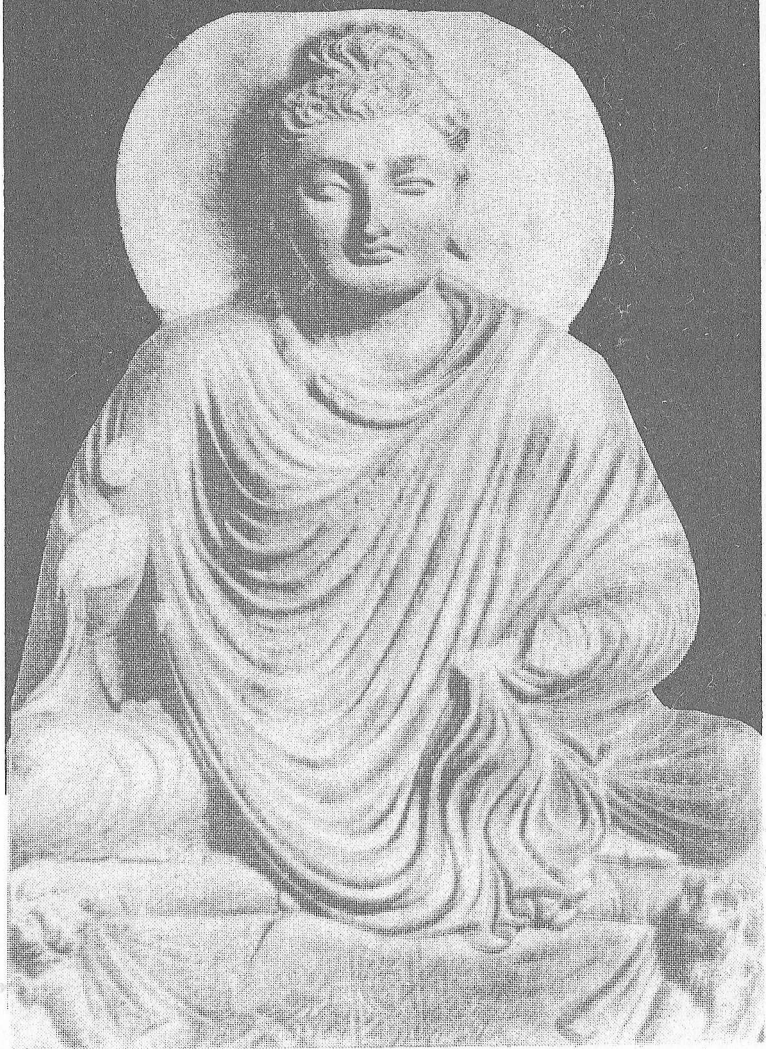

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ*

1. Будда, восседающий на троне. Кушанское искусство Матхуры, II в. Стела из красного песчаника, найденная в Катре, штат Уттар-Прадеш (Индия).
2. Сидящий Будда. Скульптура из серого сланца. Кушанское искусство Гандхары (Пакистан), II—III вв.
3. Один из пяти дхьяни-будд, порожденных Адибуддой. Образец кушанского искусства Гандхары, II—III вв. Скульптура из голубого сланца хранится в Центральном музее г. Лахор.
4. Лев — символ торжества Учения. Резная каменная скульптура из Северного Китая, династия Вэй (около 500 г.).
5. Бодхисаттва милосердия Авалокитешвара. Над его челом изображена сидящая фигура “духовного отца” — будды Амитабы — покровителя “Западного рая” Резная каменная скульптура из провинции Хэнань (возможно, из знаменитого пещерного храма Лунмэнь). Династия Тан (конец III в.).
6. Демон ада — охранитель могил. Глазурованная керамическая фигурка из погребения 744 г. близ г. Сианя (Северо-Западный Китай).
7. Торс бодхисаттвы. Образец танской пластики (VII—X вв.) из Шаньсиского провинциального музея (г. Сиань). Материал — известняк.
8. Богиня милосердия Гуанинь — женское воплощение бодхисаттвы Авалокитешвары. Китайская деревянная статуя династии Сун (примерно XII в.).
9. Деревянная скульптура архата. Северный Китай, династия Сун (возможно, XII—XIII вв.).
10. Фарфоровая статуэтка Гуаньинь. Изготовлена в мастерских Дэхуа (провинция Фуцзянь) при династии Мин (примерно XVI в.).
11. Бронзовая статуэтка Будды, восседающего на лотосе. Из коллекции Агинского дацана (хранится в Музее антропологии и этнографии РАН).
12. Будда научающий. Бронзовая статуэтка из коллекции Агинского дацана.
13. Архат, ученик Будды. Деревянная скульптура из коллекции Агинского дацана.
14. Бодхисаттва Авалокитешвара — одиннадцатиликий и восьмирукий. Бронзовая статуэтка из коллекции Агинского дацана.
15. Белая Тара — избавительница от бед. Произошла она из слезинки, которую уронил своим правым глазом бодхисаттва Авалокитешвара, сострадающая мучениям человечества. Деревянная скульптура из коллекции Агинского дацана.
16. Вероучитель Цзонхава, реформатор тибетского буддизма. Бронзовая статуэтка из коллекции Агинского дацана.

*В иллюстрациях к книге мы попытались представить некоторые этапы развития буддийского искусства. Для отбора рисунков использовались следующие издания: Л. Гумилев. Старобурятская живопись. М: Искусство, 1975; Н.А. Виноградова. Искусство Китая. М.: Изобразительное искусство, 1988; С.И. Тюляев. Искусство Индии. М.: Искусство, 1988; *Chinese sculpture: Collection of Jan Kleijkamp and Ellis Monroe.* N.Y., 1944.

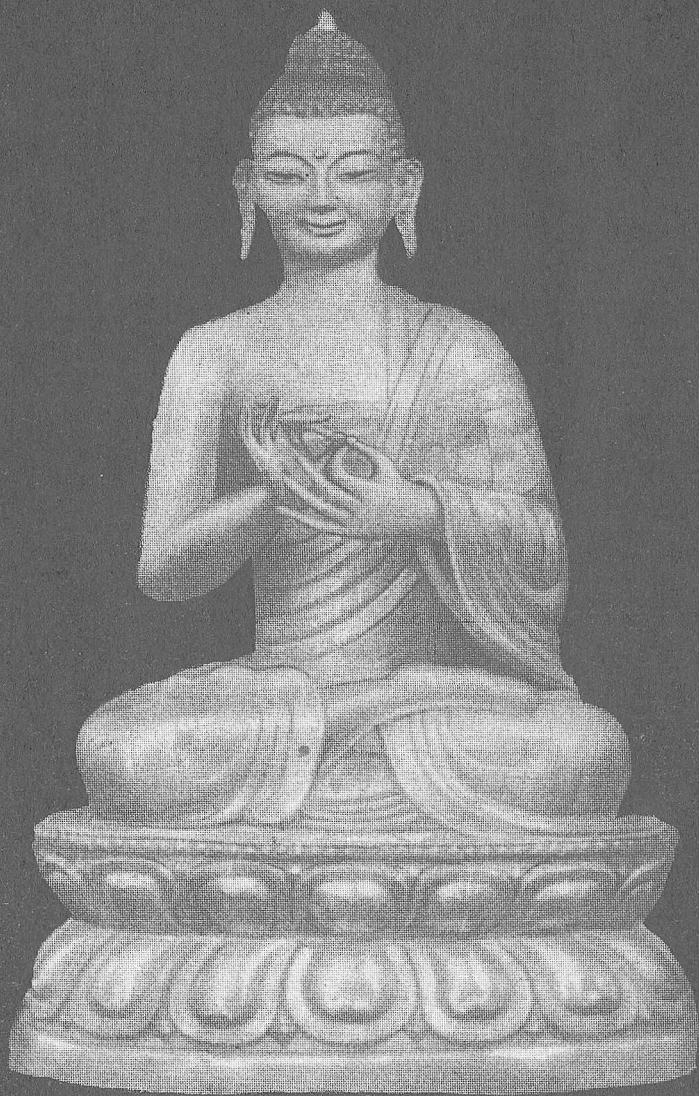

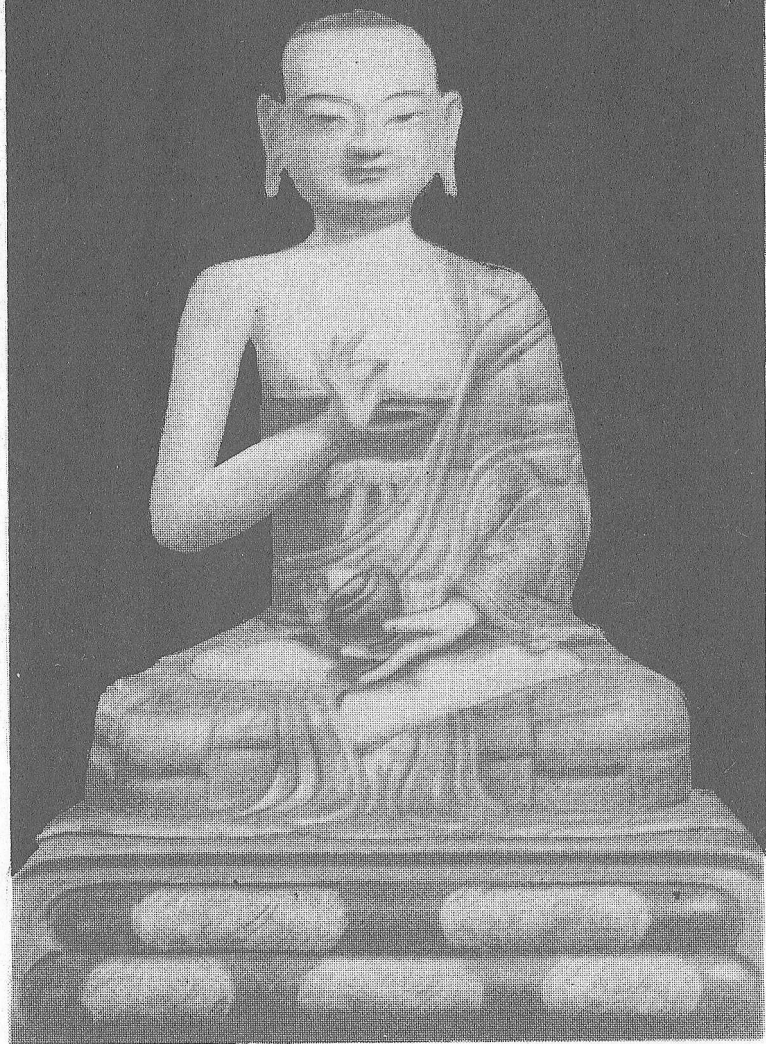

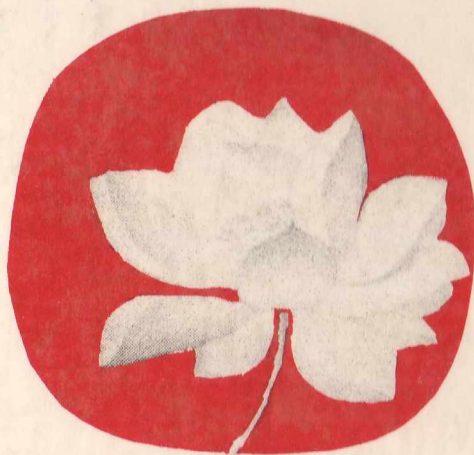

○

А. Ф. ГЕРОЛЬД

ЖИЗНЬ

БУДДЫ

○

К. М. КАРЯГИН

САЖИЯ-

МУЖИ

○

С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГ

ЖИЗНЬ

БУДДЫ

○

АЛМАЗНАЯ

СУПРА

○